

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 3 (86) 2023

Донецк

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1999 году

Выпуск № 3(86) 2023 год

Учредитель – ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Разумный В.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук (ДонГУ);

Отв. секретарь – Посредников Д.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Агапов В.Л., д-р ист. наук (ДонГУ);

Бредихин А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Колесник А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Кузнецова Е.В., к-т полит.наук (ДонГУ);

Минаев А.И., д-р ист. наук (ДонГУ);

Пенькова О.Б., к-т ист. наук (ДонГУ);

Черкашин К.В., к-т полит.наук (ДонГУ).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Баранов А.В., д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет);

Беловолов Ю.Г., д-р ист. наук (Донецкий государственный университет);

Ерхов Г.П., д-р ист. наук (Донецкий государственный университет);

Кияшко А.В., д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону);

Кринко Е.Ф., д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону);

Липинский В.В., д-р ист. наук (Донецкий государственный университет);

Саржан А.А., д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет);

Шендрикова С.П., д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского г. Симферополь);

Шепко Л.Г., д-р ист. наук (Донецкий государственный университет);

Цыганков П.А., д-р филос. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, г. Москва)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

Индексация журнала

Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
(лицензионный договор
№117-03/2016
от 9 марта 2016 г.);

Журнал входит

в перечень рецензируемых научных изданий Донецкой Народной Республики
(приказ Министерства образования и науки ДНР от 01.11.2016 г., № 1134)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Серия ААА, №000149,
выдано 20 июня 2017 г.

Адрес редакции:

283001, г. Донецк,
ул. Университетская, 22,
исторический факультет

Тел. +7(856) 302-07-25

e-mail: v.razumnyiy@donnu.ru

Сайт <http://donnu.ru>

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ФГБОУВО «Донецкий государственный университет»
22.12.2023 (протокол № 12)*

*Выпуск подготовлен в Донецком государственном университете
под редакцией С.В. Беспаловой, ректора университета, д-ра физ.-мат. наук, профессора*

Ж92 Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – Донецк, 2023. – № 3(86). – 225 с.

ISSN 2079-9152

В очередном выпуске научного журнала представлены статьи по истории, политологии и международным отношениям. Авторы посвятили свои работы актуальным проблемам современности. Важное место отведено изучению истории Донбасса и России как неотъемлемых частей единого русского культурно-цивилизационного пространства.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.**

**Лицензионный договор с библиографической базой данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
№117-03/2016 от 9 марта 2016 г.**

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

© ФГБОУВО «Донецкий государственный университет», 2023

© Авторский коллектив выпуска, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Саенко А.С.** «Новый порядок» в оккупированном Донбассе (1941 – 1943 гг.): обзор отечественной историографии. 8
- Старченко Н.Н.** Советская повседневность периода послевоенного восстановления в 1945 – 1953 гг. в исследованиях российских историков. 18

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Подпрятков Н.В.** Государственные практики по мобилизации лютеранского духовенства России в интересах армии (1914 – 1917). 25
- Шабельников В.И.** Урегулирование спорных административных территорий между Россией и Украиной в 1917 – 1925 гг. 34
- Борисёнок Е.Ю.** Донбасс в период украинизации 1920–30-х годов: проблема межкультурного диалога. 44
- Мишечкин Г.В.** Артиллерия 8-й гвардейской армии в Изюм-Барвенковской наступательной операции (17 – 27 июля 1943 г.). 51
- Агапов В.Л.** Войска Юго-Западного фронта в Донбасской стратегической наступательной операции: 16 – 31 августа 1943 г. 62
- Хохлов В.С.** К 80-летию Донбасской стратегической наступательной операции. 79
- Пенькова О.Б.** Православные праздники и обрядность в жизни населения Донбасса: государственная политика и повседневность (1960-е – начало 1990-х гг.). 94
- Красноносков Ю.Н., Гончарук Е.И.** Формирование научной школы методологии и методики исторических исследований Г.Я. Пономаренко – В.А. Носкова в Донецком государственном университете (1970 – 1980-е гг.). 108
- Саржан А.А.** Структурный кризис промышленного комплекса Донбасса (вторая половина 1980-х гг.). 118
- Засорин С.А.** Характерные линии, методы и приемы фальсификации истории Великой Отечественной войны в современных украинских школьных учебниках истории. 123

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

- Шульга Д.П., Чекалина В.С.** Инокультурные влияния на несторианское искусство в эпоху монгольской династии Юань (на примере наследия Онгутов в горах Иншань). 132

- Минаев А.И.** Британский парламентаризм: критика отечественных революционеров-демократов второй половины XIX века..... 139
- Разумный В.В., Майкова М.А.** Отечественные и зарубежные письменные источники по истории Персии начала XX века. 155

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Кухтин М.М.** Восточноевропейская политика правительства О. Шольца: промежуточные итоги и ближайшие перспективы. 165
- Медовкина Л.Ю., Падалка Г.В.** Южный газовый коридор, как важный фактор энергетической стратегии Турции..... 175
- Мнухина Р.М.** Роль пандемии COVID-19 в реализации крупных совместных экономических проектов России и Китая (2020 – 2021 г.). 183
- Козловский А.Ю.** Изучение и защита русского и финно-угорских языков как фактор развития российско-венгерских отношений. 191

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Скворцов Ю.А., Шандро Н.Э.** Политический релятивизм исторического дискурса США. 198

НАША ПОЧТА

- Ешпанов В.С., Омарова К.Б.** Историческое наследие на базе сельского школьного музея на материалах:(КГУ «ООШ села Старый Колутон» Астраханского района Акмолинской области). 205
- Кайгородов П.И.** Шаг в бессмертие. Штурм высоты 101,0 курсантами и командирами ЧВВМУ 8 марта 1942 года. 210

CONTENT

HISTORIOGRAPHY

- Saenko A.S.** “New order” in the occupied Donbass (1941 – 1943): a review of domestic historiography. 8
- Starchenko N.N.** Soviet everyday life of the period of post-war reconstruction in 1945 – 1953. in the research of Russian historians..... 18

NATIONAL AND REGIONAL HISTORY

- Podryatov N.V.** State practices in mobilizing the Lutheran clergy of Russia in the interests of the army (1914 – 1917). 25
- Shabelnikov V.I.** Settlement of disputed administrative territories between Russia and Ukraine in 1917 – 1925. 34
- Borisyonok E.Yu.** Donbass during the period of Ukrainization of the 1920 – 30s: the problem of intercultural dialogue. 44
- Mishechkin G.V.** Artillery of the 8th Guards Army in the Izyum-Barvenkovskaya offensive operation (July 17 – 27, 1943)..... 51
- Agapov V.L.** Troops of the Southwestern Front in the Donbass strategic offensive operation: August 16 – 31, 1943. 62
- Khokhlov V.S.** To the 80th anniversary of the Donbass strategic offensive operation. 79
- Penkova O.B.** Orthodox holidays and rituals in the life of the population of Donbass: state policy and everyday life (1960s – early 1990s)..... 94
- Krasnonosov Yu.N., Goncharuk E.I.** Formation of a scientific school of methodology and methods of historical research G.Ya. Ponomarenko – V.A. Noskova at Donetsk State University (1970 – 1980s). 108
- Sarzhan A.A.** Structural crisis of the industrial complex of Donbass (second half of the 1980s). 118
- Zasorin S.A.** Characteristic lines, methods and techniques for falsifying the history of the Great Patriotic War in modern Ukrainian school history textbooks..... 123

THE WORLD HISTORY

- Shulga D.P., Chekalina V.S.** External cultural influences on nestorian art in the epoch of the Mongolian Yuan dynasty (on the example of the wang-gu burial ground, Inshan mountains). 132

- Minaev A.I.** British parliamentarism: criticism of domestic revolutionary democrats of the second half of the 19th century. 139
- Razumnyi V.V., Maikova M.A.** Domestic and foreign written sources on the history of Persia of the early twentieth century..... 155

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

- Kukhtin M.M.** Eastern European policy of the government of O. Scholz: intermediate results and immediate prospects..... 165
- Medovkina L.Yu., Padalka G.V.** Southern Gas Corridor as an important factor in Turkey's energy strategy..... 175
- Mnukhina R.M.** The role of the COVID-19 pandemic in the implementation of large joint economic projects between Russia and China (2020-2021)..... 183
- Kozlovsky A.Yu.** Study and protection of Russian and Finno-Ugric languages as a factor in the development of Russian-Hungarian relations..... 191

POLITICAL SCIENCE

- Skvortsov Yu.A., Shandro N.E.** Political relativism of US historical discourse..... 198

OUR MAIL

- Yeshpanov V.S., Omarova K.B.** Historical heritage on the basis of the rural school museum on materials: (MSI "SSH of the village of Stary Koluton" Astrakhan district of Akmola region). 205
- Kaigorodov P.I.** A step into immortality. Hight 101,0 assault by cadets and commanders of the CHVVMU on March 8 1942..... 210

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 94(477.6)"1941/1943"

А.С. Саенко

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: saencko.anton.2015@yandex.ru

«НОВЫЙ ПОРЯДОК» В ОККУПИРОВАННОМ ДОНБАССЕ (1941 – 1943 ГГ.): ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация

В статье рассматриваются тенденции «нового порядка», установленного нацистами в оккупированном Донбассе, отраженные в советской и постсоветской историографии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацизм, Третий рейх, оккупация, Донбасс, историография.

Summary

The article examines the trends in the study of the «new order» established by the Nazis in the occupied Donbas, reflected in Soviet and post-Soviet historiography.

Keywords: The Great Patriotic War, Nazism, the Third Reich, occupation, Donbass, historiography.

Изучение событий Великой Отечественной войны, извлечение уроков из ее опыта имеют важное значение не только для исторической науки, но и для правильного понимания многих современных политических, экономических и военных проблем.

К изучению и освещению различных сторон Великой Отечественной и Второй мировой войн в нынешнее время привлечено внимание историков, философов, экономистов, политических и военных деятелей, писателей и публицистов России и зарубежных стран.

Во многих западноевропейских государствах, особенно в таких, как США, Великобритания, Франция, Германия, издана обширная литература по истории Второй мировой войны. Многие книги, вышедшие в свет за рубежом по вопросам Второй мировой войны сознательно, в угоду современным поджигателям войны, сознательно извращают и фальсифицируют важнейшие факты Второй мировой войны, умаляют решающую роль советского народа и его Вооруженных Сил в этой войне.

Такие искажения в историографии оказывают влияние на формирование исторических знаний и представлений западного общества о событиях Второй мировой войны. Как результат, согласно опросу 2018 года, проведенному британской компанией социологических исследований «YouGov», 34% немцев считают, что наибольший вклад в победу над Германией внесли американцы и только 22% – советский народ. Самый высокий процент респондентов, которые считают, что решающий вклад в победу внесли американцы – во Франции (56%) и только 15% считают, что эта роль принадлежит Красной Армии [1].

В 2019 году Европейский парламент на своей очередной сессии в Страсбурге принял резолюцию «О важности европейской исторической памяти для будущего Европы». В нем, среди прочего, отмечалось, что Германия и Советский Союз, подписавшие Пакт о ненападении Молотова – Риббентропа и секретный протокол к нему, в равной степени несут ответственность за начало Второй мировой войны. Кроме того, национал-социалистический и коммунистический режимы приравниваются друг к другу и характеризуются не только как тоталитарные, но и как совершающие преступления против человечества [2].

Решение, принятое депутатами Европарламента, вызвало осуждение со стороны российских властей, ученых и общественности. Президент Российской Федерации В.В. Путин охарактеризовал данное решение, как абсолютно неприемлемое и некорректное.

Еще одним ярким примером служит принятие российской резолюции Генеральной Ассамблеей ООН о борьбе с героизацией нацизма, которое состоялось 16 декабря 2022 года. Стоит отметить, что 50 государств-членов Организации Объединенных Наций проголосовали против предложенной Российской Федерацией резолюции. Чаще всего именно эти страны и проводят политику фальсификации истории или же активно ее финансируют.

Заместитель постпреда России при ООН Геннадий Кузьмин отметил, что выступившие против данной резолюции государства – Германия, Япония, Италия «проявили откровенное кощунство в отношении памяти жертв германского нацизма, итальянского фашизма и японского милитаризма» [3].

Угождая политическим интересам, будучи ослепленными ненавистью к России эти страны готовы забыть об ужасах нацизма и фашизма как человеконенавистнических идеологий.

По мнению доктора исторических наук В.Г. Кикнадзе, фальсификация истории России оказывает все большее влияние на безопасность российского государства, возможность его дальнейшего эффективного развития. Ревизионизм приводит к подмене содержательного начала, цивилизационного значения в мировой истории.

«Особые риски связаны с тем обстоятельством, что ареной разрушения исторического сознания россиян оказались и история события, в основе которого обратная расколу народа величина – единство русского, советского

народа, беспрецедентное в мировой истории явление – Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов и Великая Победа», – отмечает В.Г. Кикнадзе [4, с. 8].

Принятие подобных резолюций не является чем-то новым. На наш взгляд, единственным эффективным, действенным способом борьбы с искажением исторической правды и ее фальсификациями является научное исследование, основанное на надежных источниках.

В данном контексте одной из основных проблем являются преступления нацистов на оккупированных территориях, представляющие беспрецедентный уровень человеконенавистничества гитлеровской Германии. В год 80-летия освобождения Донбасса особое значение приобретает исследование оккупационной политики нацистских захватчиков в регионе. Данный аспект темы сопряжен с историографией проблемы преступлений нацистов в оккупированном Донбассе (1941 – 1943 гг.), анализу которого посвящена данная статья.

Целью данной статьи является анализ изучения «нового порядка» в оккупированном Донбассе в отечественной историографии советского и постсоветского периода.

Нацистская оккупация («новый порядок») Донбасса продолжалась с октября 1941 по сентябрь 1943 года. За этот период гитлеровцы нанесли серьезный ущерб экономической, социальной, культурной и другим сферам региона. Количество жертв нацизма в Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областях исчисляется десятками тысяч человек.

Важно отметить, что территория Донбасса в период оккупации входила в зону военной администрации, где «высшим территориальным органом власти» был вермахт. На этой территории гитлеровский режим действовал с особой жестокостью.

Историографию проблемы условно можно разделить на три периода: первый охватывает военные годы и завершается в начале 1950-х годов, второй – с середины 1950-х до начала 1990-х гг. и третий – с начала 1990-х гг. до настоящего времени.

Первые попытки осмысления происходящего на оккупированной немцами и их союзниками территории Донбасса, были осуществлены еще во время войны. В основном там освещались преступления немецко-фашистских захватчиков, их экономическая политика в оккупированном регионе.

В брошюре А. Леонтьева «Зеленая папка Геринга» (1942 г.) раскрываются в общем контексте экономические планы нацистов. Экономика Донбасса занимала у них важное место, поскольку должна была обеспечивать германские войска на Восточном фронте. В целом, важно отметить, что в данной работе впервые показана структура военно-хозяйственного оккупационного аппарата [5].

Труд И. Коваленко «Цели и методы немецкого империалистической политики на оккупированных территориях» (1943 г.) [6] является одним из тех, где комплексно анализируется сущность и содержание оккупационного

режима. В этой работе автор впервые поднимает проблему создания административно-территориальных формирований на оккупированных территориях СССР. Основной массив информации в этом труде сосредотачивается на раскрытии преступлений оккупантов: разделение территории; эксплуатация и социальный гнет населения; ликвидация культурно-образовательных центров, общественных организаций, прессы и т.д.

Ценной является также работа О. ИONOVA «Преступления немцев в Донбассе» (1946 г.) [7]. Она раскрывает весь спектр нацистской политики и представляет значительный фактологический материал.

В конце 1940 – 1950-х гг. тема преступлений нацистов на оккупированных территориях начала подниматься в рамках издания материалов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), организованной в ноябре 1942 г. Публикации ЧГК представляют большую ценность. В них впервые стали появляться упоминания о преступлениях нацистов, в том числе и в Донбассе, а также в концлагерях на территории оккупированных областей Советского Союза. Кроме того, ЧГК опубликовала некоторые, идеологически выверенные воспоминания бывших узников концлагерей [8]. В изданных материалах содержится информация о деятельности карательных органов в Донбассе, последствиях установления «нового порядка» в регионе.

В середине 1950-х – начале 1960-х гг., в период «хрущевской оттепели», предпринимались попытки выстроить новые концепции, в частности, показать место советской Украины в Великой Отечественной войне. Одним из первых подобных трудов стала книга М. Супруненко [9]. Автор на основе документов и материалов рассматривает мероприятия советского руководства по организации отпора немецко-фашистским захватчикам, проявления героизма красноармейцев в боях на территории Украины, а также деятельность партизан в тылу врага.

Важно отметить сборник докладов советских историков на 3-й Международной конференции по истории Движения Сопротивления, состоявшейся в Чехословакии (г. Карловы Вары) в сентябре 1963 г. [10], где была показана структура органов управления на оккупированной территории, среди прочего, и в «военной зоне» (употребляется именно этот термин), куда входила территория Донбасса.

В этот период также появляются первые публикации по теме массового вывоза рабочей силы из оккупированных территорий СССР в Германию в советской научной и публицистической литературе.

Исследователи М. Коваль и В. Коваль в своих трудах данного периода освещают широкий спектр проблем Великой Отечественной войны, касающиеся оккупированных территорий. Среди прочего, проанализированы директивы командования вермахта и рейхсминистерства Розенберга, а также средства их реализации на практике [11 – 12]. Монографию М. Коваля можно

назвать единственной научной обобщающей работой, посвященной угону населения оккупированной Украины в Третий рейх [13].

Заметный вклад в изучение данной проблематики внесли А. Юденков и М. Загорулько [14]. В данной работе авторы рассматривают нацистские планы экономического ограбления временно оккупированных территорий СССР в годы Великой Отечественной войны, а также формы борьбы советского населения в тылу врага на основе немецких архивных источников.

Кроме того, в 1980-е годы был издан фундаментальный труд по истории Украины в 10-и томах, восьмой том которой полностью посвящен периоду Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. [15]. В данной работе представлены главы, отражающую военную историю Донбасса.

Анализируя исторические научные труды данного периода, стоит отметить их четкую идеологическую, пропагандистскую направленность. Советским историкам этого времени еще не были доступны многие источники, но, несмотря на все это, им удалось достаточно полно и основательно проработать, изучить основные проблемы Великой Отечественной войны, были определены направления дальнейших исследований по данной проблематике. Среди них в целом была очерчена проблема оккупационного режима в Донбассе как регионе, входившем в зону военной администрации.

Начало третьего этапа в развитии отечественной историографии характеризуется усиленным изучением проблематики Великой Отечественной войны. Историки постсоветского периода большое внимание уделяют комплексу экономических вопросов, связанных с войной и оккупацией.

Использование принудительного труда советских граждан в оккупированном Донбассе сводилось к получению максимальной пользы для удовлетворения экономических нужд гитлеровской Германии в рабочей силе. В соответствии с этим рабочая сила использовалась в двух направлениях:

- принудительный труд местного населения непосредственно на территории административно-территориальных единиц;
- депортация рабочей силы в Германию [16].

Так, в своих трудах И. Ветров уделяет внимание освещению экономических планов Третьего рейха перед нападением на Советский Союз, а также использования экономического потенциала Украины для нужд вермахта и т.п. [17]. Историки А. Саенко и Е. Шкрибитько в статье «Использование труда советских военнопленных в экономике Третьего рейха» акцентируют внимание на всесторонней экономической эксплуатации пленных в промышленности, транспорте, горнодобывающей отрасли, сельском хозяйстве, строительстве и производстве вооружения [18].

Научный интерес также представляет труд А. Потильчака [19]. Автор в своей диссертации рассмотрел планы нацистского руководства по эксплуатации ресурсов советской Украины, в частности, ее сельскохозяйственного потенциала.

Труды М.В. Ковалю и О.В. Потильчака положили начало изучению на серьезном научном уровне проблемы оstarбайтеров в современной

историографии, для которой характерно изучение темы в антропологической традиции и с точки зрения истории повседневности. Региональный аспект проблемы отображен в трудах С. Гальчака [20]. Трагической судьбе советских военнопленных в Донбассе посвящены труды А. Саенко [21, 22, 23]. Автор на основании актов ЧГК, материалов допросов свидетелей и других архивных материалов приводит примеры чрезвычайной жестокости нацистов по отношению к советским военнопленным в Донбассе, что является прямым нарушением Женевской конвенции 1929 года.

Для определения особенностей оккупационного режима необходимо осветить структуру административных органов. В работах П. Рекотова отражается реконструкция системы органов управления на оккупированной территории Украины, в том числе, и в Донбассе [24, 25].

Труды С.Е. Голикова «Трудящиеся Харьковской области в Великой Отечественной войне» [26] и Н.Ф. Хорошайлова «Донбасс непокоренный» [27] содержат отдельные упоминания о функционировании немецких военных органов управления и карательных отрядов СС.

В целом, вышеназванные историки обратили внимание на особенности проведения вербовочных кампаний в Сталинской области, принудительной эксплуатации остарбайтеров и уничтожении советских военнопленных.

В работе историка Д. Н. Титаренко «Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы» содержатся важные, объемные источники личного происхождения, позволяющие реконструировать исторические события того времени [28].

Рассмотрению некоторых вопросов региональной специфики «нового порядка» нацистов посвящены диссертационные исследования И. Тарнавского об оккупационном режиме в Донбассе [29] и В. Абакумовой [30] об оккупационном режиме и антифашистском сопротивлении на Луганщине в 1941 – 1943 гг.

Установленный нацистами «новый порядок» в Донбассе, как уже отмечалось, отличался особой жестокостью по отношению к гражданскому населению. Это нашло отражение в трудах некоторых донецких ученых.

Так, в «Журнале исторических и политологических исследований» в 2009 году были опубликованы статьи А. Иванова «Украинские националисты в Донбассе как пособники фашистских оккупантов» [31] о причастности бандеровцев к преступлениям против гражданского населения региона и В. Корнилова «Фашистская «украинизация» Донбасса: по материалам оккупированной прессы» [32]. В. Корнилов отмечает, что Служба безопасности Украины установила своеобразную монополию на «обнародование» и рассекречивание исторических архивных материалов, ограничиваясь лишь освещением темы голодомора и деятельности ОУН-УПА. Автор на основании материалов периодической печати оккупационного периода детально освещает особенности процесса политики «украинизации», антисемитизма и ксенофобии в Донбассе, рассматривает методы и инструменты ее проведения, отмечая роль западно-украинских националистов в этом процессе.

Важно отметить, что вышеназванные работы вышли в период, когда президентом Украины был В. Ющенко, проводивший политику реабилитации Украинской повстанческой армии и героизации бандеровцев.

Некоторым вопросам военных преступлений нацистов и их пособников в городах Сталинской области посвящены статьи, публикации Н. Левина [33], И. Тарнавского [34], А. С. Саенко [35], А.В. Крапивина [36], В.Ю. Носкова [37]. Все они на конкретных примерах демонстрируют беспрецедентную жестокость гитлеровцев по отношению к местному гражданскому населению и советским военнопленным.

Но, представленные работы освещают злодеяния нацистов в Донбассе фрагментарно. До сих пор отсутствуют обобщающие труды, посвященные преступлениям нацистов в оккупированном Донбассе.

Среди новейших публикаций представляет интерес статья В. Агапова, посвященная Сталинскому судебному процессу 1947 г. над немецко-фашистскими захватчиками [38].

Данная статья наиболее полно, научно освещает вопрос подготовки, проведения и итогов открытого судебного процесса над немецко-фашистскими преступниками, проходившего в г. Сталино (ныне – Донецк) в октябре 1947 г.

Подводя итог можно отметить, что анализ историографии «нового порядка» в Донбассе позволяет сделать вывод, что в трудах советских, и современных отечественных историков проблематика оккупационного режима изучена недостаточно полно. Изучение его региональных особенностей только начинается. В научной литературе частично освещались лишь отдельные аспекты проблем оккупационного режима в Донбассе. Малоизученными и слабо освещенными региональными аспектами до сих пор остаются преступления нацистов, деятельность концентрационных лагерей и условия содержания в них, деятельность карательных органов, и другие аспекты. Недостаточная изученность проблемы позволяет зарубежным политикам и ученым спекулировать и фальсифицировать историю, в том числе, с целью отрицания решающей роли Советского Союза в победе над нацизмом. Дальнейшая работа над проблемами, обозначенными в данной статье, позволит более качественно и действенно противодействовать идеологическому, политическому и научному ревизионизму.

Ссылки и примечания:

1. L'enseignement de l'ignorance : Quelle est la nation qui a le plus contribué à la défaite de l'Allemagne en 1945? URL: <https://www.les-crisis.fr/la-fabrique-du-cretin-defaite-nazis/>
2. European Parliament Resolution on the Importance of European Remembrance for the Future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2019-0097_EN.pdf (дата обращения: 15.05.2023).

3. Diplomat RF schel shokiryuyushchim golosovanie byvshih stran Osi protiv rezolyucii po nacizmu // TASS. 16.12.2022. URL: <https://tass.ru/politika/16608511>.
4. Кикнадзе В.Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма: Монография. – М.: Прометей, 2021. – 800 с.
5. Леонтьев А. «Зеленая папка» Геринга. – М.: Госполитиздат, 1942. – 44 с.
6. Коваленко І. М. Цілі й методи німецької імперіялістичної політики на окупованих теренах. Б. м., 1943. – 52 с.
7. Ионов О. Злочинства німців у Донбасі. – Київ: Укрполітвидав, 1946. – 38 с.
8. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – М.: Госполитиздат, 1946.
9. Супруненко Н.И. Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941 – 1945 гг.). – К.: Госполитиздат УССР, 1956. – 472 с.
10. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941 – 1944 гг.): Сборник статей. – М.: Политиздат, 1965. – 388 с.
11. Коваль В.С. Міжнародний імперіалізм і Україна 1941 – 1945 / АН УРСР, Ін-т історії. – К.: Наукова думка, 1966. – 264 с.
12. Коваль В.С. Подвиг народний. Україна у Великій Вітчизняній війні. – К.: Політвидав України, 1970. – 135 с.
13. Коваль М. В. Боротьба населення України проти фашистського рабства / М. В. Коваль. – К., 1979. – 135
14. Загорулько М.М., Юденков А.Ю. Крах плана «Ольденбург». – М., 1974. – 376 с.
15. История Украинской ССР: В 10-ти томах. – К., 1981 – 1984 / Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941 – 1945 гг.). – М., 1984. – Т. 8. – 639 с.
16. Шкрибитько Е.А. Политика использования принудительного труда нацистами в оккупированном Донбассе (1941 – 1943 гг.) / Е. А. Шкрибитько, А. С. Саенко // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2022. – № 4(83). – С. 31 – 39.
17. Ветров І.Г. Економічна експансія третього рейху в Україні. – К.: Червона хвиля. – 2000. – 232 с.
18. Шкрибитько Е. А. Использование труда советских военнопленных в экономике Третьего рейха / Е. А. Шкрибитько, А. С. Саенко // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2017. – № 3(62). – С. 33 – 39.
19. Потильчак О.В. Експлуатація трудових ресурсів України гітлерівською Німеччиною у роки окупації: Дис... канд. іст. наук: 07.00.01/ Національний педаг. ун-т ім. М.П. Драгоманова. – К., 1999. – 205 с.
20. Гальчак С.Д. «Восточные рабочие» из Подолья в Третьем райхе: депортация, нацистская каторга, сопротивление поработителям / С.Д. Гальчак. – Винница, 2003. – 344 с.

21. Саенко А.С. Лагеря советских военнопленных в Донбассе в период немецко-фашистской оккупации (1941 – 1943 гг.) / А. С. Саенко // Россия в глобальных мировых процессах: история и актуальные проблемы современности: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Дзержинск, 01 декабря 2022 года. – Дзержинск: Дзержинский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2023. – С. 208 – 211.
22. Саенко А.С. Этапирование населения оккупированных территорий на принудительные работы в Германию (по воспоминаниям бывших узников) / А. С. Саенко, Е. А. Шкрибитько // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 26–28 октября 2021 года. Том 7. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – С. 192 – 195.
23. Саенко А.С. Советские оstarбайтеры: особенности подневольного труда в промышленности нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) / А. С. Саенко // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2019. – Т. 2, № 11. – С. 399 – 404.
24. Рекотов П.В. Органи управління в Україні під час фашистської окупації // Пам'ять століть. – 1997. – № 5. – С. 121 – 126.
25. Рекотов П.В. Органи управління на окупованій території України (1941 – 1944 рр.) // УІЖ. – 1997. – № 3. – С. 90 – 91.
26. Трудящиеся Харьковской области в Великой Отечественной войне / С.Э. Голиков, Г.М. Складнев и др. – Харьков: Харьков. кн. изд-во, 1960. – 255 с.
27. Донбасс непокоренный: Очерк / Н. Ф. Хорошайлов. – 2-е изд., испр. и доп. – Донецк : Донбас, 1982. – 100 с.
28. Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы / Авт.-сост. Д.Н. Титаренко, Т. Пентер. – Донецк: Світ книги, 2013. – 465 с.
29. Тарнавський І.С. Німецько-фашистський окупаційний режим в Донбасі (1941 – 1944 рр.): Дис. канд. іст. наук: 07.00.01 / Донецький державний ун-т – Донецьк, 1999. – 220 с.
30. Абакумова В.И. Оккупационный режим и антифашистское движение сопротивления в Луганской области (1941 – 1943 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / В.И. Абакумова; Восточноукр. нац. ун-т им. В.Даля. – Луганск, 2004. – 24 с.
31. Иванов А. Украинские националисты в Донбассе как пособники нацистских оккупантов / А. Иванов // Історичні і політологічні дослідження. – 2009. – №1. – С. 101-108.
32. Корнилов В. Фашистская «украинизация» Донбасса: по материалам оккупированной прессы / В. Корнилов // Історичні і політологічні дослідження. – 2009. – №1. – С. 94 – 101.

33. О массовом истреблении советских граждан в городах: Артемовске, Краматорске и Сталино во время оккупации немецко-фашистскими захватчиками Сталинской области: страницы истории // Левин Н.Н. Изувеченная юность. – 2008. – С. 16 – 17.
34. Тарнавський І.С. Політика німецької окупаційної влади щодо радянських військовополонених в Донбасі 1941 – 1943 рр. / І.С. Тарнавський // Исторические и политологические исследования. – 2013. – №4(54). – С. 172–182.
35. Саенко А.С. Нацистская политика геноцида в оккупированном Донбассе (1941 – 1943 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, №3(36). – С. 34–36.
36. Крапивин А.В. Геноцид еврейского населения фашистской Германией на территории Донбасса (1941 – 1944 гг.) / А. В. Крапивин // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. – 2017 – № 1(123). – С. 9–13.
37. Носков В. Спогади дітей воєнного покоління про німецько-фашистську окупацію (1941–1943 рр.) / Носков Володимир // 65 років визволення України: погляд із сьогодні. Матеріали міжвузівської наук.-практ. студентської конференції, 27 жовтня 2009 р. – Донецьк, 2009. – С.62–63.
38. Агапов В.Л. Открытый судебный процесс 1947 г. на Донбассе в г. Сталино о зверствах немецко-фашистских захватчиков / В.Л. Агапов // Идеология будущего. Общественно-политический, научно-теоретический, экспертно-аналитический журнал. РВИО. – 2023, № 8. – С. 63 – 78.

УДК 930.1

Н.Н. Старченко

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: starchenko.natalya@mail.ru

СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПЕРИОДА ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ В 1945-1953 ГГ. В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

Аннотация

В статье анализируются основные направления и тенденции в развитии современной российской историографии повседневной жизни населения СССР в период послевоенного восстановления, а именно в 1945–1953 гг.

Автор статьи приходит к выводу, что российскими историками был создан обширный научный задел, посвященный различным аспектам повседневной жизни населения страны в исследуемый период.

Ключевые слова: *история повседневности, общество, историография, исследования.*

Summary

The article analyzes the main trends and trends in the development of modern Russian historiography of the daily life of the population of the USSR during the post-war reconstruction, namely in 1945-1953.

The author of the article concludes that Russian historians have created an extensive scientific reserve devoted to various aspects of the daily life of the country's population during the period under study.

Keywords: *the history of everyday life, society, historiography, research.*

Наравне с исторической психологией, историей ментальностей, интеллектуальной, а также устной историей в самостоятельное направление исследований выделяется история повседневности. Эта дисциплина пересекается с социальной историей и микро-историей, однако полностью не накладывается на них, существуя как автономная отрасль познания.

Одним из современных направлений историографии истории повседневности является возвращение к традициям исторической науки прошлого, когда ученые, свободные от идеологического давления, могли творить настоящую историю о жизни людей, их культуре и быте.

Изучение истории повседневности в современной отечественной историографии свидетельствует о растущей тенденции исследований «человека в истории». Несмотря на то, что до недавнего времени история повседневности

не была оформлена в самостоятельное направление научных поисков, тем не менее, ее проблематика находилась в поле зрения историков.

Цель статьи – проанализировать основные направления и тенденции в развитии современной российской историографии повседневной жизни населения СССР в период послевоенного восстановления, а именно в 1945 – 1953 гг.

Под влиянием методологического обновления исторической науки быстро прогрессируют современные российские историки. Направление история повседневности, особенно советского периода, в современной российской историографии стремительно развивается еще с середины 1990-х годов и на сегодняшний день имеет как собственную методологическую, так и уникальную практическую наработку.

Частичная демократизация в архивном деле началась еще в период перестройки и активизировалась уже после эпохальных перемен 1991 года. Плановое открытие архивов в 1993–1994 гг. привело к рассекречиванию Российским государственным архивом экономики и соответствующими федеральными ведомствами части фондов ряда оборонных ведомств (авиационной, оборонной, судостроительной промышленности) по 1963 год.

7 июля 1993 года был принят Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах». Законом впервые в истории российской археографии устанавливались правила доступа к архивным материалам. В частности, секретные документы становились открытыми для публичного использования по истечении 30-летнего срока с момента их создания [1].

В 1993 году Российский государственный гуманитарный университет реализовал проект под названием «Россия XX век» под общей редакцией академика Ю. Афанасьева. Четвертая книга этого издания была названа «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал». Отдельные разделы этой книги были написаны в формате истории повседневности Н. Лебиной и Е. Осокиной [2]. Доктор исторических наук, профессор Наталья Лебина принимала также участие в совместном российско-финском академическом проекте «Нормы, ценности и изменения в советском обществе в 1920–1950-е гг.», одним из результатов которого можно считать появление ее фундаментальной монографии «Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы» [3]. Несмотря на то, что указанный труд Н.Б. Лебиной не имеет отношение к рассматриваемому нами периоду, тем не менее, монография является прекрасным примером применения социологического подхода к истории повседневности в целом.

Первоначальный отклик на существенные изменения в обществе и научной жизни привел к появлению в 1990-е – начале 2000-х гг. большого количества обобщающих монографий, посвященных либо истории советского периода в целом, либо наиболее судьбоносным событиям в истории советской цивилизации послевоенных десятилетий. В первую очередь, необходимо выделить работы Н.А. Симонии [4], Д. Волкогорова [5], В.Я. Хуторского [6], В.М. Кудрова [7], С.Г. Кара-Мурзы [8], В.В. Кожина [9]. В

вышеперечисленных работах, а также в ряде коллективных монографий [10 – 12] сделана целостная попытка пересмотреть эпоху послевоенных десятилетий, прежде всего, с позиций цивилизационного подхода, по-новому подойти к истории советского периода.

Масштабное исследование социокультурной динамики было проведено А.С. Ахиезером, трехтомная монография [13] которого увидела свет в 1991 году. Ученым разработан новый понятийный аппарат, впервые в отечественной историографии дано развернутое определение понятию «советская система».

В 1999 году в России с участием Совета Европы и ассоциации преподавателей истории «Евроклио» было положено начало реализации проекта под названием «Уроки Клио». Его суть состояла в распространение в России новых методов преподавание истории, реализуемой через подготовку и издание совершенно новых как концептуально, так и по содержанию учебных пособий. В рамках указанного проекта вышли три первых учебных пособия: М Бойцов, И.Хромова «Послевоенное десятилетие: 1945–1955» [14]; Ю.Кушнерева, Т.Черникова «Иллюзии и разочарование: Мир и СССР в 60-е годы» [15]; Е.Саплина, В.Сорокин, И.Уколова «Трудные пути к демократии: 1985–1991» [16]. Тексты учебных пособий были дополнены документами и фотоматериалами, которые рассказывали о «моментах» повседневной истории: о рационе питания советских людей, об условиях быта, планировки жилья и др.

На рубеже 1980–1990-х гг. началось интенсивное изучение закрытой до этого темы голода 1946–1947 гг. [17]. Наиболее глубоко и полно проблема голода указанного периода раскрыта в монографии В.Ф. Зимы [18]. Автором впервые на новом ранее недоступном для исследователей материале секретных документов из фондов партийных и государственных архивов СССР, писем, воспоминаний очевидцев и жалоб трудящихся, а также художественной литературы и публицистики раскрываются причины, масштабы и последствия голода 1946–1947 гг. в Советском Союзе. В.Ф. Зима назвал максимальное, по сравнению с другими исследователями, число советских граждан, погибших от голода и вызванных им болезней в период 1946 – 1948 гг. – 2 млн человек [19]. Н.В. Кузнецова считает, что сведения о количестве погибших преувеличены автором монографии и противоречат статистическим данным о смертности населения в СССР, приведенным самим автором в таблицах [20]. Следует также отметить, что вывод В.Ф. Зимы о том, что голодная трагедия была сознательно организована правительством для достижения своих экономических и политических целей, по мнению И.М. Волкова и И.Е. Зеленина [21], недостаточно аргументирован и вызывает возражения.

Весомый вклад в изучение социальных реформ в СССР внесла Е. Ю. Зубкова [22]. В 1999 году в московском издательстве «Российская политическая энциклопедия» вышла монография Елены Зубковой «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953» [23]. Вторая глава книги имеет характерное название «Стратегия выживания», где раскрыты особенности послевоенной повседневности, способы выживания людей во время голода 1946–1947 гг., влияние на повседневную жизнь послевоенной

преступности и др. Также автором было проанализировано влияние политических факторов и экономических реформ на структуру населения и отдельные социальные группы с помощью методологии постижения истории через ментальность общества. Историк предприняла попытку показать логику экономического развития через изменения общественного сознания под влиянием объективных факторов, трудностей и проблем экономики, через мысли, чувства и воспоминания рядовых рабочих и служащих, современников событий. В монографии исследовательницы подробно освещена проблема благосостояния советских граждан. Сопоставив цифры заработных плат отдельно взятых групп населения страны и объем потребительской корзины, Е.Ю. Зубкова аргументированно доказала, что меньше четверти граждан в первые послевоенные годы могли позволить себе приобрести жизненно необходимый набор продуктов по пайковым ценам [24].

Изучая влияние денежной реформы 1947 года на покупательную способность населения, В.П. Попов отметил, что проведенный обмен денег в соотношении 1:10 существенно ударил по кошелькам населения. По подсчетам исследователя, эта реформа принесла доход государству в 3,6 млрд. оценивая социальные последствия реформы, а А.А. Данилов и А.В. Пыжиков установили, что денежная реформа принесла определенную выгоду вкладчикам сберегательных касс, потому что при обмене взносы размером до 3 тыс. руб. включительно оставались без изменения, то есть обмен проводился 1:1, а от 3 тыс. до 10 тыс. руб. обменивались 3:2. Если размер взноса превышал 10 тыс. руб., то действовало соотношение 3:1 [25]. Указанные авторы отметили, что реформа была направлена на решение государственных, а не социальных задач, и именно с этого ракурса следует рассматривать ее значение, которое состояло в укреплении политических позиций руководства внутри страны и международного положения СССР.

Неоднозначные оценки в современной российской историографии получила отмена карточной системы, что значительно повлияло на изменение спроса и предложения. По мнению В.А. Волынцева [26], А.В. Молодчика [27], Е.Ю. Зубковой [28], отмена карточной системы не имела целью улучшения снабжения населения. Напротив, главной задачей стала стабилизация политического режима за счет максимальной эксплуатации промышленных рабочих и крестьян. Сокращение контингента, находившегося на нормированном снабжении, подорвало жизненный уровень многих семей. При этом Г.И. Ханин, размышляя о последствиях отмены карточной системы и денежной реформы 1947 года, пишет, что положение на потребительском рынке улучшилось [29], приводит в качестве аргументов собственные расчеты и критически переоценивает материалы советской статистики. Выводы Ханина об экономических успехах второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., выразившихся в строительстве, рентабельности капиталовложений, повышении фондоотдачи, увеличении объемов производства продовольственных товаров и росте объемов их потребления [30], контрастируют в целом с критической либеральной отечественной литературой 1990-х гг.

На современном этапе в Российской Федерации изучением истории повседневности занимается Научный совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее», созданный решением Президиума РАН № 105 от 16 апреля 2002 года. Стоит отметить, что Совет является научно-консультативным органом РАН и состоит при Отделении истории РАН (ныне – Отделение истории и филологии РАН). Председателем Научного совета был утвержден академик Ю.А. Поляков [31]. Главной целью Научного совета является координация ученых разных специальностей, изучающих повседневную жизнь населения. К задачам Совета относятся как проведение научных конференций, «круглых столов», подготовка и публикация сборников, статей, монографий, архивных документов, так и выработка рекомендаций для государственных органов по многочисленным проблемам повседневной жизни населения.

Изучение материально-бытовых условий повседневной жизни населения, образования и науки, культуры и искусства, туризма и сервиса, брачно-семейных отношений и семейной политики, морально-психологических и духовных аспектов жизни людей и т.д. – основные направления деятельности Научного совета РАН.

Исходя из направлений сфер деятельности, Совет РАН является организатором проведения международных и всероссийских конференций, осуществляет сотрудничество с научными учреждениями не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья, с целью ведения совместных разработок по написанию научных трудов, проведения конференций и «Круглых столов».

В целом, за последние 10-15 лет российские ученые создали существенный задел по истории советской повседневности фактографического, теоретического и концептуального уровня, что позволило сделать качественный рывок в изучении советского периода истории. Кроме того, наметилось отчетливое снижение интереса к социально-экономическим вопросам и, наоборот, возросла степень разработки цивилизационных и антропологических проблем советской эпохи, в частности, комплексное освещение истории больших социальных групп в один из самых сложных периодов истории XX века – первого послевоенного десятилетия.

В российском обществе с середины 1990-х годов публицистическая аргументация постепенно сменилась серьезными историческими исследованиями. В концептуальном плане произошел поворот в рассмотрении комплекса социальной истории послевоенного периода. Появление новых методологических подходов, таких как модернизационный подход к изучению истории, либеральный, плюралистский, значительное увеличение исходной базы путем введения в научный оборот ранее засекреченных архивных материалов, привлечение данных зарубежной статистики, социологических опросов и бюджетных исследований позволило с разных ракурсов подойти к рассмотрению послевоенной истории советского общества. Более свободный доступ исследователей в центральные и региональные архивы способствовал значительному расширению и изменению круга источников. Возросло внимание к истории отдельных групп и категории населения (молодежи,

демобилизованных военнослужащих, военнопленных), усилился интерес к вопросам повседневности. Вместе с тем, стоит отметить, что остаются практически неисследованными жилищно-бытовые условия советских людей в рассматриваемый период, а также на общероссийском материале не изучены, например, процессы перехода к бескарточной торговле.

Таким образом, можно констатировать, что наработки по истории повседневности периода послевоенного восстановления, сформированные в интеллектуальной среде российской исторической науки – это уникальный опыт, который позволит лучше скоординировать усилия и в дальнейшем будет способствовать развитию истории повседневности прошлого Донбасса.

Ссылки и примечания:

1. Трофимов А.В. Советское общество 1953 – 1964 годов в отечественной историографии: политика и экономика: Дис. ... д-ра.ист. наук: 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования. Екатеринбург, 1999. – С. 110.
2. Коляструк О.А. Предмет історії повсякденності: історіографічний огляд його становлення у зарубіжній та вітчизняній історичній науці // УІЖ. 2007. №1. – С. 181.
3. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. – СПб., 1999. – 320 с.
4. Симония Н. А. Что мы построили. – М.: Прогресс, 1991. – 432 с.
5. Волкогонов Д. Семь вождей. Галерея лидеров СССР. В 2-х кн. Кн. 1. Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Никита Хрущев. – М.: Новости, 1995. – 496 с.
6. Хуторской В. Я. История России. Советская эпоха (1917 – 1993). 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ФАЗИС, 1995. – 196 с.
7. Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. – М.: Наука, 1997. – 301 с.
8. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. В 2-х т. Т. 2. – М.: Алгоритм, 2001. – 760 с.
9. Кожин В. В. Россия век XX-й. 1939–1964. – М.: Алгоритм, 2001. – 402 с.
10. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. – М.: Политиздат, 1992. – 352 с.
11. Советское общество возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / Под общ.ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1997. – 761 с.
12. Экономика России в XX веке: итоги, уроки, перспективы / Под ред. А. А. Демина, Н. В. Раскова. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. – 226 с.
13. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: В 3-х т. – М.: ФО СССР, 1991.
14. Бойцов М.А. Послевоенное десятилетие, 1945 –1955 / Бойцов М., Хромова И. – М.: МИРОС, 1999. – 106 с.

15. Кушнерева Ю., Черникова Т. Иллюзии и разочарования: Мир и СССР в 60-е годы. – М.: МИРОС, 1999. – 320 с.
16. Саплина Е.В. Трудные пути к демократии: 1985-1991: Эксперим. учеб. пособие для сред. шк. / Е. Саплина, В. Сорокин, И. Уколова. – М.: МИРОС, 2000. – 224 с.
17. Кузнецова Н.В. Отечественная историография об экономических и социальных проблемах послевоенного восстановления и развития страны в 1945-1953 гг. // Вестник ВолГУ. Серия 4. Вып. 10. 2005. – С. 148.
18. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946 – 1947 гг.: происхождение и последствия / РАН. Ин-т рос. истории. – М., 1996. – 265 с.
19. Зима В.Ф. Указ. соч. – С. 179.
20. Кузнецова Н.В. Указ. соч. – С. 149.
21. Там же.
22. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945 – 1964. – М.: Россия молодая, 1993. – 200 с.
23. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
24. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945 – 1953. – С. 72.
25. Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 108.
26. Волынцев В.А. Экономическая политика СССР в 1945-1953 гг. и ее влияние на уровень жизни населения страны: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Московский педагогический государственный ун-т. – Москва, 2002. – 175 с.
27. Молодчик А.В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929 – 1953 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Московский педагогический государственный ун-т. Москва, 2004. – 322 с.
28. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945 – 1953. – С. 83.
29. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. – Новосибирск, 2008. – 320 с.
30. Ханин Г.И. Советское экономическое чудо: миф или реальность // Свободная мысль – XXI. 2003. №9. – С.18 – 24.
31. Научный совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее». URL: <https://iriran.ru/sovnet4> (дата обращения: 31.07.2023).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК: 94(470) «1914/1918»

Н.В. Подпрятков

доктор исторических наук,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: podpryatov1961@yandex.ru

А.Д. Поперечная

Пермский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: A.D.Poperechnya@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПО МОБИЛИЗАЦИИ ЛЮТЕРАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА РОССИИ В ИНТЕРЕСАХ АРМИИ (1914 – 1917)

Аннотация

В статье анализируются этапы политики российского руководства по отношению к лютеранам, исследование специфики ее реализации в армейской среде, выявление промахов и ошибок в этой деятельности. В работе исследуется деятельность органов военного управления России по организации удовлетворения духовных потребностей воинов-протестантов в годы Первой мировой войны. Делается вывод, что в целом государственная политика в отношении лютеранского духовенства соответствовала вызовам времени.

***Ключевые слова:** империя, религиозная политика, армия, лютеране, Первая мировая война*

Summary

This article is devoted to analyze the stages of the policy of the Russian leadership towards the Lutherans, to study the specifics of its implementation in the military environment, to identify misses and mistakes in this activity. The work examines the activities of the military authorities of Russia in organizing the satisfaction of the spiritual needs of Protestant soldiers during the First World War. It is concluded that, in general, the state policy towards the Lutheran clergy corresponded to the challenges of the time.

***Keywords:** empire, religious politics, army, Lutherans, World War I*

Мировая война дала толчок многим социальным, политическим, культурным процессам, ускорила развитие многих институтов, в том числе, и

военного неправославного духовенства в России. Однако к началу войны отношения государства с различными конфессиями выстраивались по-разному. Задачей данного исследования является реконструкция непростых взаимоотношений между государством и протестантскими священнослужителями, в том числе на линии фронта в годы Первой мировой войны.

В современной отечественной и зарубежной исторической науке исследования деятельности неправославного военного духовенства носят спорадический характер и освещают лишь отдельные аспекты проблемы. Часть историков уделяют внимание протестантизму в целом в годы войны на территории Российской империи [1, 2]. Другие изучают военное духовенство [3, 4], в том числе и неправославное, в годы войны [5, 6]. В целом, современные отечественные и зарубежные исследования раскрывают ряд проблем конфессиональной политики государства, но обобщающих трудов, исследующих сложные взаимоотношения армии и лютеранского военного духовенства до сих пор не появилось.

Первая мировая война ускорила развитие многих социальных институтов, в том числе и военного неправославного духовенства. Именно она через такую специфическую область, как военная деятельность, высветила характерные черты российской этно-религиозной политики [7, с. 38].

В условиях начавшихся боевых действий первоочередной задачей, стоявшей перед правительством, было проведение успешной мобилизации всех воинских контингентов, подлежащих призыву в действующую армию, без различия национальностей и вероисповедания. Среди лютеранского населения Российской империи в это число попадали все немцы, латыши, эстонцы и литовцы. Финны, будучи почти поголовно протестантами, были освобождены от воинской повинности и могли служить в армии только в качестве добровольцев (охотников и вольноопределяющихся).

За организацию призыва в армию в России отвечало министерство внутренних дел. Для обеспечения этого призыва требовалось представить списки, подлежащих набору молодых людей. Обязанность подготовить выписки из метрических книг была возложена на приходское протестантское духовенство. Деятельность эта была ежегодной, сама форма выписей унифицированной и рассылалась управлением по делам о воинской повинности МВД [8, л.7,8], поэтому она не вызывала каких-то затруднений и была проведена быстро. Однако, масштабность развернувшихся боевых действий, большие потери вооруженных сил в первый же год войны, вызвали необходимость уже осенью 1914 г. развернуть подготовку к досрочному призыву новобранцев 1915 г. (набор было запланировано провести в первой половине года).

2 октября 1914 г. МВД отдало распоряжение евангелическо-лютеранской генеральной консистории, Виленской евангелическо-реформатской коллегии и обер-пастору немецких Закавказских колоний подготовить всем приходам метрические выписи на лиц мужского пола, родившихся в 1894 году. К 20

октября эти документы без задержек были представлены в присутствия по воинской повинности [9, л.23, 33, 42, 43].

В начале февраля 1915 г. министерство внутренних дел потребовало от руководителей протестантских епархий составить к 1 марта новые выписи, но уже на призывников 1916 г., с тем, чтобы во второй половине года можно было провести очередной досрочный набор новобранцев в войска [9, л. 50, 54, 57]. И эта задача также была выполнена в срок.

Процессы мобилизации населения в 1914 г., и организация двух досрочных призывов новобранцев в 1915 г. показали адекватность системы учета воинских контингентов потребностям военного времени, а лютеранское духовенство продемонстрировало высокую степень исполнительской дисциплины в обеспечении необходимыми сведениями и документами структур управления по воинской повинности МВД.

Сама мобилизация, проведенная в августе-сентябре 1914 г., не привела к какому-то особому росту числа уклонистов от службы в армии среди новобранцев евангелическо-лютеранского исповедания. Так, к началу войны в России проживало 1 200 000 человек немецкой национальности [10, с.7]. В армию было призвано около 50-55 тыс. немцев, или 4% от всей их численности в стране (в довоенный период в армию призывалось 1,5% немцев от общего числа новобранцев) [11, с.136, 142, 143].

С началом военных действий изменился и сам порядок ведения метрических книг. Так, в довоенное время в соответствии с Уставом Духовных Дел Иностранных Исповеданий [12, с. 64] эти книги могли вести только приходские священники. Военный проповедник округа такой книги не имел и при необходимости он сообщал о совершенных им крещениях, отпеваниях, бракосочетаниях и пр. пастору ближайшего прихода и просил внести эти данные в метрики.

С началом же войны, когда линия фронта стала подвижной, и большие массы людей пришли в движение, такой подход стал неудобен. Поэтому военный пастор Виленского военного округа ввел свои особые метрические книги.

Президент Лифляндской евангелическо-лютеранской консистории Афан Штрандман 7 августа 1915 г. запросил разъяснений у генеральной консистории о правомочности таких действий военного проповедника.

Так как точных указаний в законах по данному вопросу не было, то генеральная консистория провела консультации со всеми руководителями епархий. Наконец, 6 мая 1916 г. вице-президент генеральной консистории К. Фрейфельд сообщил подведомственным иерархам, что такие действия священника оправданы, т.к. военные пасторы являются самостоятельными штатными проповедниками, на обязанности которых лежит религиозное обслуживание всех военных чинов в их округе, и поэтому все совершаемые ими по должности действия необходимо вносить в церковные книги, которые должны вестись военными проповедниками, несущими ответственность за совершенные ими по должности действия [13, л.1, 8, 9].

Само штатное лютеранское военное духовенство существовало и до войны. Еще в 1896 г. Николаем II было учреждено 5 должностей евангелическо-лютеранских проповедников и 5 причетников (кистеров) в Варшавском (двое), Виленском, Санкт-Петербургском, Кавказском военных округах [14, с.203,204].

С началом войны Варшавский и Виленский военные округа были упразднены, а вместо них были созданы Двинский и Минский. Вместе с таким переформированием должности штатных военных лютеранских проповедников оказались вакантными. Не была занята и должность лютеранского проповедника в Кавказском военном округе.

В условиях военных действий на каждом фронте и в каждой полевой армии положено было иметь по одному священнику неправославного духовенства. Однако, лютеранские пасторы были назначены не на все фронты. Так, 2 сентября 1914 г. начальник канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта назначил для исполнения духовных треб армий фронта пастора Гофнунгстальского прихода Винклера [15, л.65].

А вот на Кавказ пасторы попали только после февральской революции в 1917 г. Штатный проповедник был и на Северо-Западном фронте. Однако, после разделения этого фронта на два: Северный и Западный, священник остался при штабе Северного фронта, а вот Западный категорически отказался заполнять такую же должность.

Деятельность полевого проповедника заключалась в объезде войск, госпиталей и учреждений для проведения служб, ритуалов, обрядов и бесед с военнослужащими.

Так, пастор Юго-Западного фронта Я. Трейман в течение года имел 19 таких командировок, в ходе которых он провел 111 служб в 21 населенном пункте, в том числе 42 на боевых позициях. Кроме того, он посетил 35 различных госпиталей и лазаретов, при этом вел службы на пяти языках: русском, немецком, латышском, финском, эстонском (с ноября 1915 г. ему было запрещено вести беседы и богослужения на немецком языке, т.к. «немецкий язык недопустим в армиях») [16, л.113-115].

Военнослужащие в дни религиозных праздников, как правило, освобождались от служебных занятий и от нарядов для слушания богослужений в церквях. Такими дополнительными праздничными днями для лютеран были: дни реформации (в конце октября), Рождества Иоанна Крестителя (24 июня) и день всеобщего покаяния и молитвы (среда второй недели великого поста) [3, с.570; 17, с.196; 18, с.177].

Так, начальник штаба 39-го армейского корпуса 8-й армии в марте 1916 г. запрашивал штаб фронта о месте, куда надо было направлять солдат-лютеран для говения [19, с.71,72].

Военное время обострило межэтнические и межконфессиональные противоречия. Меняется и отношение к многочисленным нерусским народам прифронтовой полосы. 12 декабря 1914 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевич требовал от командующего

Петроградским военным округом очищения от вражеских подданных всего театра военных действий, включая и столицу [20, с.148].

В январе 1915 г. последовал приказ об отчислении военнослужащих-немцев из боевых частей и переводе их в тыловые команды на Кавказский фронт [1, с.152]. Но и там оружие немцам-лютеранам не доверяли. Из 17 тысяч переведенных с западных фронтов на Кавказ немцев только около 4 тыс. были направлены в боевые части, как правило, в пехоту, группами не более 10 человек в одну роту [21, с.46]. Остальные же использовались в тыловых подразделениях или на строительных работах [22].

Генеральный штаб прямо указывал Казанскому военному округу не направлять на фронт немцев-колонистов старше 30 лет, а оставлять их в дружинах ополчения, при этом «на них по возможности не следует возлагать ответственных обязанностей». Молодых же призывников надлежало отправлять в запасные батальоны Кавказского округа [23].

Подозрительность по отношению к немцам в обществе и в русской армии была столь велика, что распространялась и на лютеранских пасторов, которых нередко не допускали в районы боевых действий. 23 октября 1916 г. из штаба Юго-Западного фронта было направлено по этому поводу разъяснительное письмо начальникам штабов армейских корпусов. В нём говорилось, что «отказ в допуске лютеранского пастора в районы боевых действий, видимо, объясняется его немецкой фамилией. Но Ян Янович Трейман не немец, а эстонец, вполне надёжен и просит допускать его не только в тыловые части, но и в действующую армию» [4, с.145].

Командующий армиями Юго-Западного фронта генерал А.Е. Эверт 17 января 1915 г. распорядился всех немцев-колонистов, находящихся в рядах армии, перевести на Кавказский фронт, т.к. подозревал их в ненадежности и вредном влиянии на других солдат [24, л.2].

А командующий Северо-Западным фронтом генерал Н.В. Рuzский настаивал на выселении из Эстляндии и др. прибалтийских губерний всех пастырей (лютеран) [2, с.103,105].

Не отставали от военных руководителей и гражданские. 8 июля 1915 г. по ходатайству управляющего министерством внутренних дел князя Н.Б. Щербатова и Варшавского генерал-губернатора П.Н. Енгаличева был уволен от должности вице-президент Варшавской евангелическо-аугсбургской консистории, пастор Юлий Бурше, обвиненный в пособничестве немецким интересам, и выслан из района военных действий [25, л.42].

18 декабря 1915 г. за распространение идей пангерманизма и сбор денег на нужды германской армии были высланы в Сибирь обер-пастор Закавказских немецких колоний, проповедник Генрих Гейнцельман и Иоганнес Шлейнинг [25, л.48].

В августе 1915 г. по приказу Эстляндского губернского жандармского управления и командующего VI-й армией генерала от инфантерии А.Е. Чурина из Эстляндской губернии в 1915 г. были высланы в Иркутскую, Томскую и

Енисейскую губернии 24 лютеранских пастора, в том числе и обер-пастор Эстляндского консистериального округа Даниил фон Лемм [26, л.1,33,44].

В результате таких действий военных властей на конец 1915 г. из 48 лютеранских приходов губернии с численностью прихожан в 350 000 человек 10 приходов с численностью в 80 000 человек вообще не имели духовных наставников и их религиозные нужды не удовлетворялись. Более того, отсутствие пасторов в приходах привело к тому, что некому стало вести метрические списки призывников для воинских присутствий. Заменить их оказалось некем из-за общей нехватки духовенства.

На 1915 – 1916 гг. была намечена реформа органов управления евангелически-лютеранских приходов [2, с.109]. Которая, впрочем, так и не была реализована, в том числе и по причине отсутствия необходимого количества духовных лиц из числа латышей и эстонцев.

Так как в частях действующей армии штатных лютеранских священников не было, то очень часто функции духовного окормления военнослужащих брали на себя местные, приходские священники. Так, Латышские стрелковые батальоны, находясь в позиционном оборонительном районе в Лифляндии и Курляндии, вполне часто посещали имеющиеся там лютеранскими церкви. С большой охотой для служб к латышским стрелкам выезжал Венденский пастор Апкалн.

В июне 1916 г. департамент духовных дел МВД разрешил Выборгскому евангелическо-лютеранскому пастору совершать духовные требы для солдат латышей и эстонцев, находящихся в частях в Финляндии (лютеранское население Финляндии генеральной консистории в Петербурге не подчинялось) [27, л.1,2].

Отношение военного командования постепенно стало меняться к лютеранским священникам в течение 1916 г. Свидетельством этому служит появление в списках, награжденных как приходских, так и военных протестантских проповедников.

Так, 4 мая 1916 г. были награждены орденами и наперсными крестами за услуги оказанные армии 6 лютеранских приходских священника [25, л.120, 121].

29 февраля 1916 г. был награжден орденом Святыя Анны второй степени пастор Нюландской губернской тюрьмы и войск армии и флота в Финляндии расположенных, Эдуард-Элиель Лундель [28, л.13].

А военный проповедник Юго-Западного фронта Я. Трейман за время нахождения на своем посту получил четыре военных награды. Причем трижды такие награждения произошли в 1916 г. [25, л.140; 28, л.7,17,77]

В 1916 году наметился пересмотр дел, а затем и возвращение на родину многих сосланных пасторов. 5 мая 1916 г. главнокомандующий армиями Северного фронта разрешил вернуться к местам жительства и служения пасторам, высланным в Сибирь в 1915 г. [26, л.95-97, 99,105] Т.е. лютеранским проповедникам без оправдательного приговора просто сократили срок отбывания наказания.

С другой стороны, армия, остро нуждавшаяся в духовном призрении солдат-лютеран, начала процесс изменений штатной структуры войск и введение должностей лютеранских священников.

В мае 1916 г. лютеранская консистория вышла с ходатайством об увеличении числа пасторов и желательности учреждения должности полевого проповедника при каждой армии [19, л.121].

Для принятия решения по этому вопросу штаб Верховного главнокомандующего запросил данные о численности лютеран [19, л.142].

По докладу от 16 февраля 1916 г. в армиях Юго-Западного фронта находилось приблизительно 10 000 нижних чинов евангелическо-лютеранского вероисповедания. В армиях Северного фронта находилось около 50 000 воинов-лютеран. Более 17 000 военнослужащих-немцев были переведены на Кавказский фронт в 1915 г. Плюс к ним добавились призванные в войска новобранцы немецкой национальности из Самарской и Саратовской губерний. Определенная часть солдат-эстонцев и латышей, лютеран по вероисповеданию, проходили службу на территории Финляндского княжества. Следовательно, численность всех воинов евангелическо-лютеранского исповедания в армии достигала порядка 100 000 человек.

В армиях фронтов в начале 1916 г. было по одному лютеранскому проповеднику (Северный и Юго-Западный) и был один проповедник в штабе Петроградского военного округа. Всего 3 человека при имеющихся шести штатных должностей [16, л.71].

Лютеранская генеральная консистория отмечала, что положение военных чинов лютеранского исповедания на фронтах было безотрадным: на фронтах, где не было пасторов, воины-лютеране были совершенно лишены возможности удовлетворять свои духовные потребности по своим обрядам. Департамент духовных дел МВД поддержал это мнение консистории и в июне 1916 г. также ходатайствовал о введении должностей проповедников при каждой армии.

Однако, командующий Западным фронтом категорически высказался против введения таких должностей. Штаб Юго-Западного фронта сообщил, что необходимости введения должностей полевых проповедников в каждой армии нет и учреждение их является в данный момент нежелательным.

Канцелярия главного начальника снабжений армий Северного фронта запросила штабы армий дать свое мнение о необходимости введения в их штаты по одному полемому проповеднику.

Все штабы армий, кроме I-й, признали достаточным добавить еще одну должность лютеранского священника в канцелярию фронта. А вот штаб войск гвардии хотел бы иметь своего отдельного пастора (в войсках гвардии традиционно высок был процент немцев). Председатель организационного комитета латышских батальонов ходатайствовал об учреждении двух должностей штатных проповедников для национальных батальонов. А вот командование XII-й армии, в состав которой входили латышские стрелки, соглашалось на введение только одной должности.

В конечном итоге начальник снабжений армий Северного фронта генерал от кавалерии В.И. Покотило высказался за назначение еще по одному евангелическо-лютеранскому священнику в штабы Двинского и Петроградского военных округов, а также ввести по одной должности в войска гвардии и латышские части.

Наконец, 26 июня 1916 г. приказом начальника штаба верховного главнокомандующего были введены должности пастора одного в штат штаба войск гвардии и одного для латышских частей [16, л.73-83].

До 1917 г. в Кавказской армии, хотя там и служило много солдат евангелических исповеданий, неоднократно ходатайствовавших перед генеральной консисторией о присылке пастора на фронт, своего лютеранского проповедника не было.

Уже при новой власти, 22 июня 1917 г. синод евангелическо-лютеранских проповедников Самарской и Саратовской губерний взял на себя ответственность и отправил на Кавказ двух пасторов: Эдуарда Зейба и Фридриха Ваккера. При этом расходы на данную командировку и содержание самих духовных лиц приходы брали на себя.

Главный начальник снабжений армий Румынского фронта от 14 февраля 1917 г. сделал запрос на назначение евангелическо-лютеранского полевого проповедника. Департамент духовных дел МВД назначил на эту должность в конце апреля 1917 г. эвакуированного из Подольской губернии пастора Николая Томберга, владевшего эстонским языком [29, л.70-80].

Таким образом, государственная политика по отношению к евангелическо-лютеранским проповедникам в годы Первой мировой войны имела два четко выраженных этапа. На первом, в 1914 – 1915 гг., все слои общества захлестнула антинемецкая истерия, в стороне от которой не остались и высшее военное руководство, и местная губернская администрация. На этом этапе и развернулись самые массовые репрессии по отношению к лютеранам и их священникам, и депортации вглубь российской территории представителей «ненадежных» наций и конфессий. На втором этапе, в 1916 – 1917 гг., когда линия фронта стабилизировалась, политика становится более сдержанной, умеренно охранительной. Решения предыдущего периода не отменялись, но исправлялись наиболее одиозные и откровенно необъективные подходы к подданным нетитульных наций и вероисповеданий.

И если на первом этапе даже речи не шло о заполнении всех имеющихся должностей полевых проповедников в войсках, то на втором уже идет спокойное обсуждение вопросов об увеличении числа священнослужителей для обслуживания духовных потребностей солдат-лютеран и такие решения принимаются.

Ссылки и примечания:

1. Алишина Г.Н. Евангелическо-лютеранская церковь и лютеранские пасторы Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №4 (31). – С.151-155.
2. Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. – 392 с.
3. Ивашко М.И. Межконфессиональный мир в армии и на флоте: исторический опыт // Безопасность Евразии. М., 2004. № 3 (17). – С. 566 – 573.
4. Карцева Н.П. Военное духовенство в национальных формированиях русской армии в 1914 – 1917 годах // Вестник Пермского университета. История. 2014. Выпуск 3 (26). – С. 143 – 148.
5. Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства Российской империи XIX – начала XX вв. Справочные материалы. М.: информационный центр «Летопись», 2008. – 752 с.
6. Кашеев А.В. Военные Пасторы военных округов и действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2017. № 3. – С. 69 – 75.
7. Хаген М. фон Пределы реформы: Национализм и русская императорская армия в 1874 – 1917 годы // Отечественная история. 2004, №5. – С. 37 – 49.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.821. Оп.10. Д.837.
9. РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.838.
10. Бахтурина А.Ю. «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить»: немцы-колонисты и российское общество в годы «Германской» войны // Новый исторический вестник. 2013. № 35. – С. 6-32.
11. Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. С. Петербург, Издание Главного Штаба. 1914. – 520 с.
12. Свод Законов Российской Империи. Изд. 1857 года. Т.ХI. Ч.1. С.-Пг., 1857.
13. РГИА. Ф.828. Оп.11. Д.250.
14. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Т. XVI. Ч.2.
15. РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.1062.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2003. Оп.2. Д.261. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/58022136/?parent=58477487&obraz=58932193> (дата обращения: 09.09.2023).
17. ПСЗ РИ. Т. XXX (1910). Ч.2. С.196.
18. Устав внутренней службы. 1910. СПб., 1910.
19. РГВИА. Ф. 2134. Оп.2. Д.267.
20. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 304 с.
21. Герман А.А. История немцев Поволжья. Учебное пособие. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2011. – 123 с.

22. История российских немцев. Гл. 5 портал RusDeutsch «История немцев России» <https://geschichte.rusdeutsch.ru/> (дата обращения: 12.11.2023).
23. Фролова К.В. Немецкий вопрос в Самарской губернии в годы Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. Вып. 2. Самара, 2014. – С. 266 – 275. URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/>
24. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.49.
25. РГИА. Ф.821. Оп.11. Д.90.
26. РГВИА. Ф.2031. Оп.4. Д.41. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/70014547/?parent=70278847&obraz=70529031> (дата обращения: 09.01.2023).
27. РГИА. Ф.828. Оп.11 1916 г. Д.144.
28. РГИА. Ф.821. Оп.11. Д.91.
29. РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.312. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/58017052/?parent=58413115&obraz=58812748> (дата обращения: 09.01.2023).

УДК 94(477):321.83

В.И. Шабельников

доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: Shabelnikov36@mail.ru

УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ В 1917–1925 гг.

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы территориальных споров между Россией и Украиной, урегулирование административных границ между ними в 1917–1925 годах.

На основе изучения различных источников и литературы прослеживаются многочисленные, порой противоречивые решения обеих конфликтующих сторон по пересмотру зафиксированных границ и состава Донецкой губернии. При этом выявлены принципы, критерии и способы установления границ между Россией и Украиной.

Ключевые слова: РСФСР, УССР, Донецкая губерния, Донбасс, территориальные споры, российско-украинская граница, урегулирование, Донецкая область, Юго-Восточный край.

Summary

The article deals with the issues of territorial disputes between Russia and Ukraine, and the settlement of administrative borders between them in 1917–1925.

Based on the study of various sources and literature, numerous, sometimes contradictory decisions of both conflicting parties to revise the fixed borders and composition of the Donetsk province are traced. At the same time, principles, criteria and methods for establishing borders between Russia and Ukraine were identified.

Keywords: RSFSR, Ukrainian SSR, Donetsk province, Donbass, territorial disputes, Russian-Ukrainian border, settlement, Donetsk region, South-East region.

На этапе формирования границ между Россией и Украиной в годы гражданской войны и в первые послевоенные годы возникли серьезные разногласия о принадлежности восточной части Донбасса, которые нередко принимали характер острых споров, а иногда и конфликтов на местах.

Вопросам российско-украинских территориальных споров и их урегулированию в 1918 – 1925 годах посвящено немало исследований в отечественной историографии. Историческое развитие Донбасса, разногласия и споры между центральными и местными органами власти России и Украины в

подходе к принципам и причинам межреспубликанского разграничения территорий, на которые претендовали обе стороны, отслеживаются в монографиях В. В. Корнилова [1], В. И. Шабельникова [2], статьях Е. Ю. Борисенок [3], Е. Ф. Кринок, И. И. Татарина [4], Ю. Р. Федоровского [5].

Пограничные споры между Россией и Украиной рассматриваются в документальном сборнике Ю. И. Галкина, в котором с особой подробностью раскрываются события, связанные с урегулированием спорных территорий между двумя советскими республиками на протяжении 1920 – 1925 годов.

Отдельно отметим коллективную монографию «Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства [7], в которой авторы проанализировали особенности пограничных связей вдоль всей российско-украинской границы.

Несмотря на наличие серьезных научных работ, следует обратить внимание на их фрагментарное отслеживание российско-украинского разграничения на Юго-Западе РСФСР. Специальные исследования проблемы по всему обозначенному временному периоду отсутствуют.

Целью данной статьи является выявление основных причин, особенностей и способов разрешения территориальных споров между Россией и Украиной в 1917 – 1925 годах, прослеживание механизмов принятия решений по данному вопросу, изменений территориальных границ и их конфигурации, правового обеспечения процесса образования Донецкой губернии и ее трансформации.

Актуальность поднятой темы дает основание для того, чтобы обратиться к историческим фактам и процессам относительно урегулирования вопроса о территориальных спорах между Россией и Украиной и принадлежности отдельных районов Донбасса к той или иной республике. В связи с этим представляется возможным условно выделить три основных этапа размежевания территории Донбасса между двумя советскими республиками.

В исторической литературе большинство авторов начинают исследование данной проблемы с 1920 года. Думается, что это не совсем так. На наш взгляд, следует рассматривать эту проблему после февральской революции 1917 года и с момента образования Донецко-Криворожской Республики (ДКР) в феврале 1918 года.

Вопрос о границах встал сразу же после прихода к власти Центральной Рады Украины в марте 1917 года. В ее третьем Универсале 7(20) ноября 1917 года было объявлено, что Украинской Народной Республике (УНР) принадлежат девять земель с преобладающим украинским населением, в том числе Харьковская и Екатеринославская, то есть было заявлено, что Харьков и Донбасс являются частью Украины [8]. Это сразу же привело к напряжению в отношениях с Временным правительством А. Керенского, которое в августе 1917 года приняло решение считать Центральную Раду и местные органы власти «несуществующими».

После освобождения большей части Украины от войск УНР и вступления советских войск в Киев 26 января 1918 года, туда переехало из Харькова

большинство членов советского правительства Украины, образованного в декабре 1917 года, другая его часть отказалась переезжать из Харькова и выступила за создание советской республики на территории Новороссии в составе РСФСР. Советское правительство в Киеве выступило за суверенную единую Советскую Украину на всей территории. В обстановке противостояния двух групп большевиков Украины в Харькове собрался IV-й съезд советов Донецко-Криворожского бассейна, который 30 января (12 февраля) 1918 года провозгласил образование Донецко-Криворожской республики (ДКР), как автономной части Российской Федерации во главе с Артемом (Федор Сергеев) со столицей в Харькове, а затем в Луганске [9]. Власть новообразованной республики распространялась на Харьковскую и Екатеринославскую губернии, а также на некоторые районы области Войска Донского, части Херсонской и Таврической губерний, то есть почти на всю территорию, которую принято называть Новороссией.

Уже на следующий день после провозглашения Республики Артем отправил главе ЦИК Советской России Я. М. Свердлову телеграмму следующего содержания: «Съезд Советов принял резолюцию о создании Совета Народных Комиссаров Донецко-Криворожского бассейна, как части общероссийской федерации советов» [10].

Однако деятельность руководства ДКР осложнялась тем, что в Украине в то время сложилось двоевластие. С одной стороны, советская власть Украины, с другой стороны, Центральной Рады, между которыми разгорелся внутренний конфликт. В это же время появилась еще одна власть советов в Донецко-Криворожском бассейне, которая не устраивала ни Центральную Раду, ни советскую власть Украины, ибо каждая из них хотела видеть территорию ДКР в своем составе. С целью ликвидации советской власти в Украине, а заодно и ДКР, Центральная Рада УНР пошла на заключение 9 февраля 1918 года мирного договора с государствами Четверного союза [11], в соответствии с которым пригласила на Украину немецко-австрийские войска. 18 февраля 1918 года началась оккупация Украины.

14 марта 1918 года Ленин в телеграмме уполномоченному СНК по Украине С. Орджоникидзе потребовал оставить территорию ДКР в составе Советской Украины, аргументируя это необходимостью создания единого с остальной Украиной фронта обороны [12], но для реализации этого указания не хватило времени.

К концу весны 1918 года немецко-австрийские войска оккупировали территорию ДКР и установили на ней власть Центральной Рады. Правительство ДКР переехало в город Царицын (РСФСР). Республика, таким образом, фактически прекратила функционирование, хотя формально продолжала еще существовать.

После поражения Германии в Первой мировой войне ее войска покинули Украину. 5 февраля 1919 года в Киев вошли войска Красной Армии, освободив к тому времени большую часть Украины, в том числе Донбасс. Тогда же в Киев

переехало правительство Советской Украины, а в Харьков – почти все наркомы ДКР во главе с Артемом.

В освобожденных населенных пунктах Донбасса стали формироваться военно-революционные комитеты как органы власти, которые возглавили движение за выделение Донбасса в единый регион и образование Донецкой губернии. В то время восточная часть Донбасса относилась к области Войска Донского, его южная и юго-западная части – к Екатеринославской губернии, а северная – к Харьковской губернии.

5 февраля 1919 года Совнарком УССР по согласованию с ВУЦИК и СНК РСФСР издал декрет «Об образовании Донецкой губернии», в котором отмечалось: «В виду особого значения Донецкого бассейна создается временная административная единица из Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии, коей присваивается наименование «Донецкая губерния» [13], центром которой стал город Луганск. На освобожденной территории Донецкой губернии вновь стали создаваться органы советской власти. Однако эта работа была вскоре прервана наступлением Деникина на Донбасс и в очередной раз возникла необходимость объединения всех революционных сил для его защиты. Поэтому уже через 12 дней после образования Донецкой губернии, 17 марта 1919 года, В. И. Ленин подписал постановление: «Просить тов. Сталина через Бюро ЦК провести уничтожение Кривдонбасса» и заявил о том, что мелкобуржуазную Украину необходимо разбавить пролетарской косточкой Донбасса [14]. Так, территория современного Донбасса была включена в состав Украины без учета мнения населения. Однако реализовать эту идею до конца тогда не представилось возможным. После оккупации Донбасса белогвардейской армией весной–летом 1919 года новосозданная Донецкая губерния прекратила свое существование.

С освобождением Донбасса от деникинских войск в январе 1920 года вновь встал вопрос о создании Донецкой губернии, но уже на постоянной основе. Началась борьба между РСФСР и УССР за право обладания восточной частью Донбасса.

15 марта 1920 года И. В. Сталин подписывает постановление Совета Укртрудармии, председателем которой он был назначен незадолго до этого, «Об образовании Донецкой губернии» из частей Екатеринославской, Харьковской губерний и области Войска Донского [15] (с 20 марта получила название Донская область), что почти вдвое увеличивало территорию по сравнению с размерами Донецкой губернии 1919 года. Однако исполком вновь созданной Донской области не признал это решение и заявил о том, что границы области остаются прежними.

В условиях начавшихся разногласий и отказа выполнять сталинскую директиву Совнарком РСФСР своим постановлением от 23 марта 1920 года подтвердил необходимость выделения каменноугольного бассейна в особую Донецкую губерния с центром в городе Луганск и поручил правительству Украины окончательно определить ее административные границы [16]. Тем самым фактически признавалось, что Донецкая губерния относится к УССР.

Так, по настоянию Ленина весь русский пролетариат, который был в Донбассе, Харькове, Днепропетровске и в Кривом Роге втиснули в Украину, где почти не было пролетариата, как наиболее организованного и ведущего класса революции и послевоенного строительства, без которого не состоялась бы и Советская Украина. Однако на Дону местные органы власти высказывали негативное отношение к такому решению, что послужило поводом к конфликту между двумя советскими республиками. 30 марта 1920 года Донской облисполком направил телеграмму станицам и волостям, о сохранении старых границ и «...обратному включению в состав Донской области всех местностей, неправомерно отошедших от Донской области к другим губерниям» [17], то есть речь уже идет о возвращении под свою юрисдикцию Таганрогского и Шахтинского округов. Начался напряженный территориальный спор между Донецкой губернией и Донской областью. Каждая из сторон при этом выдвигала свои аргументы. Донской облисполком мотивировал необходимость сохранения Таганрогского и Шахтинского округов в составе Донской области тем, что промышленность Таганрога и города Шахты тесно связана с экономикой региона, а город Таганрог к тому же является важным российским торговым глубоководным портом. Украинская сторона, в свою очередь, заявила о преобладающем украинском населении этих регионов и о принципе неделимости Донбасса, что вхождение Таганрогского и Шахтинского округов в состав Донецкой губернии будет способствовать быстрому экономическому и политическому слиянию с Советской Россией.

Территориальный спор местных органов власти вскоре приобрел общегосударственный характер. 14 апреля 1920 года из Таганрога была направлена телеграмма Председателю Совнаркома РСФСР В. И. Ленину, Председателю ЦИК РСФСР М. И. Калинину, Донецкому губисполкому и Донскому облисполкому следующего содержания: «Окружная партийная конференция РКП(б) Таганрогского округа возмущена неразберихой, творящейся вокруг вопроса о границах Донецкой губернии и Донской области», на что Донисполком телеграфирует Таганрогу, что границы Донской области остаются прежними, несмотря на угрозы Луганска [18].

Чтобы остановить нарастающий конфликт ВУЦИК 16 апреля 1920 года принял постановление «Об установлении границ в составе Донецкой губернии», в котором отмечалось, что согласно предложению Совнаркома Украины и Укрсовтрудармии и соглашению с ЦИК РСФСР, Президиум ВУЦИК постановил утвердить границы о составе Донецкой губернии из частей Харьковской, Екатеринославской губернии и области Войска Донского: от Харьковской губернии отходят к Донецкой губернии части Изюмского, Купянского и Старобельского уездов; от Екатеринославской губернии – Бахмутский, Луганский и Мариупольский уезды; от области Войска Донского – девять станиц и одна волость (перечисляются), Таганрогский округ целиком [19]. Таким образом в отличие от 1919 года в Донецкую губернию, кроме Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии

дополнительно вошли три уезда полностью, три уезда частично и ряд мелких населенных пунктов области Войска Донского.

Однако это решение еще более обострило борьбу между партийными и советскими органами двух сторон за перераспределение территорий Донбасса, отдельные части которых оказались в составе Украины и России. В течение весны–лета 1920 года на спорных территориях, как показывают документы тех лет, царил полная неразбериха. Никто толком не знал, кому принадлежат те или иные территории. Мнения партийных органов и населения в отношении принадлежности территорий часто были диаметрально противоположными. Так, например, в городе Шахты население было за возврат в состав РСФСР, партийные органы – против [20].

Однако быстрого практического решения этого вопроса достичь не удалось. Споры о границах Украины и России продолжались и после 1920 года. В первую очередь это касалось границ Донбасса и Донецкой губернии. Представляется, что это было вызвано, прежде всего, недостаточно продуманными, слабо проработанными и поспешно принятыми решениями российской и украинской сторонами.

Установленные границы фактически не устраивали как российскую сторону, которая протестовала против отторжения своих земель, так и украинскую, которая рассчитывала на расширение своих территорий, используя различные, порой недозволённые средства, для достижения своих целей. При этом каждая из сторон проявляла возросший интерес к угольному Донбассу, как главной энергетической базы своих республик. Ленин в связи с этим на XI съезде РКП(б) в 1922 год говорил: «Донбасс – это центр, настоящая основа всей нашей экономики» [21] и, вопреки общему мнению партийного актива и населения, продолжал рассматривать его как составную часть УССР.

По союзному договору об образовании СССР от 30 декабря 1922 года промышленные юго-восточные губернии от Харькова до Одессы (Новороссия) при поддержке Ленина и Сталина юридически были закреплены в составе УССР [22].

Однако и после этого продолжались споры между республиками о территориальном подчинении Таганрогского и Шахтинского округов, а также принадлежности всего Донбасса одной из конфликтующих сторон.

Очередная попытка положить конец спору между двумя сторонами была предпринята на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 11 июля 1924 года, которое приняло постановление: «Считать желательным присоединение Таганрога и Шахтинского района к Юго-Восточной области (получила название 13 февраля 1924 г.) к РСФСР с тем, чтобы передаваемая территория, в особенности с украинским населением, была бы сокращена» [23].

Из Донецкой губернии к УССР переходили 7 районов Шахтинского округа, 5 районов Таганрогского округа, а также части трех районов указанных округов общей площадью более 6,5 тыс. кв. км [24], что составляло почти пятую ее часть. Это вызвало несогласие партийного и советского руководства Украины, которое снова выдвинуло свои мотивы необоснованности такого перераспределения

земель. В постановлении Политбюро ЦК КП(б)У от 18 июля 1924 года отмечалось, что отторжение от Донецкой губернии ряда районов негативно повлияет на угольное хозяйство Донбасса [25]. Примечательно, что на решение Политбюро ЦК РКП(б) негативно высказалось и бюро Донецкого губкома КП(б)У. В его постановлении от 19 июля 1924 года отмечалось: «В связи с тем, что это решение поставило под угрозу существование Донбасса, бюро губкома категорически требует пересмотреть этот вопрос, согласовав его с представителями Донбасса» [26].

Вслед за решениями партийных органов Украины Юго-Восточное бюро РКП(б) выступило 17 августа 1924 года с докладной запиской, адресованной членам ЦК РКП(б) с доказательствами преимуществ передачи Таганрогского и Шахтинского округов УССР в состав РСФСР. В нем, в частности, отмечалось, что расчлененность Юго-Восточной области в 1920 году была вызвана «...временными политическими соображениями, которые утратили свое значение в данный момент, расказачить Дон и тем самым ослабить гнездо белогвардейского сопротивления, объединить весь Донецкий угольный бассейн в единую «угольную» губернию по производственному по тому времени принципу» [27].

В целях законодательного закрепления решения ЦК РКП(б) о размежевании территории Донбасса ЦИК СССР, исходя из экономической и политической целесообразности, принял 22 августа 1924 года постановление о передаче Шахтинского и большей части Таганрогского округа в состав РСФСР, на которых проживало 325 тысяч человек и находилось 48 тысяч промышленных и сельских хозяйств [28].

По согласованию обеих конфликтующих сторон удалось определить уточненную границу между Юго-Восточным краем РСФСР и Донецкой губернией УССР. 29 сентября 1924 года совместным постановлением Донецкого губисполкома и Юго-Восточного крайисполкома была определена граница между двумя республиками. В состав Юго-Восточного края с 1 октября 1924 года передавались города Таганрог и Шахты, 11 районов полностью и 5 частично, в составе Донецкой губернии были оставлены 5 районов полностью и 4 района частично, входивших в состав Таганрогского и Шахтинского округов [29]. Президиум ВУЦИК 13 октября 1924 года утвердил прохождение границы между Юго-Западом РСФСР и Украиной [30].

Однако и на этот раз партийные органы Донецкой губернии в своем большинстве неодобрительно отнеслись к переходу Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР. Согласно документам, можно утверждать, что территориальный спор между обеими конфликтующими сторонами продолжался до 8 декабря 1924 года, когда Донецкий губернский комитет КП(б)У постановил: «Политбюро ЦК РКП(б) вторично подтвердило необходимость передать Шахтинский и Таганрогский округа Юго-Востоку. Бюро и пленум губкома не считают возможным опротестовать решение Политбюро: раз решено второй раз после изложения всех мотивов против – значит точка» [31].

Российское руководство в центре и на местах добилось возвращения к РСФСР Таганрогского и Шахтинского округов. На территории большей части Донбасса, входившей в состав Донецкой губернии, произошли коренные изменения внутренних административных границ. 3 июня 1925 года ВУЦИК принял постановление о ликвидации губерний, в том числе Донецкой, вместо которой были созданы пять округов: Артемовский, Луганский, Мариупольский, Старобельский и Сталинский [32]. Таким образом, территория Большого Донбасса оказалась разделенной на две части со своим внутренним административным делением.

В конце 1925 года была начата реформа на севере Украины по разграничению спорных территорий между УССР и РСФСР. После многочисленных консультаций и бурных обсуждений вариантов решения проблемы ЦИК СССР 16 октября 1925 года принял постановление «Об урегулировании границ УССР, РСФСР и БССР», в котором были окончательно зафиксированы новые границы с дополнениями и уточнениями. Украина получила от РСФСР 14 волостей Курской, две волости Воронежской, одну волость Гомельской и девять поселков Брянской областей, на территориях которых проживало 278 тысяч человек. В тоже время от Украины в состав РСФСР дополнительно передавалась часть территории Донецкой губернии [33].

Реакция крестьян и казаков, которые в результате урегулирования украинско-российской границы оказались на территории УССР, была практически однозначной. Протоколы крестьянских собраний ряда сельсоветов Донецкой губернии удостоверяют ходатайство населения о присоединении к РСФСР, мотивируя свои интересы экономическими связями с Юго-Востоком, удобствами коммуникации, нежеланием примириться с политикой «украинизации».

Таким образом, партийный и советские органы в 1925 году, как и в 1924 году, не до конца решили вопрос о справедливом урегулировании территориальных споров соседних республик на основе этнонациональных и экономических принципов, хотя следует отметить, что практическая реализация вопроса границ была очень сложной и требовала огромных усилий организационного и политического характера.

Пожелания украинских властей было удовлетворено лишь частично в силу их необоснованных запросов и вопрос пересмотра границ продолжал оставаться предметом дискуссии вплоть до 1928 года, когда 16 октября Президиум ЦИК СССР принял решение об обмене территорий между УССР и РСФСР. Украине были переданы ряд сел Брянской и Курской областей, РСФСР добилась признания официального соглашения на присоединение к ней Таганрогского и Шахтинского округов.

Подводя итог, отметим, что большая часть российско-украинских споров о принадлежности юго-восточных территорий Донбасса имела место в 1920 и 1924 годах. Сам процесс разграничения территорий между РСФСР и УССР проходил очень напряженно и неоднозначно. Главная проблема состояла в том, что центральные органы республик руководствовались в вопросе

принадлежности восточной части Донбасса диаметрально противоположными мотивами, которые исходили от представителей партийных и советских органов административно-территориальных образований.

Сложившаяся в тот период трудная и запутанная ситуация при формировании российско-украинской границы в Донбассе позволяет сделать следующие выводы:

1. При выработке российско-украинской границы стороны использовали противоположные по критерии. РСФСР склонялась преимущественно к экономической аргументации, а УССР, исходя из своих интересов, настаивала на применении этнических критериев. В Донецкой губернии этническая картина была смешанной и неоднозначной, что предопределило обращение российской стороны к экономическим аргументам при формировании новых административно-территориальных образований.

2. Решение вопроса об изменении границ между советскими республиками и взаимная передача определенных территорий состоялась в обстановке острых разногласий и конфликтных ситуаций, когда отдельные партийные руководители УССР, местных органов власти и значительная часть населения Донбасса выступали против передачи той или иной стороне различных его частей.

Ссылки и примечания:

1. Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта / В. В. Корнилов. – Харьков: Фолио, 2011. – 604 с.
2. Шабельніков В. І. Адміністративно-територіальний устрій України: історичний досвід і уроки (1917 – 1941 рр.) : монографія / В. І. Шабельніков. – Донецьк: ДонНУ, 2011. – 306 с.
3. Борисенок Е. Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы. – М.: Институт славяноведения РАН, 2005. – С. 205 – 237.
4. Кринко Е. Ф. Разрешение российско-украинского территориального спора при создании Донецкой губернии в 1920 году / Е. Ф. Кринко, И. Ю. Татаринцов // Известия Коми научного центра УрОРАН. Серия «История и филология». – Сыктывкар, 2021. – №4. – С. 62 – 70.
5. Федоровский Ю. Р. Из истории присоединения Донбасса к Украине (1920 год) / Ю. Р. Федоровский // Ученые записки Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2022. – № 2. – С. 141 – 150.
6. Галкин Ю. И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донецкой области / Ю. И. Галкин. – М., 2007. – 60 с.
7. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства: монография / под ред. В. А. Колосовой, О. И. Вендиной. – М.: Новый хронограф, 2011. – 352 с.

8. Центральный Государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ Украины). – Ф. 1115. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 9.
9. Борьба за власть Советов в Донбассе. Сборник документов и материалов / редакторы: Крапивка И. Е., Скобцов А. Я., Чагир С. М. – Сталино: облиздат, 1957. – С. 296 – 297.
10. Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1927 – апрель 1928 гг.). Сборник документов и материалов. – К., 1962. – С. 113.
11. Михутина И. Украинский Брестский мир. / И. Михутина. – М.: Европа, 2007. – 288 с.
12. Ленин В. И. Телеграмма С. Орджоникидзе / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1975. – Т. 50. – С. 50.
13. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины (СУ УССР). – 1919. – № 6. – Ст. 73. – С. 77.
14. Якунин И. Как Ленин загонял Донбасс в Украину / И. Якунин // Комсомольская правда. – 2022. – 13 февраля.
15. Галкин Ю. И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донецкой области / Ю. И. Галкин. – М., 2007. – С. 9.
16. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ Украины). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 870. – Л. 12.
17. Кринко Е. Ф. Разрешение российско-украинского территориального спора при создании Донецкой губернии в 1920 году / Е. Ф. Кринко, И. Ю. Татаринцов // Известия Коми научного центра УрОРАН. Серия «История и филология». – Сыктывкар, 2021. – №4. – С. 64.
18. Иванов А. И. Донбасс: Русь и Украина. Очерки истории / А. И. Иванов, С. Ю. Бунтовский. – Донецк: Донбасская Русь, 2013. – С. 44.
19. СУ УССР. – 1920. – № 7. – Ст. 121. – С. 166, 167, 180, 181.
20. Донецкий край, история, природа, культура. URL : <http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/0/art.asp>
21. Ленин В. И. Отчет ЦК РКП(б) на XI съезде РКП(б) 27 марта 1922 г. / В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во политической литературы. 1975. – Т. 45. – С. 105.
22. Договор об образовании СССР URL : ru.wikipedia.org/wiki.
23. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 6. Д. 49. Л. 5.
24. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 451. Л. 50; 51; Оп. 2. Д. 1813. Л. 69.
25. Радянська Україна. – 1924. – 20 июля.
26. ГА ДНР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 35. Л. 110.
27. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 451. Л. 50, 51.
28. ЦГАВОВУ Украины. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1871. Л. 61.
29. ГА ДНР. Ф. Р. 1146. Оп. 1. Д. 74/а. Л. 88 – 89.
30. ГА ДНР. Ф. Р. 1146. Оп. 1. Д. 74/а. Л. 92.

31. Галкин Ю. И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920 – 1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донецкой области / Ю. И. Галкин. – М., 2007. – С. 9.
32. СУ УССР. – 1925. – № 29–30. – Ст. 233. – С. 435.
33. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. – 1926. – № 4. – Ст. 26.

УДК 94(477)“1920/1939”

Е.Ю. Борисёнок

доктор исторических наук,

Институт славяноведения РАН

e-mail: vostslav@yandex.ru

ДОНБАСС В ПЕРИОД УКРАИНИЗАЦИИ 1920–30-Х ГОДОВ: ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Аннотация

В статье рассматриваются особенности культурной ситуации на востоке Украинской ССР в период украинизации 1920–30-х гг., обусловленные этнонациональными и социокультурными характеристиками региона. Основное внимание уделяется идеям советских деятелей о формах и методах украинизации. Показано, как республиканское руководство определяло масштабы украинизации и решало важный вопрос о соотношении русской и украинской культуры в регионе с традиционно сильными позициями русского языка и культуры.

Ключевые слова: украинизация, Д.З. Лебедь, Н.Г. Хвылевой, Ю. Ларин

Summary

The article examines the peculiarities of the cultural situation in the east of the Ukrainian SSR during the period of Ukrainization of the 1920s-30s in connection with the ethnonational and socio-cultural characteristics of the region. The main attention is paid to the ideas of Soviet figures about the forms and methods of Ukrainization. Russian studies show how the republican leadership determined the scale of Ukrainization and solved the important issue of the correlation of Russian and Ukrainian culture in the region with the traditionally strong positions of the Russian language and culture.

Keywords: ukrainization, D.Z. Lebed, N.G. Khvylevoy, Yu. Larin

В 1920-е гг. большевистское руководство приступило к изменению социокультурного пространства территории бывшей Российской империи путем специальной протекционистской языковой, культурной и кадровой политики – так называемой «коренизации». Критикуя «ассимиляторское наследие» царизма, большевики решили создать условия для развития представителям всех национальностей. В республиках на первый план выходили мероприятия по удовлетворению интересов «титulyных» наций.

Украинизация как региональный вариант коренизации приобрела широкий размах. Ее необходимость была обусловлена тем, что ни украинский язык, ни украинская культура не занимали господствующего положения на

юго-западе империи Романовых: доминирующие позиции принадлежали русскому языку и культуре, а в официальном дискурсе малороссы считались ветвью триединого русского народа. Украинскому языку отводилась преимущественно сфера неофициального повседневного общения в низших социальных слоях. Советская украинизация должна была изменить такое положение: функционирование украинского языка расширялось за счет его введения в официально-деловую сферу, науку, образование, на украинском языке выпускались периодические издания, книги и т. п.; поддерживалось развитие украинской литературы, театра и т. д.; создавались условия для профессионального и карьерного роста украинцев. В результате украинский язык и культура неизбежно должны были потеснить позиции языка и культуры русской.

Большевикам приходилось действовать в непростых условиях. Состав населения Советской Украины был полиэтническим. По переписи 1926 г., в УССР проживало 23 218 860 украинцев, причем 1 288 879 из них признали своим родным языком русский. Среди 2 677 166 русских украинским языком пользовались 37 117 человек [1]. По имеющимся данным о разговорном языке рабочих и служащих Украины за 1926 год, на украинском говорили 33,2%, русском – 66%, еврейском – 7,5%, и на других – 3,1%. Из всего количества грамотных рабочих на украинском языке читали 40,2%, русском – 91,2%, еврейском – 7,1%, на других языках – 6,2% [2]. Это объяснялось не только сильными позициями русского языка и традициями образования, но и особенностями национального состава населения, особенно в промышленно развитых регионах.

Так, по данным 1923 г. население Донецкой губернии составляло 2 518 010 чел., из них: украинцев – 1 609 723, русских – 655 962. Однако 52,4 % русских проживало в городах, тогда как 73,3 % украинцев – в сельской местности. Население городов, рудничных и фабрично-заводских поселков отличалось вариативностью. Например, если украинцы в Дебальцево составляли 76,3 %, то население г. Шахты 90,2 % были русскими. В городах процент русского населения колебался от 18,8 % (Старобельск) до 59,9 % (Сталино) [3]. При этом, как подчеркивают исследователи, доля украинцев в национальной структуре региона имела тенденцию к снижению: в 1926 г. украинцы составляли 64,4 % населения региона, в 1939 г. – 61,3 % [4].

Выработка концепции советской украинизации сопровождалась дискуссиями о роли национальной культуры в социалистическом строительстве. Республиканское руководство должно было обеспечить развитие украинской культуры (при соблюдении интересов всех национальных групп) в условиях сильных позиций русского языка в культурной сфере, особенно в крупных городах. Большое количество русских среди промышленных рабочих и в республике в целом (они были вторым по численности этносом после украинцев) приводило к тому, что проблема межкультурного диалога решалась во многом как проблема соотношения русской и украинской культур: как и в каком объеме должна поддерживаться

украинская культура, главным носителем которой, как подчеркивали большевики, являлось крестьянство. Происходившие преобразования требовали соответствующего осмысления и оценки, как партийцами, так и широкой общественностью.

Одним из примеров такого осмысления является теория «борьбы двух культур» второго секретаря ЦК КП(б)У Д.З. Лебеда, официально осужденная как не соответствующая общим установкам партии в области национальных отношений. Лебедь обратил внимание на различия, существовавшие в этнокультурном облике города и деревни: «У нас, на Украине, в силу исторических обстоятельств, культура города – это русская культура, культура деревни – украинская». Для него украинский язык был «средством проведения советского, пролетарского, коммунистического влияния», но он считал недопустимым «искусственное насаждение украинского языка в партии и рабочем классе», поскольку это означало «стать на точку зрения низшей культуры деревни, по сравнению с высшей культурой города [5].

Другая попытка осмысления процесса взаимодействия культур на Украине тесно связана с выступлением украинского писателя Н.Г. Хвылевого в так называемой «литературной дискуссии» середины 1920-х гг. Нация, по Хвылевому, только тогда может культурно проявить себя, если найдет собственный путь развития, а до последнего времени украинская интеллигенция в культурном отношении «шла за русским дирижером» [6]. Писатель предлагал «встать на сторону активного молодого украинского общества, которое представляет не только крестьянина, но уже и рабочего, и тем навсегда покончить с контрреволюционной (по сути) мыслью насадить на Украине русскую культуру» [7]. Н.Г. Хвылевой отстаивал необходимость ориентации украинской культуры не на Россию, а на Европу, что также (как и теория Лебеда) вызвало резкую критику со стороны сталинского руководства.

Проблема взаимодействия культур в Украинской ССР была тесно связана с проблемой ассимилированных национальных меньшинств. Набор детей в школы проводился по национальному признаку, в связи с чем вставал вопрос об обучении евреев, греков, татар и пр., которые стремились получить образование на русском или украинском языках. Вопрос выбора языка обучения в середине 1920-х гг. был поднят Ю. Лариным, предложившим устанавливать язык обучения детей в школах «безотносительно к их исповеданию и происхождению, на основе того, каким языком дети пользуются в семье» и положить конец «самодурству местных советских деятелей, насильственной евреизации и всем прочим насильственным акциям» [8]. Ларин доказывал, что «есть разница между развитием национальной культуры какого-либо народа и национальным насилием над другим народом или над частью того же самого» [9]. Известный революционер подчеркивал, что русские, оказавшиеся национальным меньшинством в республиках, имеют право на защиту своих интересов, впрочем, как и каждое национальное меньшинство любой республики и «имеет право выделиться в отдельный территориальный совет с делопроизводством на своем родном языке» [10].

Бурные дискуссии по культурной проблематике были не случайны. Речь шла не просто о повышении статуса украинской идентичности, но о новом распределении ролей между русскими и украинцами в общественной жизни. Русские были признаны национальным меньшинством в УССР, однако за русским языком признавалось «особое значение по сравнению с языками прочих нацменьшинств на Украине», что подразумевало обязательное преподавание русского языка в школах, обязательная публикация правительственных распоряжений наряду с украинским, также и на русском языке [11].

Большевики рассчитывали вместе с развитой промышленностью на Украине получить и украинский рабочий класс, поскольку естественным источником пополнения рабочей силы для фабрик и заводов было сельское население. Однако перевод на украинский язык школ, прессы и работы профсоюзов нередко вызывали острую реакцию у русского населения Украины. Рабочие высказывались весьма негативно: «В Донбассе настоящих украинцев нет, они вымерли, язык изменился, зачем же нам изучать украинский язык»; «Зачем учить украинский язык и украинизироваться, когда после международной революции это ненужное будет»; «Зачем нам украинская культура, когда русская культура стоит выше»; и т. п. [12] Тем не менее, республиканское руководство настаивало на активном проведении украинизации в регионе. 10 сентября 1935 г. политбюро ЦК КП(б)У рассмотрело вопрос «Об украинизации в областях».

В принятом постановлении говорилось: «ЦК КП(б)У считает, что обкомы Донецкий, Днепропетровский, Одесский занимаются делом украинизации недостаточно. В ряде советских, культурных, профсоюзных и других учреждений наблюдается явное нарушение линии партии в деле украинизации» [13]. Комиссия, обследовавшая Донецкую область, отмечала, что «соаппарат в области украинизован очень плохо», до сих пор «немалая часть переписки ведется на русском языке», «на русском языке говорят с посетителями, говорят между собой, на русском выступают на заседаниях, собраниях, совещаниях и т. п. Исключения очень редки». В газетах передовицы и «серьезные материалы» печатаются по-русски, а «на украинском языке, как правило, печатаются селькоровские заметки и материалы, касающиеся сельского хозяйства». Вызвало недовольство также и количество смешанных школ: в 1934/35 учебном году больше половины учеников Донбасса обучалось именно в таких школах [14]. По мнению проверяющих, не лучше обстояло дело в Одесской и Днепропетровской областях. Областные парторганизации были подвергнуты суровой критике.

Центральное большевистское руководство, понимая опасность появления центробежных процессов, всячески старалось подчеркивать общесоветский, социалистический характер культуры национальных республик. «Уход» в сторону «Европы», продемонстрированный Хвылевым, хоть и облаченный в коммунистические одежды, был расценен сталинским руководством как ослабляющий позиции страны, строящий социализм. В свою очередь, подобные

идеи свидетельствовали о необходимости стимулирования взаимодействия культур путем признания общих ценностей, общих благ и символов. Недаром, провозглашая лозунг развития национальной культуры, центральное большевистское руководство настаивало на ее социалистическом характере. Речь шла о необходимости «объединить национальную культуру на базе общего социалистического содержания путем усиления развития национальных культур» [15]. Иными словами, задачей советского государства была культурная интеграция народов в рамках единого общества. Предпринимались усилия для формирования чувства сопричастности в отношении других народов, населяющих СССР («единая семья братских народов»): принадлежность к советскому социалистическому обществу должна была стать мощным консолидирующим фактором. Большевистское руководство стремилось укрепить единство системы власти, добиться стабильной идентификации населения, прежде всего, как советских граждан, а не только как жителей той или иной республики. В массовое сознание закладывались образы и представления, которые должны были способствовать консолидации общества, несмотря на признание существования на территории огромного государства различных этносов.

С особой очевидностью это стало проявляться в 1930-е гг., когда был взят курс на централизацию и унификацию, в том числе культурных процессов, в союзном государстве. Сместился акцент и в главном направлении государственного регулирования межнациональных отношений. Лозунг об опасности с двух сторон – со стороны великодержавного шовинизма и местного национализма, – столь популярный в прежние годы, потерял свое значение, теперь речь шла об опасности местного национализма, и в УССР начала разворачиваться широкая кампания против националистических элементов.

В новых условиях центральное руководство подняло вопрос о значении русского языка как языка межэтнической коммуникации, что было обусловлено социально-экономической интеграцией и выросшей социальной мобильностью населения. Увеличилось число русскоязычных периодических изданий, повысилось внимание обучению русскому языку в школах, была проведена реорганизация национальных учебных заведений и т. д. Впрочем, подобная корректировка национальной политики отнюдь не означала, что был принят курс на полную русификацию. Внесенные поправки не изменили главного принципа большевистской политики украинизации, и партийные власти продолжали уделять внимание украинскому языку, выдвигали украинцев в руководящие органы, создавали условия для роста украинской советской интеллигенции. Одновременно партийные власти подчеркивали, что русский язык был необходим для поддержания нормального функционирования государства, для создания благоприятных условий совместной деятельности представителей всех наций, для развития экономики, культуры, науки, искусства.

Цели большевистской культурной практики в области массового сознания попытался выразить Н.И. Бухарин в середине 1930-х гг. Он писал в «Известиях»: «Союз Советских Социалистических Республик показывает всему миру пример настоящего братства почти двухсот народов, его населяющих. <...> Разве не было того времени, когда украинцы презрительно третировались русскими шовинистами как “малороссы”, как “хохлы”? А теперь Украина – великая наша республика, быстро поднимающаяся на могучих плечах своей мощной промышленности» [16]. В другой своей статье он доказывал, что в СССР «на основе ленинско-сталинской национальной политики, материального и культурного роста национальных областей создается новая многонациональная общность, единый советский народ, с новым содержанием, где, при расцвете национальных культур, вырастают теснейшие узы нерушимой дружбы народов» [17]. Правда, бухаринская трактовка общности советских людей в то время не была принята, поскольку в этот период активно пропагандировался тезис о том, что в период победы социализма в одной стране нации должны были достичь особого расцвета. Тем не менее, идея Бухарина любопытна как попытка создания некоего проекта наднационального единства.

Итак, в период украинизации большевики вынуждены были определить свое отношение к диалогу между русской и украинской культурами. В официальной трактовке речь шла уже не о малороссах как ветви триединого русского народа, а об украинцах как самостоятельной нации. Положение украинского языка и культуры в УССР стало принципиально отличаться от их положения в Российской империи. Русский язык, в свою очередь, становился языком национального меньшинства в УССР, но в то же время, за ним признавалось особое значение в республике, поскольку он играл определяющую роль в межэтнической коммуникации в союзном государстве. Советская власть фактически взяла курс на внедрение двух и более языков в речевую практику населения национальных республик – каждый гражданин страны, помимо родного языка, должен был овладеть и языком большинства населения национальной республики, и русским языком как языка общения между представителями различных наций.

В то же время принадлежность к украинской нации стала одним из необходимых условий успешной карьеры, наряду с социальным происхождением и членством в партии большевиков. Национальный подход к подбору кадров привел к повышению процента украинцев в партийном и советском аппарате, а жесткая централизация, особенно усилившаяся в 1930-е гг., создавала условия для продвижения вверх и вхождения «верхов» республиканской элиты в состав центральной союзной элиты. Несмотря на то, что сталинское руководство принимало немалые усилия для инкорпорирования национальных элит вообще, и украинской элиты в частности, в элиту общесоюзную, создание социального слоя, заинтересованного в укреплении своих позиций на республиканском уровне, приводило к возникновению проблемы распределения властных полномочий между центром и республикой.

Таким образом, создавая условия для укрепления украинской идентичности, большевистское руководство внесло существенные изменения в русско-украинские взаимоотношения. Украинцы в новом качестве отдельной нации стали претендовать на новое распределение ролей в социально-политическом и культурном пространстве страны, что имело далеко идущие последствия.

Ссылки и примечания:

1. Всесоюзный перепис людности 1926 р. Т. XI: Українська Соціалістична Радянська Республіка. Підсумки по Республіці. Полісея: національність, рідна мова, вік, письменність. – М., 1928. – С. 8, 38.
2. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф.1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 53
3. История (история Донбасса от древности до современности): учебное пособие / под общей редакцией Л.Г. Шепко, В.Н. Никольского. Донецк, 2018. С. 407–408.
4. Шабельников В.И., Терзи Е.С. Этнодемографические процессы в Донбассе: исторический анализ (1920–1980-е гг.) // Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 80–81.
5. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 11–12, 21–22.
6. Хвильовий М.Г. Думки проти течії // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети. Київ, 1995. С. 675.
7. Хвильовий М.Г. Україна чи Малоросія? // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети. С. 728.
8. Третий съезд Советов СССР. Стенографический отчет. М., 1925. С. 280.
9. Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1926. № 23–24. С. 50.
10. Третий съезд Советов СССР. Стенографический отчет. М., 1925. С. 275.
11. Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українізації // Вісті ВУЦВК. 1927 р., 19 квітня.
12. Мануїлова К.В. Вплив політики українізації на вибір мови промислових робітників і міщанства УСРР (1920–1930-ті рр.) // Актуальні питання вітчизняної та світової історії: збірник матеріалів Всеукраїнської наукової конференції, 23–24 квітня 2010 р. Суми, 2010. С. 96.
13. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 375. Л. 182.
14. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 27 – 34.
15. Шаповал Ю.І. Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. – Київ, 2001. – С. 103.
16. Бухарин Н. Наш Союз // Известия. 1935, 28 января.
17. Бухарин Н. Расширение советской демократии // Известия. 1936, 1 мая.

УДК 94: 356.15 (477.6) «1941-1943»

Г.В. Мишечкин

кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»
e-mail: mishechkin2213@mail.ru

**Артиллерия 8-й гвардейской армии
в Изюм-Барвенковской наступательной операции
(17-27 июля 1943 г.)**

Аннотация

В статье анализируется боевая деятельность артиллерии 8-й гвардейской армии Юго-Западного фронта в Изюм-Барвенковской наступательной операции 17-27 июля 1943 года. Автор акцентирует внимание на структуре артиллерии, методах и результатах боевой работы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 8-я гвардейская армия, Юго-Западный фронт, артиллерия, Изюм-Барвенковская наступательная операция.

Summary

The combat activity of the artillery of the 8th Guards Army of the Southwestern Front in the Izyum-Barvenkov offensive operation on July 17 – 27, 1943 is analyzed in the article. The author focuses on the structure of artillery, methods and results of combat work.

Keywords: The Great Patriotic War, 8-th Guards Army, South-Western Front, artillery, Izyum-Barvenkov offensive operation.

В год 80-летия освобождения Донбасса от нацистских захватчиков чувствуется острая необходимость анализа тех периодов Великой Отечественной войны, которые связаны с боевыми действиями в Донецком регионе в 1943 году. Изюм-Барвенковская наступательная операция Красной Армии (17 – 27 июля 1943 г.) в советский период не особо привлекала внимание исследователей, в первую очередь, в силу незначительных позитивных результатов [1 – 4]. К тому же, большинство публикаций носили мемуарный характер и частично освещали проблему. Однако, и в постсоветский период данная операция не часто была в фокусе внимания специалистов. Обозначим только те исследования, на которые автор опирается

в данной работе [5 – 10]. Указанная операция нуждается в более глубоком и основательном анализе.

В последние годы были опубликованы документы, в которых отражены те или иные аспекты Изюм-Барвенковской наступательной операции июля 1943 года [11]. На официальном сайте «Память народа» с каждым годом выставляется все больше документов и материалов, имеющих отношение к данной операции. Мы отдаем себе отчет, что в небольшой работе невозможно представить полный историографический и источниковедческий обзор указанной проблемы.

Цель данной статьи – проанализировать боевую деятельность артиллерии 8-й гвардейской армии (далее – 8 гв. А) Юго-Западного фронта в Изюм-Барвенковской наступательной операции 17 – 27 июля 1943 г. в целом и отдельных аспектах.

Предваряя изложение основного материала, следует отметить такой интересный факт: командующий 8 гв. А генерал-лейтенант В.И. Чуйков и командующий артиллерией указанной армии генерал-майор артиллерии Н.М. Пожарский были земляками и примерно одного возраста. Первый родился 31 января (12 февраля) 1900 года в селе Серебряные Пруды Венёвского уезда Тульской губернии, второй – 22 апреля (6 мая) 1899 года в селе Клинь того же уезда аналогичной губернии. Оба генерала прошли горнило Сталинградской битвы. В своих мемуарах В.И. Чуйков характеризует командующего артиллерией как «отличного артиллериста, талантливого военачальника, человека светлого ума и отважного сердца» [12], называет его «дирижером» артиллерийского огня [13].

Начальником штаба артиллерии 8 гв. А в преддверии и в ходе Изюм-Барвенковской операции был подполковник В.Ф. Хижняков, уроженец Донбасса, также прошедший Сталинградскую битву. Генерал-лейтенант артиллерии Г.С. Надысев так отзывался о начальнике штаба артиллерии 8 гв. армии: «...имеем дело с хорошо подготовленным армейским артиллерийским штабом, имеющим не только боевой опыт, но и высокую штабную культуру, и как говорят, свой почерк». Г.С. Надысев добавлял, что Пожарский и Хижняков «всегда работали не покладая рук», умело планировали работу артиллерии [14].

После краткой характеристики командующего и начштаба артиллерии обратимся к документам, характеризующим состав и структуру артиллерии 8-й гв. А накануне Изюм-Барвенковской операции. Так, в разделе «Артиллерия РВГК, армейская и корпусная» «Боевого состава Советской Армии» указано, что в 8 гв. А на 1 июля 1943 г. числились 99 пушечный артиллерийский полк (далее – пап), 184 истребительно-противотанковый артиллерийский полк (иптап), 141 минометный полк (минп), 302 гвардейский минометный полк реактивной артиллерии (гв. мп), 878 зенитный артиллерийский полк (зенап) [15].

В каждой из девяти дивизий армии насчитывался артполк. Кроме того, 8 гв. А придавались две артиллерийские дивизии прорыва, 23 отдельная минометная бригада (ОМБр), один смешанный корпус авиации, 2 танковых

полка и полк самоходных орудий. В документах штаба артиллерии армии указано: «11 июля 1943 г. прибыла 9 артиллерийская дивизия прорыва РК в составе 30 ПАБр (47 и 127 ПАП) и 115 ГАБр (221, 222 и 1232 ПАП) [здесь и далее обозначение частей приводятся так, как в документах армии]» [16].

В целом, в составе двух бригад (пушечной и гаубичной) 9 артиллерийской дивизии насчитывалось 44 орудия калибра 122 мм и 36 гаубиц-пушек калибра 152 мм. В Таблице 1 представим распределение орудий по артиллерийским полкам 9 артиллерийской дивизии прорыва РК.

Таблица 1.

Численность орудий по артиллерийским полкам 9 артиллерийской дивизии прорыва РК [17]

Артиллерийское орудие Подразделение (бригада, полк)	Пушка калибра 122 мм	Гаубица-пушка калибра 152 мм
30 ПАБр: 47 ПАП 127 ПАП	12 -	6 17
115 ГАБр: 222 ГАП 221 ГАП 1232 ГАП	12 20 -	- - 13
Всего по 9 артиллерийской дивизии прорыва РК	44	36

В этот же день прибыла 11 артиллерийская дивизия, в составе 45 ПАБр (всего 36 орудий калибра 152 мм, по 12 – в каждом из трех дивизионов) и 40 ГАБр (674 ГАП – 20 гаубиц; 446 ГАП – 18 гаубиц; 451 ГАП – 18 гаубиц; все гаубицы – калибра 122 мм). Общая численность орудий в двух артиллерийских дивизиях прорыва составила 166 единиц. Кроме того, «прибыла 23 ОМБр в составе 140, 527, 528, 529 минометных полков». В каждом полку насчитывалось по 36 минометов 120 мм калибра. Артиллерийский расклад завершила группа ГМЧ (гвардейская минометная часть) в составе 75, 87, 61 и 59 гвардейских минометных полков. В документе штаба артиллерии прямо засвидетельствовано, что «каждый полк имеет на вооружении по 21 боевой установке М-13 (РС)» [18].

12 июля 1943 г. артиллерийские части 8 гв. А закончили сосредоточение в намеченных районах. В журнале боевых действий (ЖБД) штаба артиллерии армии фиксировалось, что на тот момент создана следующая артиллерийская группировка армии: 1-й эшелон – 29 гвардейский стрелковый корпус (гв. ск) (артиллерия стрелковых дивизий – 54, 157, 185 гв. ап), артиллерия усиления корпуса (группа АДД-29-47 (артиллерия дальнего действия) и 127 ПАПы), 140, 141 и 527 мп, 184 аиптап, 674 гап; 33 ск. (артиллерия стрелковых дивизий – 370, 202, 775 ап и Обр – 253), группа АДД-33 и 99 апап (армейский пушечный артиллерийский полк), 221 гап, 528 и 529 мп; армейская группа АДД-8 (115 ПАБр в составе 222 и 1232 ГАПов), ВЗОР (взвод оптической разведки) и БЗР (батарея звуковой разведки) 9 ОРАД (отдельный разведывательный артиллерийский дивизион); армейская группа прорыва в составе 45 ПАБр и 40 ГАБр (446 и 451 ГАП), 58 ОКАЭ (отдельная корректировочная авиаэскадрилья). Гвардейские минометные части были распределены таким образом: 58 ГМП – с 33 ск, 61, 75 и 87 ГМП – с 29 гв ск. Артиллерийские полки (172, 87, 194 гв. ап) 28 гв. ск, находящегося во втором эшелоне, а также 120 мм батареи стрелковых полков были приданы 29 гв. ск на время форсирования реки. 4-й отдельный истребительный противотанковый батальон (оиптб) составлял противотанковый резерв [19].

Согласно ЖБД штаба артиллерии 8 гв. А, к 15 июля 1943 г. артиллерийские части армии «полностью заняли боевые порядки» [20]. В течение 15-16 июля проводилась «усиленная разведка и пристрелка реперов методом Пор» (пристрелочного орудия), а к 18.00 16 июля вся артиллерия армии была готова к началу артиллерийского наступления, план которого предусматривал три этапа: артподготовка продолжительностью 1 час 30 минут; поддержка атаки; обеспечение боя в глубине [21].

В ночь с 16 на 17 июля работники штаба артиллерии 8 гв. А «выехали на боевые порядки. КП командующего артиллерией армии находится на выс. 168,7 юж. РОССОХОВАТОЕ [в документе название населенного пункта записано заглавными буквами – М.Г.В.]. Опергруппа штаба артиллерии – РОССОХОВАТОЕ. Здесь сосредоточено все управление огнем» [22].

Командующий 8 гв. А В.И. Чуйков отмечал: «В 4 часа 50 минут 17 июля началась авиационная и артиллерийская подготовка на участках 1-й гвардейской и 8-й гвардейской армии. Артиллерийская подготовка длилась 1 час 30 минут» [23]. Согласно документов штаба артиллерии армии, артподготовка началась 17 июля в 5.20 утра [24].

Артиллерийская подготовка состояла из следующих временных промежутков:

- 5-минутный огневой налет по целям на переднем крае и в глубине обороны;
- 33-минутный прицельный методический огонь на разрушение ДОТов, ДЗОТов, уничтожение живой силы в узлах сопротивления, подавление и уничтожение артиллерийских и минометных батарей противника и т. д.;
- 2-минутный огневой налет по целям на переднем крае и ближайшей глубине;

- 15-минутная огневая пауза – артразведка всех видов вела усиленную разведку по уточнению результатов своего огня и обнаружение новых целей противника;

- 2-минутный огневой налет по целям на переднем крае и в глубине обороны противника;

- 23 минуты прицельного методического огня на разрушение ДОТов, ДЗОТов и блиндажей, подавление и уничтожение живой силы в опорных пунктах, огневых точек и т.д.;

- 10-минутный огневой налет по целям на переднем крае [25].

Как нами указывалось выше, по плану в операции должны были участвовать две армейские артиллерийские группы: армейская группа прорыва и армейская группа АДД. В задачи артиллерийским группам вменялось: «подавление и уничтожение артминбатарей, воспреещение подхода резервов и отражение контратак противника» [26].

Плотность артиллерии на операцию по корпусам первого эшелона представлена в Таблице 2.

Таблица 2.

Плотность артиллерии в Изюм-Барвенковской операции июля 1943 г. по корпусам первого эшелона 8 гв. А [27]

Показатель плотности артиллерии на 1 км фронта (ед.)	29 гвардейский стрелковый корпус (29 гв. ск)	33 стрелковый корпус (33 ск)
Орудий	40,6	7,6
Орудий и минометов	70,8	12,5
На главном направлении прорыва орудий	52,6	44,6
На главном направлении прорыва орудий и минометов	105,6	75

В.И. Чуйков констатировал: «29-й гвардейский и 33-й стрелковый корпуса на главном направлении удара на один километр фронта сосредоточили около 105 единиц орудий и минометов» [28]. Командарм был прав в отношении плотности артиллерии только 29 гвардейского стрелкового корпуса.

Плотность артиллерии всей 8 гв. А составляла 10,6 орудий и 29,7 орудий и минометов на 1 км фронта. Плотность противотанковых орудий (ПТО) на 1 км

фронта у 29 гв. ск была 16,5 и 33 ск – 3,2 орудия. В целом по армии этот показатель составлял 11 орудий [29].

Показатели плотности артиллерии 8 гв. А свидетельствуют о недостаточной насыщенности артиллерийскими средствами. К примеру, в Берлинской стратегической наступательной операции, артиллерийская плотность в полосе 8 гв. А составляла 300 орудий калибра 76 мм и выше, минометов, боевых машин реактивной артиллерии на 1 км на участке прорыва [30]. К тому же, в июле 1943 года на вооружении 8 гв. А находились 45 мм орудия, не хватало снарядов для реактивной артиллерии.

С указанным тезисом о недостаточной насыщенности армии артиллерийскими средствами для ведения наступательных действий полностью был согласен и командующий 8 гв. А, отмечавший в отношении Изюм-Барвенковской операции июля 1943 г.: «Однако опыт крупных наступательных операций с прорывом сильных оборонительных рубежей противника показал, что такая насыщенность артиллерийскими средствами недостаточна для нанесения решающего удара» [31].

Попытки возместить недостаток артиллерийских средств более длительной артподготовкой приводили к потере внезапности. Из-за отсутствия господства в воздухе, не получилось полноценной авиационной поддержки. По мнению В.И. Чуйкова, немцы знали о готовящемся наступлении «примерно с 12 июля» [32]. Как свидетельствуют документы вермахта, командующий 1-й танковой армией Э. фон Макензен еще в конце июня 1943 г. указывал: «Армия должна ожидать в данное время мощное, развиваемое на широком фронте наступление русских» [33].

После войны В. И. Чуйков утверждал, что в ходе Изюм-Барвенковской операции подтвердись все данные разведки армии (начальник разведки армии – полковник М.З. Герман) [34]. Однако, в документах штаба артиллерии 8 гв. А указывалось, что данные разведки о системе обороны противника были неполными [35].

В первый день наступления, по данным штаба артиллерии 8 гв. А, артиллерийским огнем было уничтожено 12 ДЗОТов, 47 пулеметов, 4 орудия, 13 минометов, 21 танк, 5 артиллерийских батарей, сожжено 2 автомашины, разрушено 3 наблюдательных пункта, подавлен огонь 30 батарей, 38 пулеметов, 4 орудий, 14 минометов, рассеяно и частично уничтожено до 2-х батальонов солдат и офицеров противника.

С утра 18 июля 1943 г. в бой был введен второй эшелон 8 гв. А: 28 гв. ск и танковая группа М.Г. Вайнруба в составе двух танковых и самоходно-артиллерийского полков.

На второй день наступления артиллеристы армии подавили огонь 28 батарей, 17 пулеметов, 1 орудия, 15 минометов, разрушили 45 ДЗОТов, уничтожили 2 батареи, 49 пулеметов, 3 орудия, 18 минометов, 2 танка, 900 солдат и офицеров противника, рассеяли до 4 рот, сожгли 2 автомашины, разбили 3 наблюдательных пункта. Согласно штабным документам, результат деятельности артиллерии в третий день такой: подавлено огнем 18 батарей,

разбито 57 ДЗОТов, уничтожено 5 батарей, 94 пулемета, 6 орудий, 17 минометов, 10 танков, рассеяно и частично уничтожено 1500 солдат и офицеров противника, подавлен огонь 24 минометов, 16 орудий, 24 пулемётов [36].

К сожалению, первые линии немецких траншей были взяты частями армии с большими потерями, укрепления из железобетона на вторых немецких позициях устояли из-за недостаточной поддержки артиллерией наступающей пехоты [37].

К исходу пятого дня операции, в отдельных частях 8 гв. А «более половины орудий и орудийных расчетов вышло из строя» [38]. В боях за Голую Долину погиб командир артиллерийской батареи, герой Сталинградской битвы, старший лейтенант И.З. Шуклин, уничтоживший 15 танков противника [39]. В целом, за период 17 – 21 июля 1943 артиллерийские потери 8 гв. армии составили: 45 мм орудий – 2 ед., 76 мм – 16 ед., 122 мм – 5 ед., 82 мм – 4 ед., 120 мм – 7 ед. [40].

За 21 июля артиллерия 8 гв. А. уничтожила: 1 артбатарею, 47 пулеметов, 9 орудий, 5 минометов, 3 танка, 650 солдат и офицеров вермахта. На протяжении 22 июля дивизионная артиллерия 8 гв. А сожгла 23 танка, 2 бронемашин, 3 автомашины, 1 самоходную пушку, 6 станковых пулеметов, до трех рот пехоты противника. Артиллерия 11-й артиллерийской дивизии подавила 3 артбатареи, 2 автомашины, 2 пулеметные точки, рассеяла и частично до роты солдат и офицеров противника. Сделала 410 выстрелов. 9-я артиллерийская дивизия подавила огонь 7 батарей, уничтожила 4 танка, 2 автомашины, 2 блиндажа, 3 станковых пулемета, рассеяла и частично уничтожила до батальона противника. Израсходовала 913 выстрелов. 23-я МБр рассеяла и частично уничтожила до 2-х батальонов противника, подавила огонь трех минбатарей, 1 пулемет, 1 ДЗОТ. Расход мин составил 1213 шт. Как видим эффективность боевой деятельности артиллерийских дивизий прорыва 21 – 22 июля снизилась [41].

23 июля 1943 г. артиллерия 8 гв. А уничтожила 16 пулеметов, 7 ДЗОТов, 8 блиндажей, 4 танка, 1 минбатарею, до трех батальонов противника, 1 самолет. Кроме того, было подавлено несколько огневых точек, наблюдательных пунктов, рассеяно несколько рот противника и т. д. В этот же день была создана следующая группировка артиллерии: 1) 28 гв. ск (собственная артиллерия; артиллерия усиления (527, 528 мп, 47 и 127 пап, 45 ПАБр)); 2) 29 гв. ск (своя артиллерия; артиллерия усиления (141 амп, 140 мп, 674 гап)); 3) 33 ск (своя артиллерия, артиллерия усиления (221 гап, 529 мп, 99 апап)); 4) Арм. группа разрушения (115 ПАБр, 113 ГАБр БМ 9 АД); 5) Арм. группа прорыва (446, 451 гап 11 АД)[42].

24 – 25 июля артиллерия армии вела разведку, предпринимала частные операции, продолжала уничтожать огневые точки, бронетехнику и живую силу противника, отражать контратаки. В результате одной контратаки в ночь с 24 на 25 июля противник «выбил наши части из [уже полностью разрушенного, и переходившего из рук в руки села – М. Г. В.] Голая Долина». В последующие два дня – 26-27 июля – принципиальных изменений в деятельности артиллерии не

произошло, кроме того, что 40 ГАБр стал поддерживать 33 ск, 45 ПАБр был включен в армейскую группу прорыва. В документе от 28 июля 1943 г. зафиксировано: «На основании боевых распоряжений Штаба артиллерии Армии произошла следующая перегруппировка артиллерии усиления Армии: 141 АМП – подчинен КАСК-33, 140 МП – подчинен КАСК-28, 529 МП – подчинен КАСК-33, 99 АПАП – придан 28 ГВСК. 184 ИПТАП – резерв Командующего артиллерии Армии. На основании боевого распоряжения КА-ЮЗФ № 002/ОП от 27.7.43 года 9 АД прорыва РГК и 105 ГАБр БМ вышли из состава артиллерии Армии в 1 Гв. Армию» [43]. Последнее указанное боевое распоряжение было одним из свидетельств того, что наступательная операция свертывалась. Тем не менее, боевые действия на этом не прекратились, лишь снизился градус напряженности между противоборствующими силами. К сказанному следует добавить, что в некоторых немецких документах, в частности 15-й пехотной дивизии «первое сражение за Изюм» датируется периодом с 17 июля по 2 августа 1943 г. [44].

В целом, за период с 17 по 27 июля 1943 г. в ходе Изюм-Барвенковской операции потери 8 гв. А оказались самыми большими среди подразделений Юго-Западного фронта: убито 5 924 чел., ранено 19 198 чел., пропало без вести и по другим причинам 1 100 чел., всего – 26 231 человек (41% от общей численности потерь Юго-Западного фронта). За этот же период 8 гв. А потеряла 58 орудий разного калибра, 11 минометов [45].

Одна из причин неполноценной боевой работы артиллерии всего фронта, в том числе 8 гв. А, обозначена в «Итоговой разведывательной сводке № 22» штаба Юго-западного фронта: «Заслуживает внимания почти полное отсутствие огня тяжелой артиллерии РГК и даже 150 мм систем дивизионной артиллерии» [46].

Вышеуказанное утверждение подтверждается отечественным исследователем А.В. Исаевым, по данным которого за период 17-21 июля 1943 г. 40 танковый корпус из 1-й танковой армии фон Макензена сделал 17 000 выстрелов орудиями калибра 150 мм, 400 выстрелов 210 мм орудиями, 559 выстрелов 220 мм орудиями (трофейные французские орудия), тогда как 8 гв. А и 1 гв. А Юго-Западного фронта за этот же временной промежуток осуществили 10 000 и 8 600 выстрелов орудиями 152 мм соответственно. В документах штаба артиллерии 8 гв. А лимит 152 мм снарядов на первые 4 дня операции был установлен – 12 400 шт. [47]. Напомним, что в 1943 г. в СССР 152 мм снарядов всех типов было сделано 3,4 млн. шт. [48].

Следует отметить, что в штабе артиллерии 8 гв. А по результатам боевой работы данного рода войск в Изюм-Барвенковской операции были сделаны выводы о том, что, несмотря на ряд негативных явлений, артиллерия армии «решила свою основную задачу, взломав передний край противника, тем самым дала возможность пехоте форсировать реку Сев. Донец, захватить противоположный берег и в дальнейшем обеспечить расширение плацдарма для ввода свежих сил по выполнению дальнейшей задачи – освобождению ДОНБАССА [в документе все буквы в названии угольного бассейна заглавные – М.Г.В.] [49].

Прежде чем перейти к выводам, сделаем еще несколько важных замечаний, на которые указывал и В.И. Чуйков: «Не всегда и не все документы исполнялись так, как они были написаны. Что-то не успевали сделать, где-то в дороге задерживались те или иные части, что-то в документе было написано на основе неточной информации, какое-то указание просто-напросто не могло быть выполнено». И далее прославленный командарм замечал: «Историку труднее. Ему приходится иметь дело с документами, и он не вправе от них отступить» [50]. Не будем строги к публикациям и мемуарного жанра. При всей своей субъективности, иной раз в них приводятся факты, которые не зафиксированы в документах. Безусловно, эти факты нуждаются в проверке и верификации. К этому необходимо добавить, что на сегодняшний день не все документы Ставки ВГК, имеющие отношение к Изюм-Барвенковской операции рассекречены.

Таким образом, даже краткий анализ боевой деятельности артиллерии 8 гв. А позволяет сделать вывод о недостаточной насыщенности артиллерийскими средствами полосы действия армии, о нехватке артиллерийских боеприпасов, о потере фактора внезапности, о превосходстве в тяжелой артиллерии у противника. Тем не менее, даже в таких условиях артиллерийские части армии проявили себя как вполне боеспособные единицы, показали, что им по силам решать самые трудные задачи. В тактическом плане успех Изюм-Барвенковской наступательной операции был весьма незначительным, но в стратегическом плане действия Юго-Западного (в т. ч. 8 гв. А) и Южного фронтов заставили руководство вермахта снимать войска с Курско-Белгородского направления, разукрупнять и раздвигать, в первую очередь, танковые и моторизованные соединения и, в конечном итоге, привели к нашей общей победе в Курской битве, где решалась судьба дальнейшего хода войны. Немаловажную роль в этом сыграла и артиллерия 8 гв. армии.

Материал, приведенный в исследовании, схематично и отдельными штрихами обозначил проблему, которая нуждается в более глубоком анализе и привлечении архивных документов не только советских вооруженных сил, но и частей вермахта, участвовавших в Изюм-Барвенковской операции июля 1943 года.

Ссылки и примечания:

1. Ершов, А. Г. Освобождение Донбасса: военно-ист. очерк / А. Г. Ершов. – М.: Воениздат, 1973. – 240 с.
2. Твои освободители, Донбасс: очерки, воспоминания / сост. Г. В. Тепляков. – 5-е изд., доп. – Донецк: Донбасс, 1976. – 423 с.
3. Чуйков В. И. Гвардейцы Сталинграда идут на запад. – М.: Советская Россия, 1972. – 256 с.
4. Чуйков В. И. От Сталинграда до Берлина. – М.: Советская Россия, 1985. – 704 с.

5. Бойко Е.И. Генерал Батюк и его гвардейцы: военно-документальный очерк об освободителях Донбасса / Е.И. Бойко. – Славянск: Печатный двор, 2004. – 38 с.
6. Доля В.И., Кузьменко А.В., Разумный В.В. Неизвестные страницы истории освобождения Святогорья от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году (Краеведческий очерк и экскурсионный маршрут) / Донецкий институт туристического бизнеса. – Донецк, 2009. – 81 с.
7. Полищук А. Разгромить Манштейна. Изюм-Барвенковская операция / Александр Полищук. – М.: Яуза-пресс, 2023. – 288 с.
8. Жирохов М.А. Сражение за Донбасс. Миус-фронт. 1941-1943. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. – 319 с.
9. Земке Э. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942-1945 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 604с.
10. Хоффман Т. «Викинги» Гитлера. Эсэсовский интернационал / Теодор Хоффман; пер. с нем. Ю. Бема. – М.: Яуза-пресс, 2011. – 130 с.
11. Святогорский плацдарм 1941-1943. Документы и свидетельства участников боев с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны на плацдарме р. Северский Донец / Составитель В. Н. Дедов. – Донецк, 2008. – 284 с.
12. Чуйков В. И. От Сталинграда до Берлина. – М.: Советская Россия, 1985. – С. 162.
13. Там же. – С. 379.
14. Надысев Г.С. На службе штабной. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Воениздат, 1976. 270 с. – С. 187 – 188.
15. Боевой состав Советской Армии. Часть III (январь – декабрь 1943 г.) / Военно-научное управление Генерального штаба. М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР, 1972. – С. 165.
16. Журнал боевых действий Штаба артиллерии 8 Гв. Армии за июль месяц 43 г. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 243, Оп. 0920409. Д. 0005. Л. 402. (здесь и далее документы взяты с официального сайта «Память народа» – pamyat-naroda.ru).
17. Там же. Л. 402.
18. Там же. Л. 402.
19. Там же. Л. 402.
20. Артиллерийское обеспечение в операции 8-й гв. А с 17 июля 1943 года. ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 134. Л. 209
21. Там же. Л. 209.
22. ЦАМО. Ф. 243. Оп. 0920409. Д. 0005. Л. 403.
23. Чуйков В. И. Гвардейцы Сталинграда идут... – С. 59.
24. ЦАМО. Ф. 243. Оп. 0920409. Д. 0005. Л. 404

25. Артиллерийское обеспечение в операции 8-й гв. А с 17 июля 1943 года. ЦАМО. Ф.345. Оп.5487. Д.134. Л. 209.
26. Там же. Л. 209.
27. Там же. Л. 209-210.
28. Чуйков В. И. Указ. соч. – С. 60.
29. ЦАМО. Ф.345. Оп.5487. Д.134. Л. 210.
30. Изонов В.В. Создание группировки артиллерии 8-й гвардейской армии в Берлинской стратегической наступательной операции // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). – С. 28–34. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-03.pdf>.
31. Чуйков В. И. Указ. соч. – С. 60.
32. Там же. – С. 63.
33. Повседневный приказ по 1-й танковой армии от 26.06.43 г. ЦАМО. Ф.500. Оп.12480. Д.75. Л.6.
34. Чуйков В. И. Указ.соч. – С. 56.
35. ЦАМО. Ф.345. Оп.5487. Д.134. Л. 210.
36. ЦАМО. Ф. 243. Оп. 0920409. Д. 0005. Л. 404.
37. Чуйков В. И. Указ. соч. – С. 62.
38. Там же. – С. 73.
39. Журнал боевых действий 172 гв. ап (31.03.1942 по 02.05.1945 г.). ЦАМО. Ф. 11002. Оп. 0000001. Д. 0027. Л. 61.
40. Журнал боевых действий войск Юго-Западного фронта за июль месяц 1943 года (период с 01.07.1943 по 31.07.1943 г.). ЦАМО. Ф. 232. Оп. 590. Д. 328. Л. 35.
41. ЦАМО. Ф. 243. Оп. 0920409. Д. 0005. Л. 405.
42. ЦАМО. Ф. 243. Оп. 0920409. Д. 0005. Л. 405.
43. Информация о противнике (КП 15-й пд РО № 383/43 от 10.09.43 г.) ЦАМО. Ф.500. Оп.12480. Д.75. Л.103.
44. ЦАМО. Ф. 243. Оп. 0920409. Д. 0005. Л. 405-407.
45. ЦАМО. Ф. 232. Оп. 590. Д. 328. Л. 47.
46. Итоговая разведывательная сводка № 22 за период с 10 по 20 июля 1943 г. штаба Юго-Западного фронта // Журнал боевых действий войск Юго-Западного фронта за июль месяц 1943 года (период с 01.07.1943 по 31.07.1943 г.). ЦАМО. Ф. 232. Оп. 590. Д. 328. Л. 52.
47. ЦАМО. Ф.345. Оп.5487. Д.134. Л. 210.
48. Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. / Под общей редакцией маршала артиллерии П.Н. Кулешова. – Москва-Тула: Главное ракетно-артиллерийское управление, 1978. – Книга вторая. 336 с. – С. 90.
49. ЦАМО. Ф.345. Оп.5487. Д.134. Л. 210.
50. Чуйков В. И. Гвардейцы Сталинграда. – С. 80.

УДК 94:355.422.1(477.6) «16/31 августа 1943»

В.Л. Агапов

доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: agarov_donetsk@mail.ru

**ВОЙСКА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ДОНБАССКОЙ
СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ:
16-31 АВГУСТА 1943 Г.**

Аннотация

В статье рассмотрены боевые действия войск 3-й и 8-й гвардейских, 6-й и 12-й общевойсковых армий Юго-Западного фронта в период проведения Донбасской стратегической наступательной операции, протекавшие на территории Славянского района Сталинской области и южной части Изюмского района Харьковской области у населенных пунктов Голая Долина, Долгенькое, Маяки и Райгородок. Описан героизм советских воинов, пытавшихся прорвать оборону противника с целью выхода войск фронта к Днепру и блокировки путей отхода на запад донбасской группировки противника. Показаны результаты августовских боев.

Ключевые слова: Юго-Западный фронт, Донбасская наступательная операция, дивизия, корпус, Долгенькое, Голая Долина

Summary

The article considers the combat actions of the troops of the 3rd and 8th Guards, 6th and 12th combined-arms armies of the Southwestern Front during the Donbass strategic offensive operation, which took place on the territory of the Slavyansky district of the Stalino region and the southern part of the Izyumsky district of the Kharkov region near the settlements of Golaya Dolina, Dolgenkoe, Mayaki and Raygorodok. The heroism of the Soviet soldiers who tried to break through the enemy's defenses in order to get the front troops to the Dnieper and block the escape routes to the west of the Donbass enemy group is described. The results of the August battles are shown.

Keywords: South-Western front, Donbass offensive operation, division, corps, Dolgenkoe, Golaya Dolina

В юбилейный год 80-й годовщины освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков важно прикоснуться к подвигу советского солдата,

совершенного им во второй половине августа – первой половине сентября 1943 г. В центре внимания автора – боевые действия войск Юго-Западного фронта (далее – ЮЗФ) в Славянском районе Сталинской области и южной окраине Изюмского района Харьковской области, развернувшиеся в процессе реализации плана Ставки Верховного главнокомандования (далее – ВГК) по разгрому группы немецких армий «Юг». Именно об этих боях говорил, в частности, В.В. Путин в своем обращении к ветеранам Великой Отечественной войны – участникам освобождения Донбасса, к его жителям и ко всем гражданам России по случаю славной юбилейной даты: «Берега Северского Донца испещрили доты и дзоты, многие километры минных полей. Сломить такую линию обороны, казалось, было немыслимо сложно, но бойцы Красной Армии выполнили эту задачу, совершили подвиги за гранью возможностей человека, прошли героический и жертвенный путь, упрочив триумф советских войск на Курской дуге» [1]. Изучение данной проблемы позволяет углубить исторические знания российского народа об одном из героических эпизодов Великой Отечественной войны, связанном с освобождением Донбасса, расширить границы исторической памяти общества. Незавершенность на момент написания статьи освобождения в рамках специальной военной операции Вооруженных сил РФ северной части ДНР, вероятность продолжения боев в зоне р. Северский Донец актуализирует изучение состоявшихся здесь сражений летом 1943 г. с целью извлечения позитивного опыта боевых действий и недопущения совершенных тогда ошибок.

В отечественной историографии эта страница Великой Отечественной войны относится к числу наименее изученных. Первый шаг к описанию протекавших здесь боев был сделан в 1961 г. В третьем томе труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза», подготовленного авторским коллективом из числа сотрудников отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под руководством его директора П. Н. Поспелова, содержался параграф «Освобождение Донбасса». В нем было сказано: «Первыми перешли в наступление войска ЮЗФ... Наступление в центре фронта развития не получило. Немецкое командование сосредоточило здесь крупные силы, в том числе много танков и авиации. До конца августа советские войска овладели рядом опорных пунктов и вклинились во вражескую оборону, но полностью прорвать ее не смогли. Несмотря на это, наступление ЮЗФ имело большое значение» [2].

Наиболее полное в советской историографии изложение интересующих нас событий было дано А.Г. Ершовым в главе «На Изюм-Барвенковском направлении» военно-исторического очерка «Освобождение Донбасса» [3]. При подготовке труда автор опирался на документы 9-ти фондов Архива Министерства Обороны СССР (Юго-Западного фронта, 6-й армии, 3-й гв. армии и др.). Автором были проанализированы планы советского командования, названы воинские части, принимавшие участие в этих боях, установлены населенные пункты, у которых разворачивались сражения, была

предпринята попытка дать относительно целостное описание действий советских войск по прорыву немецкой обороны. Однако автор в традиции того времени основное внимание уделил освещению героизма советских войск. Находившаяся в распоряжении исследователя источниковая база, ограниченная в основном некоторыми документами участвовавших в операции армий, не позволяла достичь относительной глубины изучения. Многие содержащиеся в очерке факты и суждения требовали уточнения и перепроверки.

В 2008 г. коллективом авторов была издана монография «Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Известные и неизвестные страницы истории»[4]. В главе «Освобождение» содержится параграф «Участие войск ЮЗФ в Донбасской стратегической наступательной операции». Авторы монографии расширили круг привлеченных источников, впервые использовали некоторые документы фондов 12-й армии, 1-го гв. мехкорпуса (далее – гв. мк) и 23-го танкового корпуса (далее – тк) ЦАМО РФ, что позволило дать хоть и весьма краткое, но все же более-менее упорядоченное описание развернувшегося сражения в районе сел Голая Долина - Долгенькое. Ограниченность источниковой базы имела следствием фрагментарность и неточности в описании боев. К примеру, авторы пишут, что «на Донетчине 12-я армия перешла в наступление 17 августа с рубежа Голая Долина - Пришиб в направлении Барвенково» [5], в то время как бои за Голую Долину начались 16 августа, и только к утру 17 августа село было полностью освобождено.

В 2011 г. увидела свет монография М.А. Жирохова «Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941-1943» [6]. В главу «Прорыв Миус-фронта летом 1943 г.» включен параграф «На северном направлении». В нем пересказывается информация монографии А.Г. Ершова «Освобождение Донбасса» без ссылок на использованный труд, но со ссылками на некоторые документы тех же фондов, которые были задействованы А.Г. Ершовым. М.А. Жирохову знакома монография «Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», о которой он упоминает во введении. Но если в труде «Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», назывались села Славянского и Изюмского районов, у которых разыгрывались кровопролитные бои, то в монографии М.А. Жирохова нет о них даже упоминания. М.А. Жирохов при изложении событий «северного направления» не справился с поставленной задачей предоставить читателю книгу, которая должна была стать «первой ласточкой в изучении реального хода боевых действий на Донбассе» [7].

Проведенный краткий анализ историографии проблемы позволяет сделать вывод, что в исследовании поднятой проблемы остается много «белых пятен», что обусловлено не только отсутствием специальных работ. Вне поля зрения историков по независящим от них причинам долгое время оставался огромный массив архивных документов, содержащих информацию об участии полков, дивизий, корпусов и армий в реализации на данном участке советско-германского фронта.

Целью статьи является анализ ключевых событий, связанных с реализацией планов Донбасской стратегической наступательной операции

войсками ЮЗФ в период 13-31 августа, связанных с попыткой прорыва советскими войсками узлов и опорных пунктов обороны врага в районе сел Райгородок, Маяки, Голая Долина, Краснополье, Мазановка, Моросовка, Долгенькое (в документах 1943 г. «Долгенькая»). Источниковой базой для изучения проблемы являются оцифрованные документы Центрального архива Министерства обороны РФ, находящиеся на сайте «Память народа», и мемуарная литература.

Приступая к анализу боев на северном фланге ЮЗФ (командующий – генерал армии Р. Я. Малиновский), обратим внимание на особенности Донбасской стратегической наступательной операции.

Первая. Разворачивавшиеся боевые действия войск ЮЗФ имели прямую и самую непосредственную связь с начавшейся 3 августа 1943 г. Белгородско-Харьковской наступательной операцией. 6 августа Ставка ВГК утвердила план разгрома харьковской группировки противника. В этот же день Ставка ВГК издала директиву о разработке Донбасской наступательной операции, выполнение которой было поручено маршалу А. М. Василевскому. «Немецкое командование расценивало район Белгорода – Харькова как... ключ к Донбассу», – считают авторы труда «Битвы и сражения, изменившие ход войны» [8]. Начавшееся 11 августа немецкое контрнаступление в районе Богодухова и Высокополье с использованием прибывших из Донбасса войск могло свести на нет затраченные Красной армией усилия по изгнанию врага. Операция войск ЮЗФ была призвана оттянуть на себя часть сил группы армий «Юг», в худшем случае – не дать немецкому командованию возможности снять с этого участка фронта какие-либо части. К тому же командование ЮЗФ опасалось начавшейся концентрации войск противника в районе Барвенково и предполагало, что после ее завершения враг попытается «сорвать наши успехи на Харьковском направлении переходом в наступление в общем направлении на Купянск» [9].

Вторая. Донбасская наступательная операция опиралась на результаты предшествовавших боев за Донбасс – Миллерово-Ворошиловградской наступательной операции, в результате которой была освобождена восточная часть Ворошиловградской области и в Сталинской области – район Красного Лимана, а также Изюм-Барвенковской наступательной операции (17 – 27 июля 1943 г.) В ходе последней бойцами 8-й гв. армии генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова 23 июля был захвачен плацдарм на правом берегу р. Северский Донец в районе с. Богородичное, с которого и началось наступление советских войск 16 августа 1943 г.

Третья. Операция начиналась через 3 недели после завершения активной фазы боев на Миус-фронте и Северском Донце, когда и наши силы, и силы противника были подорваны. В дни июльских сражений войска ЮЗФ потеряли 71 тыс. чел., в том числе 12 тыс. чел. убитыми [10]. После их завершения численный состав войск ЮЗФ пополнялся в основном за счет выписавшихся из госпиталей (21 тыс. чел), что не позволило восполнить понесенные потери. К тому же ЮЗФ передал в начале августа в состав Степного фронта 57-ю армию,

которая наступала юго-восточнее Харькова, и в распоряжение Ставки ВГК 62-ю гвардейскую стрелковую дивизию (далее – сд), 53-ю гв. сд и 23-ю сд. Чтобы восстановить боеспособность войск ЮЗФ, была проведена их ротация. С 11 по 13 августа 12-я армия меняла основательно измотанную в предыдущих боях 8-ю гв. армию. Она выводилась с фронта только на 3 дня для доукомплектования личным составом, ремонта техники и санитарной обработки солдат. Уже 18 августа бойцы армии двумя колоннами выдвинулись к фронту, чтобы 21 августа занять боевые позиции между 6-й и 12-й армиями [11]. Немецкие части пополнили 23-я тд и 16-я панцергренадерская дивизия вермахта, которые накануне были сюда переброшены с рубежа на р. Миус.

Четвертая. В боях не участвовали, как это было ранее, венгерские, итальянские, румынские армии, разгромленные в предыдущих сражениях. Но в составе войск вермахта держала оборону 295-я дивизия «изменников Родины».

В директиве Ставки ВГК от 6 августа 1943 г. о плане Донбасской наступательной операции было сказано следующее: «Основная задача Юго-Западного фронта нанести главный удар на юг в общем направлении Голая Долина, Красноармейское и во взаимодействии с Южным фронтом разгромить Донбасскую группировку противника и овладеть районом Горловка, Сталино» [12]. Разработанный маршалом А.М. Василевским план ее проведения, утвержденный Ставкой ВГК 8 августа 1943 г., предусматривал следующие действия войск Юго-Западного фронта:

6-я А после прорыва обороны врага не позднее третьего дня операции овладевает Барвенково;

12-я А прорывает оборону немцев на восьмикилометровом фронте, где ключевая роль отводилась взятию рубежа у с. Голая Долина, овладевает Краматорском, наносит удар по Артемовску, Константиновке и Горловке;

8-я гв. А с четвертого дня операции наступает на Красноармейский Рудник, Красноармейск и далее через Селидовку, Красногоровку выходит к Сталино.

3-я гв. А, которая держала фронт от с. Маяки Славянского района Сталинской области до Лопаскино Славяносербского района Ворошиловградской области, в проведении операции не задействовалась. Ее задачей было обеспечение флангов Юго-Западного и Южного фронтов [13].

Особую роль в планах командования должны были сыграть 23-й тк и 1-й гв. мк. Командовали 23-м тк генерал-майор Герой Советского Союза Е.Г. Пушкин, 1-м гв. мк – генерал-лейтенант И. Н. Руссиянов. 23-й тк насчитывал 234 боевые машины (166 Т-34, 47 легких танков Т-70, 21 английский танк МК-4). В составе корпуса также была мотопехота, которая использовала 58 легких броневедомостей и 15 бронетранспортеров [14]. 1-й гв. мк включал 4 танковые или моторизованные бригады, 4 мотострелковых батальона, насчитывавших около 5 тыс. чел. На вооружении корпуса было 214 танков Т-34 и Т-70, 6 КВ, 12 самоходных 152-х мм установок, минометы, различные артиллерийские системы и т.д.

Оба корпуса должны были вводиться в прорыв в первый день операции после выхода войск 6-й и 12-й армий на линию Долгенькое - Краснополье 1-е. К исходу пятого дня операции 23-й тк должен был достичь Красноармейского, к исходу седьмого дня - Красногоровки (пригород Сталино - авт.), а 1-й гв. мк должен был выйти в район Очеретино (Сталинская обл. - авт). В.И. Чуйков дал следующую оценку разработанному плану: «Операция была спланирована грамотно. Танковый, механизированный... корпуса, развивая наступление, имели все возможности создать для противника критическую ситуацию и совместно с войсками Южного фронта окружить и уничтожить части 1-й танковой и 6-й полевой армии противника в Донбассе»[15].

12 августа 1943 г. «в связи с успешным развитием наступления на харьковском направлении войск Воронежского и Степного фронтов» план операции Ставкой ВГК был принципиально изменен. Наступление на Сталино и другие города Сталинской области отменялось. ЮЗФ было предписано главными силами нанести удар с фронта Изюм - Богородичное в общем направлении Барвенково, Павлоград с целью выхода к Запорожью, Пологи и блокировки путей отхода противника. «Направления этих ударов - считает А.Г. Ершов, - выводили наши войска в тыл вражеской группировки, создавая условия для ее окружения, а также давали возможность избежать ведения боевых действий в крупных населенных пунктах центральной части Донбасса» [16]. Выход к Барвенково предполагалось осуществить 24-25 августа.

В связи с изменившейся задачей вносились коррективы в планы операции армий ЮЗФ. Перед 12-й армией, которой ранее предписывалось пробиться к Горловке, теперь была поставлена задача «прорвать главную оборонительную линию, выйти на оперативную глубину в общем направлении на Барвенково. Главный удар армия наносит своим правым флангом в направлении Голая Долина, Черкасское» [17]. Изменение задач, которые должен был решать ЮЗФ, потребовали внесения корректив в проведение наступательной операции Южным фронтом. Освобождение от немецко-фашистских оккупантов городов Центрального района Донбасса будет возложено на 5-ю Ударную и 51-ю армии.

В состав 12-й армии входили 7 сд. Для усиления армии в ее состав были переданы из фронтового резерва 243-я сд и 60-я сд. Численность армии составляла 44 тыс. чел., из которых «активных штыков» было 35% [18]. Пехоту должны были поддерживать 300 танков четырех танковых полков (далее - тп) и бригад (далее - тбр), а также 19 артполков с количеством орудий 112. Количество артиллерии позволяло обеспечить достаточную плотность огня - 162 орудия на 1 км фронта без сорокапятков и 50-мм минометов. Считалось хорошим показателем, когда на километр прорыва имелось 130-140 артиллерийских орудий. «С таким количеством стволов, - пишет в своих мемуарах В.И. Чуйков, - можно было бы превратить в прах вражеские укрепления...» [19].

Боевой потенциал дивизии 12-й армии можно уяснить на примере 244-й сд, которая должна была наступать в первом эшелоне. Накануне наступления она насчитывала 7 025 чел. Каждый из стрелковых полков имел около 1 700

чел. На вооружении дивизии находилось 580 винтовок, столько же ППШ, 27 станковых и 59 ручных пулеметов, 54 противотанковых ружей, четыре 76-мм пушки, сорок пять противотанковых орудий, девять 50-мм минометов, двадцать пять 82-мм, четыре 120-мм миномета. Дивизия была усилена 192 стволами артиллерийских полков [20]. Ее поддерживали 22 танка Т-34 и английские «Матильды» 224-го отдельного танкового полка.

В первом эшелоне 12-й армии должны были наступать четыре стрелковых дивизии, во втором – три и 1-й гв. мк, который 14 августа был включен в ее состав и находился в тот день в районе Ровеньки Ворошиловградской области. По оценкам советского командования в полосе прорыва соотношение сил по ряду показателей было в пользу советских войск.

Табл. №1.

Оценка советским командованием соотношения сил в районе предполагаемого прорыва фронта [21].

Показатель	Вермахт	ЮЗФ
Личный состав	2290	15953
Орудий	26	234
Станковых пулеметов	57	181
Минометов	53	307

12-й армии предстояло померяться силами с 17-й тд вермахта в районе Голая Долина, 38-й пд и 23-й тд в районе Долгенькое. Командование противника осознавало угрозу прорыва своей обороны и выхода советских танков в собственный тыл. Удар через Барвенково и Павлоград на юг для него был смертельно опасен. Враг позаботился о подготовке к обороне своих боевых позиций. Природный фактор (река, лесные массивы) благоприятствовал врагу. Фортификационные работы на правом берегу р. Северский Донец начались в конце марта и велись местным населением до момента наступления войск ЮЗФ. Вся растительность у реки на расстоянии 100-250 м от берега была вырублена. Вдоль него была вырыта траншея, которая соединялась с расположенными в глубине обороны опорными пунктами. В траншеях можно было передвигаться в полный рост, оставаясь незамеченными для наших наблюдателей. Находившиеся в траншеях немецкие солдаты осуществляли фиксацию действий войск ЮЗФ и препятствовали проникновению в свой тыл наших разведчиков. На километр фронта немцами было подготовлено 1960 м траншей и ходов сообщения, 9 блиндажей или землянок, 15 открытых пулеметных площадок, 4 дзота или дота [22]. Стальные (бронированные) колпаки прикрывали станковые пулеметы. Все созданные сооружения были подготовлены для круговой обороны. Система обороны из железобетонных сооружений была создана противником исключительно в районе Северского Донца. Развитую систему траншей с большим количеством окопов дополняли

противопехотные и противотанковые заграждения, сплошные минные поля, ряды колючей проволоки и иные искусственные препятствия.

Центрами немецкой обороны вне береговой зоны были противотанковые узлы сопротивления и опорные пункты, которые опирались на артиллерийские позиции. Узлы обороны создавались на танкоопасных направлениях, в местах, где лесные массивы ограничивали пропускную способность территории. Для создания таких узлов максимально использовались господствующие (командные) высоты. Позиции немецких артиллеристов были замаскированы и зачастую находились на западных скатах высот, вне зоны прямой видимости, что затрудняло их поражение. Позиции представляли собой засыпанные полуметровым слоем грунта перекрытия 2-х ярусного бревенчатого наката, которые предохраняли материальную часть орудий и минометов, их расчеты от советской штурмовой авиации. Узлы были организованы системой «огневых мешков» – наиболее эффективным способом противотанковой обороны. Немецкие артиллеристы имели «неограниченный лимит» боеприпасов. Дороги и опушки урочищ, по которым могла продвигаться советская бронетехника, были плотно заминированы. Территория, по которой могли наступать советские войска, была тщательно пристреляна из всех видов оружия. Узлы обороны были созданы в районе сел Голая Долина и Синичено.

Опорные пункты представляли собой сплошные траншеи и окопы полного профиля с развитой системой ходов сообщения. Дзотов и дотов здесь было не много. Но в траншеях были подготовлены площадки для пулеметов и орудий, ячейки для автоматчиков и снайперов, которым вменялось в обязанность уничтожение советских офицеров. Для отражения атак наших танков гитлеровцы подготовили противотанковые торпеды. Батальонные опорные пункты были подготовлены у сел Долгенькое и Моросовка, на высотах южнее Краснополье-2. В нескольких километрах западнее находилась еще одна линия обороны. В 40–50 км западнее Северского Донца была построена третья армейская полоса. Для отражения советского наступления была подготовлена авиация врага. Только на аэродромах Макеевки, Горловки и Сталино размещалось около 300 самолетов.

13 августа 1-я гв. армия начала наступление на г. Змиев Харьковской области. Этот день считается днем начала Донбасской стратегической наступательной операции. Наступление проводилось вне плана, разработанного маршалом А. М. Василевским. По плану А. М. Василевского наступление войск ЮЗФ должно было начаться 14 августа, но решением Ставки ВГК оно было перенесено на 16 августа. Сосредоточение войск, задействованных в его проведении, велось в районе Пасека, Богородичное, Банное, Яровая, и осуществлялось под непрерывными ударами авиации и артиллерии врага. Немецкое командование осознавало, что концентрация сил ЮЗФ осуществляется в рамках подготовки к наступлению и делало все возможное для нанесения нашим войскам максимального урона. Особенно активно действовала немецкая авиация в ночь с 11 на 12 августа, когда выводились в тыл войска 8-й гв. А и их меняли части 12-й А. Войска ЮЗФ, еще не

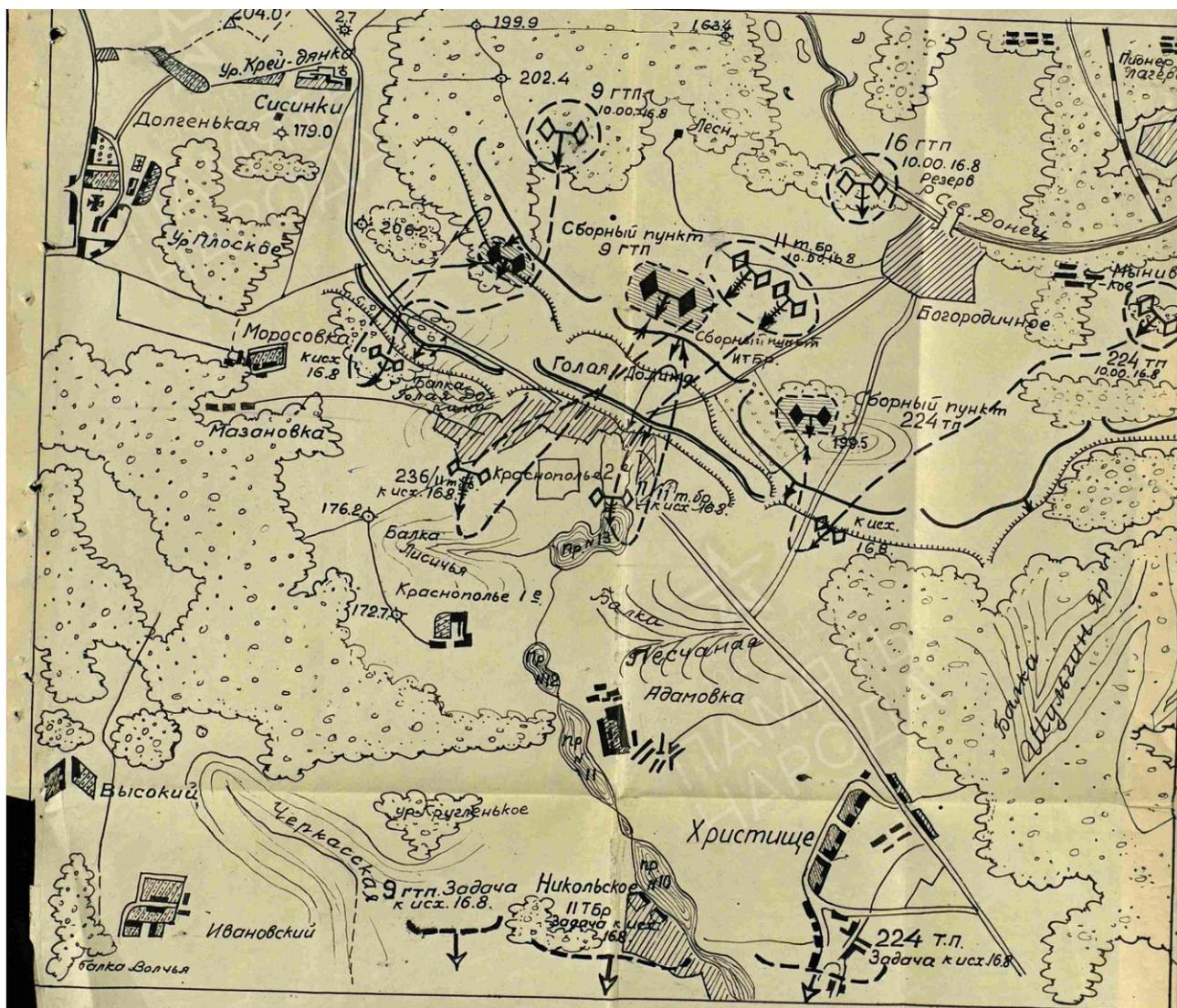
приступив к выполнению задач наступления, несли потери. Во время движения к переправе в результате налета более чем 100 немецких самолетов 350-я сд потеряла 40% личного состава [23]. В последующие дни 80 – 85 вражеских самолетов бомбили переправы в районе Студенок, Богородичного, Святогорска и места расположения наших частей. 13 через Северский Донец в ночное время переправлялись батальоны 1-го гв. мк. 14 августа группа немецких бомбардировщиков сбросила в районе переправ 400 бомб массой 25-100 кг, 15 августа - 800 бомб. У Святогорска вследствие бомбардировок был поврежден подводный мост. 15 августа переправился через Северский Донец у с. Синичено и рассредоточился в рощах у Пасека23-й тк.

Прибытие на боевые позиции войск 12-й А завершилось 13 августа. Ее соседями справа были пехотинцы 6-й армии, слева – 3 гв. армии. 350-я сд должна была наступать в направлении Голая Долина и взять Мазановку. Пехотинцы 66-го ск (350, 333-я сд и 203-я сд) должны были прорвать оборону противника в районе Голая Долина и овладеть Долгенькое и Краснополье-2. Бойцы 244-й сд имели приказ наступать в славянском направлении и выйти к населенным пунктам Крестище и Никольское.

23-й тк и 1-й гв. мк планировалось бросить в прорыв на фронте наступления как только войска 6-й и 12-й армий достигнут линии Викино - Долгенькое - Мазановка - Краснополье-2. Им было предписано овладеть находящейся в 25 км западнее железнодорожной станцией Барвенково. Потенциальные возможности 1-го гв. мк позволяли прорвать оборону врага на глубину до 600 км, вести непрерывные бои 6 - 7 суток, продвигаясь в сутки на расстояние 40-50 км [24].

Дивизии 12-й армии располагали крайне ограниченным временем для изучения местности и системы обороны противника. Точные данные о переднем крае врага отсутствовали. Чтобы понять, где он расположен, как враг предполагает его удерживать, накануне намеченного наступления бойцы 12-й армии при поддержке 2-х артдивизионов провели две разведки боем в направлении Голой Долины. Первая из них была осуществлена 14 августа. Начавшая атаку усиленная рота 203-й сд была остановлена вражеским огнем и контратакована немецкими автоматчиками численностью до 250 чел. 15 августа бойцы 333-й сд после 30-ти минутной артподготовки начали наступление. Противник поставил «непроходимую заградительную полосу огня из всех видов оружия». Советские солдаты, преодолев проволочное заграждение и взяв отдельные доты, смогли продвинуться вперед на 200-300 м. Четыре раза бойцы поднимались в атаку, но сильным огнем противника были остановлены. Выявить огневые точки немцев, выстроенную им оборонительную систему не удалось. Потери 333-й сд в ходе разведки боем составили 155 чел. убитыми и ранеными [25].

Расположение войск в районе Голая Долина 16 августа 1943 г.

16 августа в 4 утра задействованные в наступлении дивизии 6-й и 12-й армий ЮЗФ сосредоточились для атаки. В 9 утра началась артподготовка. В 10.15 в атаку рванулась пехота и танки, «поддерживаемые ураганным огнем артиллерии». К середине дня наступление 6-й армии захлебнулось. В этот день у с. Долгенькое получил смертельное ранение в результате минометного обстрела командир снайперской роты прославленный снайпер гвардии лейтенант В.И. Голосов, на счету которого было 427 уничтоженных врага, в том числе 70 снайперов. 26 октября 1943 г. В.И. Голосову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В тот день основные бои развернулись у села Голая Долина, где наступали бойцы 66-го ск 12-й армии. От передовых позиций наших войск до немецких окопов было 1,5 км. Первые 15-20 минут после артподготовки враг

оказывал незначительное сопротивление. Как выяснилось позже, противник подготовил «ловушку» для советских солдат, создав ложную первую линию обороны, по которой наносила свой удар советская артиллерия, в то время как основной рубеж немецкой обороны оставался нетронутым. Ворвавшись в первую линию, которая заранее была пристреляна немцами, советские бойцы попали под губительный артиллеристский и минометный огонь, «под огонь огромной плотности из дзотов и блиндажей». Наступавшие танки взрывались на минных полях. Сказывалось отсутствие проходов. Танкисты не знали расположения огневых точек врага. Половина танков, которые поддерживали наступление 244-й сд, за 2 часа боя была поражена противотанковыми орудиями врага. На участке, где бойцам 333-й сд удалось продавить оборону противника, продвижение было более активным. Солдаты продвигались к Голой Долине и «оседлали» дорогу на Краснополье-2. В полосе наступления 333-й сд враг четырежды переходил в контратаки при поддержке танков. Противник при этом потерял 15 машин. 203-я сд также наступала на Голую Долину. 244-я сд вела наступление вдаль дороги на Крестище.

Относительно быстрое продвижение одних полков и дивизий и отставание других приводило к оголению флангов, чем пользовался противник. Вырвавшиеся вперед солдаты 911-го стрелкового полка (далее – сп) 244-й сд в результате контратаки немцев и власовцев, оказались в окружении. Их соседи под угрозой блокирования были вынуждены отойти.

Бойцы 243-й сд, которые обеспечивали левый фланг ударной группировки 12-й армии, в полдень после ожесточенного боя, переходившего в рукопашные схватки, прорвали линию обороны врага. Они углубились в лес. Но отсутствие опыта ведения боевых действий в лесной местности не позволило развить успех. Более того, возникла угроза окружения, и солдаты 243-й сд отошли на исходные позиции.

Враг контратаковал. Немецкое командование перебросило из-под Барвенково подразделения 23-ей пд, мобилизовало всю имевшуюся бронетехнику. Враг использовал передвижные «кочующие минометы» – для чего применял наличный автотранспорт. В течение дня в полосе наступления стрелковых дивизий 12-й армии противник 9 раз переходил в контрнаступление при поддержке танков. Немецкая авиация группами по 15-20 самолетов бомбила переправы, ряды наступавших, позиции артиллеристов. ПВО ЮЗФ и истребительная авиация пытались нейтрализовать потоги врага. В этот день летчики 17-й воздушной армии сбили 25 и подбили 2 самолета люфтваффе.

Несмотря на массированный вражеский огонь, шло продвижение вперед. К концу первого дня наступления наши войска продвинулись на 2-3 км, противник был выбит из Голой Долины. Таким образом, был взят один из узловых пунктов обороны врага. На некоторых рубежах противник был выбит из первой линии окопов.

Но операция пошла не по плану. 16 августа фронт не был прорван. Поэтому 23-й тк и 1-й гв. мк в прорыв не вводились. Первый день наступления сопровождался большими потерями. В 333-й сд они составили 226 чел.

убитыми и 1 191 ранеными [26]. 203-я сд подошла к Голой Долине, потеряв 117 чел. убитыми и 595 ранеными [27]. 244-я сд потеряла 1039 чел. «Потери, понесенные нашими подразделениями, – считало командование 244-й сд, – являлись результатом отсутствия точных данных о переднем край обороны противника» [28]. В 243-й сд убитых и раненых было 232 чел. [29]. В целом, потери стрелковых дивизий 12-й армии составили 3 400 чел. Враг также нес потери, что не сказывалось на его оборонительном потенциале.

В ночь на 17-е августа вражеская авиация продолжала наносить удары. К утру 203-я сд полностью очистила Голую Долину. Ее бойцам предстояло взять Краснополье-2. Бои шли южнее села и на его западной окраине. Пыталась наступать в направлении Моросовка 350-я сд, перед которой была поставлена задача прорвать оборону противника на участке Синичено и развить наступление на Мазановку и урочище Плоское. От результативности действий 350-й сд во многом зависел исход операции, так как согласно утвержденному плану именно эта дивизия обеспечивала ввод в прорыв 1-го гв. мк, который справа должен был поддержать своим прорывом с рубежа Сулиговка-Степановка 23-й тк.

333-я сд в первой половине дня вышла на рубеж Моросовка. Днем до 150 немецких самолетов бомбили переправы, позиции артиллеристов и наступавшие советские войска. Зенитчики в этот день сбили 7 вражеских самолетов. Противником был введен в бой танковый полк дивизии СС «Викинг». К исходу 17 августа бойцы 333-ей сд вышли к Краснополье-2 и вели бои на восточной окраине Моросовка. Против наступавших пехотинцев враг бросил до 30 танков. Немецкая контратака была отбита, враг отступил, оставив 12 сгоревших машин.

В «Журнале боевых действий 333 сд» в этот день была сделана запись: «Противник ведет ожесточенный артиллерийский огонь по наступающим. Все боевые средства, контратаки танков и пехоты, а также непрерывная бомбежка направлены против наших частей, находящихся впереди дивизий. Понесены значительные потери, части незначительно продвинулись вперед. Танки значительно отстали от пехоты. Пехота... вынуждена залечь» [30]. Каждый метр освобождения советской земли сопровождался потерями человеческих жизней. 244-я сд, которая пыталась прорваться к Крестице, на второй день наступления потеряла 897 чел. [31] За 2 дня боев ее потери составили 1936 чел., или 27,5% первоначальной численности. После 3-х дней боев ее потери возрастут до 40,3% личного состава, на передовую будут отравлены все, кто мог держать в руках оружие. 907-й сп 244-й сд 16 и 17 августа потерял убитыми 230 чел., ранеными 770 чел. [32].

Немцы выбивали наши танки, которые поддерживали наступление пехоты. В течение 2-х дней были подбиты или сожжены 49 участвовавших в наступлении танков из 85 [33]. После взятия Голой Долины наши солдаты вплотную подошли к Краснополье-2 и выбили врага из села. Но дивизии 66-го ск поставленной задачи не выполнили. 1-гв мк и 23-й тк в бой не вступали.

18 августа в Северном Приазовье началось наступление войск Южного фронта, которыми успешно была прорвана немецкая линия обороны на р. Миус. В полосе наступления ЮЗФв ночь на 18 августа бойцы 350-й сд в районе Долгенькое взяли опорные пункты у урочища Плоское. В 7.30 они пошли в атаку в направлении Моросовка. Но «потом под давлением превосходящих сил противника отошли на исходные рубежи» [34]. Не прекращались бомбовые удары. Ночью в районе Голой Долины вели бомбардировку боевых позиций советских войск до 170 самолетов Ю-88 и Хейнкель-111. В полдень авиацией врага был осуществлен повторный авианалет, в котором приняли участие 80 самолетов. Вражеская авиация группами по 5-10 самолетов бомбила переправы на Северском Донце.

В 11.05 после 5 минутной артподготовки советские солдаты поднялись в атаку. Столь непродолжительная по времени огневая поддержка не могла подавить или парализовать врага. Наличие артиллерийских стволов не означало их эффективное использование. «Вторичность» Донбасской наступательной операции по отношению к операции «Полководец Румянцев» имела следствием постоянный дефицит снарядов в войсках ЮЗФ, особенно калибра 122 мм. Только наступлению 16 августа предшествовала артиллерийская подготовка в 1 час. 15 мин. Вспоминая день 16 августа, В.И. Чуйков зафиксировал неблагоприятную ситуацию с применением артиллерии: «Первые залпы артиллерии были действительно мощными. Такой насыщенности нашего огня мне до той поры видеть еще не приходилось... Однако я уже на слух уловил, что после первых и насыщенных залпов огонь наших орудий поредел. Вступал в силу закон экономии боеприпасов...Количество артиллерийских стволов на участке прорыва было достаточным. Для артподготовки не доставало снарядов» [35]. Даже в кульминационный день операции – 22 августа, о чем будет сказано ниже, артподготовка продолжалась только 10 мин. Советские войска имели незначительную авиационную поддержку по той же причине, что и дефицит снарядов.

Табл. №2.

**Использование снарядов 776-м артполком 244-й сд
16 августа – 22 августа 1943 г. [36]**

Дата	76 мм	122 мм	Всего
16.08	1 848	481	2 329
17.08.	1 601	420	2 021
18.08	1 302	295	1 597
19.08	445	90	535
20.08	170	4	174
22.08	486	1	487

Тем не менее, в результате контрбатарейной борьбы артиллеристы фронта сумели подавить за дни боев 47 батарей врага и уничтожить 62 [37]. Но

сделанное лишь незначительно облегчило продвижение наших солдат. Немцы стремились остановить советские войска всей мощью своей артиллерии, танков и авиации.

Из ключевых населенных пунктов, у которых немцами были созданы опорные пункты обороны, в руках врага продолжали оставаться Краснополье-1, Моросовка и Долгенькое. 350-я сд к вечеру подошла к северо-восточным окраинам Долгенькое, а 172-я сд (18.08 сменила 1116 сп 303-й сд и 515 сп) к Моросовка. Противник упорно оборонял не только села, но и урочище Плоское, лес западнее Краснополье-2. Утром 210 самолетов врага наносили удары по позициям 172-й сд. Взять Долгенькое не удавалось. 18 августа командующий ЮЗФ генерал армии Р.Я. Малиновский приказал вернуть на фронт 8-ю гв. армию.

В ночь на 19-е было частично взято Краснополье-2. На 19 августа командование 12-й армии подготовило наступление, «усилив ударную группировку фронта всем, чем только можно было, за счет второстепенных участков и сократив до минимума ширину прорыва вражеской обороны» [38]. В течение дня авиация противника 14 раз наносила удары по атакующим. В течение дня артиллерия врага осуществляла непрерывный артиллеристский и минометный обстрел наших позиций. Наступление, несмотря на мужество и самопожертвование советских солдат, результата не принесло. 172-я сд в этот день потеряла 1764 чел., из которых 217 были убиты [39]. Безвозвратных потерь было бы намного больше, если бы не героизм медицинского персонала. Только санинструктор Печанова за 2 дня боев оказала помощь 60 раненым. 19 августа в «Журнале боевых действий 333 сд» была сделана запись: «Полки выполнять боевые задачи не могут» [40]. В 350-й сд в отдельных батальонах число бойцов сократилось до 20 - 40 чел. В 1178-м сп в строю оставалось 79 бойцов [41].

Не менее драматично развивались события в полосе наступления 244-й сд, которая пыталась прорваться к Крестище. Мобилизовав все наличные силы, в 4.00 бойцы дивизии пошли в атаку и наконец-то взяли первую линию окопов. Немцы ответили контратакой 8-ю танками и 60-ю автоматчиками. Поддерживавшие пехотинцев артиллеристы приготовились уничтожать врага прямой наводкой и вести артиллерийскую дуэль с танками, не имея брони для своей защиты. «Во время огня прямой наводкой орудийные расчеты вели огонь мужественно и храбро» [42]. Потеряв 3 машины, противник отошел. После повторной контратаки, которую поддерживала САУ «Фердинанд», бойцы дивизии были вынуждены отступить. Командование дивизии решило изменить тактику наступления и использовать упорядоченность врагом фронтовой жизни. Атака была проведена в ночное время. И она удалась.

20-го августа дивизии 6-й армии и большинство дивизий 12-й армии наступления не вели, отражая контратаки врага. В 7 утра после 15 минутной артподготовки пошли в атаку бойцы 172-й сд. В этот день отличились комсорг роты 747-го сп Политаев, который, заменив командира роты, дважды поднимал солдат в атаку, заместитель командира батальона капитан Чернов, который

первым ворвался в траншеи врага [43]. В 8.30 при поддержке 4-х танков немцы начали контратаку против храбрецов 244-й сд, которые ночью выбили их с занимаемых позиций. Наши солдаты были окружены. Отправленные им в помощь автоматчики были обстреляны из минометов и вследствие интенсивного вражеского огня выполнить поставленную задачу не смогли. Окруженные солдаты 244-й сд пали смертью героев. К концу дня потери 244-й сд возросли до 46,2% от ее первоначальной численности и составили 3664 чел. В полках осталось по 150 - 200 штыков. Объяснение причин невыполнения боевого задания по взятию Крестище было следующим: «Почти на всем протяжении пятидневных боев наши части не выходили из-под воздействия огня противника, несли серьезные потери и не смогли развить успех, несмотря на самоотверженность, упорство и героизм» [44].

Невзирая на значительные потери личного состава и техники, командование ЮЗФ не собиралось свертывать операцию, поскольку немецкие войска сразу же были бы переброшены под Харьков. В армиях ЮЗФ повсеместно велась перегруппировка сил, которая завершилась к утру 21 августа. Малочисленные полки сводились в батальоны, доукомплектовывались за счет вспомогательных подразделений. На боевые позиции вернулась 8-я гв. армия, которая расположилась севернее Голой Долины. 244-ю сд меняла 60-я гв. сд. 28 гв. стрелковый корпус (далее – ск) пришел на смену 350-й сд. 333-я сд получила пополнение. В ее ряды влились 490 чел. из маршевых рот и 200 штрафников [45]. Артиллерия противника продолжала наносить массированные удары по позициям советских войск. Чтобы избежать лишних потерь, 1-й гв. мк был отведен за р. Северский Донец.

Командование ЮЗФ, 6-й и 8 гв. А, осознавая невозможность прорыва немецкой обороны у Краснополье-1, решило нанести сконцентрированный удар по пунктам немецкой обороны у сел Моросовка и Долгенькое. На этом участке стрелковые дивизии должны были прорвать немецкую оборону в глубину 8–10 км, после чего планировался ввод в прорыв танкистов и мотострелков 1-го гв. мк и 23-го тк с последующим наступлением на Барвенково. Прорвать оборону врага должны были 28-й гв. ск и 29-й гв. ск 8-й гв. армии, 66-й ск 12 армии (333 сд и 203 сд). Саперы скрытно вели разминирование минных полей. Готовился материал для ремонта взорванных мостов и разрушенных дорог. В первоначальный план операции, который не предполагал участие в ней 3-й гв. армии, вносилось изменение. В связи с тем, что наступление на славянском направлении застопорилось, 78-я сд и 297-я сд 34-го гв. ск 3-й гв. армии должны были форсировать Северский Донец и начать наступление на Маяки и Райгородок с дальнейшим овладением Славянском. Предполагалось, что наступающие дивизии 3-й гв. армии отвлекут на себя часть войск противника и в большей степени обезопасят левый фланг 12-й армии.

В ночь на 22 августа вернулись на фронт бригады 1-го гв. мк, заняв позиции на западных окраинах Голой Долины. Готовы были к штурму 204 танка и одиннадцать 152-мм самоходных установок, батальоны мотопехоты

[46]. Корпус получил приказ с рубежа Долгенькая, Мазановка, Краснополье-2 вести прорыв двумя колоннами, главный удар наносить правым флангом с задачей прорвать оборону на рубеже Долгенькое, Мазановка, после чего выйти в район Каракулька-1 и в последующем форсировать Сухой Торец [47].

Первой вышла на правый берег Северского Донца 9-я гв. тбр 1-го гв. мк подполковника А. Д. Белоглазова. Она имела приказ с приданным артполком сосредоточиться в указанном районе и утром 22 августа «при полном обеспечении прорыва пехотой 39-й сд и выхода ее на рубеж западной окраины Долгенькое» и взятии ею одной из господствующих высот приступить к прорыву немецкой линии обороны на рубеже Долгенькое-Моросовка. Предусматривался и иной вариант действий: «при неполном прорыве оборонительной полосы частями 39 сд бригаде и артиллеристам корпуса, создав мощный танковый клин, прорвать оборону противника самостоятельно, ... решительным и стремительным ударом, ведя огонь схода на боевых скоростях... достичь рубежа зап. окр. Долгенькое» [48]. Ближайшей задачей танкистов был выход к железной дороге Барвенково – Славянск.

(окончание следует)

Ссылки и примечания:

1. Путин В.В. Видеообращение по случаю 80-летия освобождения Донбасса 8 сентября 2023 года Текст: электронный – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72212>
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945 – В 6 т. / Ред. комис. П. Н. Поспелов (пред.) и др. – М.: Воениздат, 1960 – 1965. Т. 3. – С. 307.
3. Ершов А.Г. Освобождение Донбасса. – М.: Воениздат, 1973. – 239 с.
4. Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Известные и неизвестные страницы истории / Ред. коллег. А.Л. Третьяк (предс.) и др. – Донецк: АОЗТ «Издательство Донеччина», 2008. – 432 с.
5. Там же. – С. 180.
6. Жирохов М. А. Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941-1943. — М.: Центрполиграф, 2011. – 319 с.
7. Там же. – С.6.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012. – С. 567.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее - ЦА МО РФ). Ф. 1215. Оп.00001. Д. 0026. Л.28.
- 10.ЦА МО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 335. Л. 111.
- 11.Там же. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 134-2. Л. 550.
- 12.Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16(5-3). Ставка ВГК, 1943 г. : Док. и материалы. – М.: Терра, 1999. – С. 196.
- 13.Там же. – С. 302.
- 14.ЦА МО РФ. Ф. 3418. Оп. 1.Д. 15. Л. 52.

15. Чуйков В.И. Гвардейцы Сталинграда идут на запад / В. И. Чуйков. – М.: Советская Россия, 1972. – 251 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://itexts.net/avtor-vasiliy-ivanovich-chuykov/212224-gvardeycy-stalingrada-idut-na-zarad-vasiliy-chuykov/read/page-1.html> (дата обращения 3.02.2023).
16. Ершов А.Г. Указ.соч. С. 121.
17. ЦА МО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 189.
18. Там же. Ф. 232. Оп. 590. Д. 153. Л. 555.
19. Чуйков В.И. Указ.соч.
20. ЦА МО РФ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 44. Л. 31.
21. Там же. Ф. 345. Оп.5487. Д. 134-2. Л. 552.
22. Там же. Ф. 243. Оп.2900. Д. 146. Л. 274.
23. Там же. Ф. 960. Оп.1. Д. 4. Л. 4
24. Там же. Ф. 444. Оп. 8898. Д. 388. Л 122-123.
25. Там же. Л.122.
26. ЦА МО РФ. Ф. 1647, Оп. 1. Дело: 25. Л. 96.
27. Там же. Ф. 1465. Оп.1.Д. 4. Л. 95.
28. Там же. Ф. 1526. Оп. 1. Д. 44. Л. 32.
29. Там же. Ф. 1525 Оп. 1, Д. 43, Л. 66-а.
30. Там же. Ф. 1647, Оп. 1. Д. 25. Л.85.
31. Там же. Ф. 1526. Оп. 1. Д. 44. Л. 33.
32. Там же. Ф. 6287. Оп. 39121.Д. 11. Л.6.
33. Там же. Ф. 469. Оп. 0006046. Д. 00198. Л. 34.
34. Там же. Ф. 1669. Оп. 0000001. Д. 0001. Л. 17.
35. Чуйков В.И. Указ. соч.
36. Табл. составлена по: ЦА МО РФ Ф. 11796. Оп. 0000001. Д. 0003. Л.33-36.
37. ЦА МО РФ. Ф. 243.2900. 146. Л. 269.
38. Василевский Дело всей жизни. — М.: Политиздат, 1978. – 251 с. – URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vasilevsky/19.html>.
39. ЦА МО РФ. Ф. 1417. Оп. 1. Д. 3. Л.10.
40. Там же. Ф. 1647. Оп. 1. Д. 25. Л. 87.
41. Там же. Ф. 1669. Оп. 1. Д. 25. Л. 252.
42. Там же. Ф. 11796. Оп. 0000001. Д. 0003. Л. 33.
43. Там же. Ф. 1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.
44. Там же. Ф. 1526. Оп. 1. Д. 44. Л. 35.
45. Там же. Ф. 9625. Оп. 1. Д. 51. Л. 85.
46. Там же. Ф. 232. Оп. 0000604. Д. 0010. Л.616.
47. Там же. Ф. 3424. Оп. 0000001. Д. 0040. Л. 4.
48. Там же. Ф. 4459. Оп. 0086632 с. Д. 0001. Л. 110.

УДК 3554

В.С. Хохлов

кандидат исторических наук,

Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации; советник, Российская академия ракетных и артиллерийских наук

e-mail: 13.mac1984@mail.ru

К 80-ЛЕТИЮ ДОНБАССКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация

В статье анализируется подготовка и ход Донбасской стратегической наступательной операции. Раскрыты слагаемые ее успешного проведения.

Ключевые слова: Красная армия, операция, фронт, вермахт, Сталино.

Summary

The article analyzes the preparation and progress of the Donbass strategic offensive operation. The components of its successful implementation are disclosed.

Keywords: Red Army, operation, front, Wehrmacht, Stalino.

Сегодня Донбасс живёт одной мечтой – освобождением своей земли от войск неонацистского режима Киева, превращающего донецкий край в руины. Почти 80 лет назад задачу по освобождению этого края решала и Красная армия в ходе Донбасской стратегической наступательной операции.

Советское Верховное Главнокомандование, претворяя в жизнь разработанный и принятый ранее стратегический план на летне-осеннюю кампанию 1943 г., планировало провести общее наступление по освобождению от немецких захватчиков значительных территорий от Великих Лук до Черного моря. Этот крупный по замыслу и участвовавшим в его выполнении силам план осуществлялся в ходе нескольких операций, в том числе Донбасской стратегической наступательной операции.

В начале августа 1943 г. Ставкой ВГК Юго-Западному и Южному фронтам была поставлена задача, подготовить, а затем и провести операцию по освобождению Донбасса. Боевой состав войск Юго-Западного и Южного фронтов к началу этой операции был следующим:

Юго-Западный фронт: 1, 3 и 8-я гвардейские армии; 6, 12 и 46-я армии; 17-я воздушная армия; соединения фронтового подчинения: 1-й гвардейский механизированный корпус, 1-й гвардейский кавалерийский корпус; 1, 2 и 7-я гвардейские кавалерийские дивизии; 47-я гвардейская стрелковая дивизия, 4-я зенитно-артиллерийская дивизия.

Южный фронт: 2-я гвардейская и 5-я ударная армии; 28, 44 и 51-я армии; 8-я воздушная армия; соединения фронтового подчинения: 11-й танковый корпус, 4-й гвардейский механизированный корпус; 4 и 5-й гвардейские кавалерийские корпуса; 63-й стрелковый корпус; 9, 10, 11 и 12-я гвардейские кавалерийские дивизии; 30 и 63-я кавалерийские дивизии; 295-я стрелковая дивизия. Всего в составе группировки советских войск – 719,8 тыс. человек.

Соотношение сил советских войск и противника к началу Донбасской стратегической наступательной операции было следующим: по людям 1,3:1; по орудиям и минометам 3,1:1; по танкам и САУ 1,5:1; по самолетам 1,3:1

На основании указаний Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина командующие войсками Юго-Западного и Южного фронтов генералы армии Р.Я. Малиновский и Ф.И. Толбухин со своими штабами совместно с представителем Ставки ВГК Маршалом Советского Союза А.М. Василевским разработали решение на наступательную операцию по освобождению Донбасса [2]. Ставка ВГК директивой от 6 августа 1943 г. № 30160 [3] утвердила решение на наступательную операцию и определила основные задачи операции:

- Юго-Западному фронту нанести главный удар на юг в общем направлении Голая долина, Красноармейское и во взаимодействии с Южным фронтом разгромить Донбасскую группировку противника и овладеть районом Горловка, Сталино;
- Южному фронту нанести главный удар в направлении Куйбышево, Сталино, где сомкнуться с ударной группой Юго-Западного фронта;
- готовность к наступлению – 13-14.8.1943 г.
- план наступательной операции представить на утверждение Ставки 10.8.1943 г.

8 августа 1943 г. представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза А.М. Василевский представил в Ставку ВГК план действий войск Юго-Западного и Южного фронтов в предстоящей Донбасской операции. 10 августа Ставка ВГК утвердила этот план. Планируемая глубина операции составляла до 400 км. Ширина фронта наступления – до 450 км [4].

12 августа 1943 г. в связи с успешным развитием наступления сил Воронежского и Степного фронтов Ставка Верховного Главнокомандования директивой от 12 августа 1943 г. № 10165 уточнила задачи войскам Юго-Западного фронта [5]:

- главными силами нанести удар с фронта на Изюм, Богородичное в общем направлении Барвенково, Павлоград; к 24-25.8 выйти главными силами фронта на линию Лиговка, Лозовая, Барвенково;
- правым крылом немедленно приступить к форсированию реки Северский Донец южнее Чугуева и ударом на Замостье, Тарановку и далее на юг во взаимодействии с войсками 57-й армии Степного фронта свертывать оборону противника по западному берегу реки Северский Донец;

- в дальнейшем развивать наступление в общем направлении Павлоград, Орехов с целью выйти на фронт Запорожье, Пологи и отрезать пути отхода на запад донбасской группировке противника;
- Южного фронта: наступать с рубежа Дмитриевка, Русское, через Старо-Бешево, в обход Сталино;
- основной удар нанести севернее Куйбышево в полосе 10-12 км; прорыв немецкого фронта осуществлять войсками 5-й ударной, 2-й гвардейской и 28-й армий.

Донбасская стратегическая наступательная операция состояла из наступательных операций войск Юго-Западного и Южного фронтов, осуществлявшихся по единому замыслу и плану с целью освобождения Донецкого экономического района страны.

В период подготовки операции советская авиация вела разведку, фотографируя отдельные элементы немецкой оборонительной системы, производила наблюдение за перемещением войск противника, не допускала пролётов немецких разведчиков и проводила отдельные операции, нанося удары по аэродромам врага.

С начала августа 1943 г. командование Юго-Западного и Южного фронтов осуществляло подготовку их войск к наступательной операции. Велась непрерывная разведка противника, уточнялись задачи армиям, осуществлялась перегруппировка войск, проводились мероприятия по оперативной маскировке, пополнялись запасы материальных средств, техники и вооружения.

12 августа командующий войсками Юго-Западного фронта генерал армии Р.Я. Малиновский отдал приказ перейти в наступление:

- 13 августа – правому крылу фронта – 1-й гвардейской армии;
- 16 августа – ударной группировке, созданной в центре фронта – 6-й и 12-й армиям;
- 17 августа – левому крылу фронта – 3-й гвардейской армии.

Выполняя поставленную задачу, соединения и части 1-й гвардейской армии форсировали реку Северский Донец южнее Чугуева и наступали в южном направлении, взламывая оборону противника во взаимодействии с 57-й армией. Реку первой форсировала 152-я стрелковая дивизия 34-го корпуса. В этот же день Северский Донец форсировала 6-я стрелковая дивизия. Бои с самого начала носили упорный характер. Немецкое командование, осознавая опасность выхода советских войск в район южнее Харькова, прилагало усилия для того, чтобы восстановить положение на этом участке фронта. Командование Юго-Западного фронта усилило 1-ю гвардейскую армию артиллерией и передало ей отдельный танковый полк прорыва из 3-й гвардейской армии, перебросив его по железной дороге [6]. После упорных боев войска 1-й гвардейской армии 18 августа освободили г. Змиев.

Командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-армии Р.Я. Малиновский сосредоточил основные усилия фронта на изюм-барвенковском направлении. 16 августа после мощной артиллерийской подготовки и серии авиаударов 6-я и 12-я армии перешли в наступление. Противник, опираясь на подготовленные оборонительные рубежи и хорошо организованную систему артиллерийского и минометного огня, оказывал упорное сопротивление. Немецкая авиация наносила бомбовые удары по наступавшим советским войскам. Соединения и части 17-й воздушной армии только 16 августа совершили 1338 самолето-вылетов. Советские лётчики сбили 25 вражеских самолетов [7]. К концу первого дня наступления 6-я и 12-я армии продвинулись на 2,5–3,5 км. Тяжелые бои продолжались и 17 августа. Некоторые участки по несколько раз переходили из рук в руки.

22 августа командующий войсками Юго-Западного фронта ввел в сражение 8-ю гвардейскую армию. После 20-минутной артподготовки, в наступление перешел первый эшелон 8-й гвардейской армии. Во втором эшелоне шли две стрелковые дивизии, ещё одна была в резерве армии. Немцы продолжали оказывать яростное сопротивление [8]. За день 22 августа 8-я гвардейская армия отбила шесть контратак и продвинулась на 6 км. Вражеские соединения и части, используя рубежи обороны, оказывали ожесточенное сопротивление. Продвижение советских войск замедлилось. 28 августа командующий войсками Юго-Западного фронта отдал приказ 6, 12 и 8-й гвардейской армиям перейти к обороне на достигнутых рубежах.

На левом крыле Юго-Западного фронта наступала 3-я гвардейская армия. Её исходным рубежом был район Лисичанска. 3-я гвардейская армия не смогла прорвать оборону противника и 27 августа тоже перешла к обороне [9]. На правом крыле этого фронта войска 1-й гвардейской армии, продолжая теснить противника, к 20 августа вклинились вглубь его обороны на 20 км.

23 августа войска Степного фронта начали штурм Харькова. В связи с этим Ставка ВГК изменила задачи для правого крыла Юго-Западного фронта. 1-й гвардейской армии предписывалось нанести главный удар в общем направлении на Тарановку, Лозовую, Чаплино, а часть сил направить вдоль реки для ликвидации обороны немцев по правому берегу Северского Донца.

26 августа на правом крыле Юго-Западного фронта была введена в сражение 46-я армия. Первый эшелон армии сменил две правофланговые дивизии 1-й гвардейской армии, и начал наступление в направлении Тарановка – Новая Водолага.

46-я армия наступала до 30 августа, продвинулась на 10 км, как и другие объединения Юго-Западного фронта, преодолевала упорное сопротивление сил противника. За 4 дня она отразила 32 контратаки немцев. Одновременно по нашим войскам наносила мощные удары авиация противника.

30 августа командующий войсками Юго-Западного фронта приказал 46-й армии перейти к обороне.

3-я гвардейская армия Юго-Западного фронта, во взаимодействии с 51-й армией Южного фронта наступала на Лисичанск против 1-й танковой армии группы армий «Юг» противника. 2 сентября этот город был освобожден. В начале сентября немецкие войска начали отход в общем направлении на Днепропетровск и Запорожье. 3 сентября соединения и части 3-й гвардейской армии полностью освободили от противника Ворошиловградскую область. Успех 3-й гвардейской армии командующий войсками Юго-Западного фронта стал развивать усилением армии 33-м стрелковым и 23-м танковым корпусами из состава 6-й армии. Стремительный удар подвижных корпусов был направлен на стык 1-й танковой и 6-й армий немцев и оказался весьма успешным. В результате войска 3-й гвардейской армии к концу 6 сентября продвинулись на запад на 75–100 км. 7 сентября 23-й танковый корпус освободил Красноармейск. К 9 сентября 3-я гвардейская армия продвинулась на запад на 150–180 км, освободив около 700 населенных пунктов.

С 8 сентября в наступление перешли и другие армии фронта. Утром 10 сентября 8-я гвардейская армия освободила Барвенково.

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. Манштейн 15 сентября, после провала идеи «подвижной обороны», отдал приказ об отводе немецких войск за реки Днепр и Молочную. Темп наступления войск Юго-Западного фронта ускорился. 22 сентября войска фронта на левом фланге и в центре вышли на линию Новомосковск – восточнее Запорожья, а на правом фланге – к концу месяца достигли реки Днепр.

Юго-Западный фронт смог в ходе этих боёв расширить изюмский и захватить новый плацдарм в районе Змиева. Кроме того, войска Юго-Западного фронта смогли сковать на барвенковском направлении крупные силы вермахта, что серьёзно облегчило наступление войск Южного фронта. Наступление войск Юго-Западного фронта облегчило и действия войск Степного фронта.

На Южном фронте события развивались следующим образом. К 15 августа немецкая разведка обнаружила активность в полосе обороны

Южного фронта, но в целом данных, которые указывали на скорое наступление советских войск, выявлено не было. В результате ослабленная в предшествующих боях 294-я пехотная дивизия немцев в полосе наступления 5-й ударной армии не была заменена на более мощное соединение. Кроме того, в день начала наступления Южного фронта 16-я танково-гренадерская и 23-я танковая дивизии из состава

6-й армии вермахта были переданы 1-й танковой армии. Штаб 6-й армии противника был уверен, что на его участке стоит ожидать только вспомогательные удары незначительных масштабов.

17 августа командующий войсками Южного фронта генерал армии Ф.И. Толбухин отдал приказ начать наступление войск фронта 18 августа:

«Правому флангу прорыва обороны противника – 51-й армии: занять оборону на правом фланге на участке в 65 км и сковать силы противника перед своим участком фронта.

Центру фронта – главный удар на участке фронта шириной в 25 км в районе Дмитриевка, Куйбышево нанести войсками трёх армий: 5-й ударной,

2-й гвардейской и 28-й армий. В эшелоне развития успеха фронта иметь 4-й гвардейский механизированный, 4-й гвардейский кавалерийский корпуса и три стрелковые дивизии. Левому флангу прорыва обороны противника – 44 армии: сковать силы противника перед своим участком фронта» [10].

Армиям были поставлены следующие задачи:

- 5-й ударной армии вести наступление на левом фланге на участке фронта Дмитриевка – Куйбышево (5 км севернее Куйбышева). Удар нанести на участке в 10 км в направлении на Кутейниково. На пятый день наступления войскам армии прорвать оборону противника на глубину в 55–60 км и выйти на рубеж Кутейниково. В полосе наступления армии ввести в бой 4-й гв. механизированный корпус, с задачей идти на Колпаковку и Донецко-Амвросиевку.
- 2-й гв. армии наступать в полосе фронта шириной 9 км, южнее Куйбышево. К концу пятого дня наступления соединениям армии выйти на рубеж реки Кальмиус, создав угрозу флангу центра донбасской группировки противника.
- 28-й армии, расположенной на левом фланге ударной группы Южного фронта, прорвать оборону противника на участке шириной 2,5 км и наступать в направлении Анастасиевка, Федоровка. На втором этапе операции армии выйти к побережью Азовского моря и во взаимодействии с частями 44-й армии уничтожить таганрогскую группировку противника. Во взаимодействии с 28-й армией использовать 4-й гвардейский кавалерийский корпус для развития наступления в юго-западном направлении и принять участие в ликвидации таганрогской группировки противника. Боевой порядок 28-й армии установить из трех эшелонов. В резерве армии иметь 33-ю гв. танковую бригаду. 8-й воздушной армии осуществлять поддержку войск с воздуха.

18 августа войска Южного фронта перешли в наступление. На направлении главного удара командующий войсками Южного фронта создал превосходство над противником: по живой силе в 4 раза, по количеству орудий в 5, а минометов в 5,5 раза и по количеству танков в 4-6 раз. На участке предполагаемого прорыва протяженностью 25 км по фронту было сосредоточено 23 стрелковые дивизии, до 2 тыс. орудий и минометов (не считая полковой и противотанковой артиллерии), в том числе все орудия 2-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва. Дополнительно к этому привлекалось шесть гвардейских минометных полков М-13 и бригада М-31. В артиллерийской подготовке участвовали 120-мм и 82-мм минометы и артиллерийские полки дивизий второго и третьего эшелонов, артиллерийские полки дивизий резерва фронта и артиллерия подвижных соединений. Все это позволило нашему командованию довести среднюю плотность артиллерии на всем участке прорыва до 93 орудий и минометов на 1 км фронта, а в 28-й армии, где участок прорыва составлял всего 2,5 км, эта плотность доходила до 154 орудий и минометов на 1 км фронта. В 800 м от траншей противника для стрельбы прямой наводкой выдвигались все орудия батальонной и полковой артиллерии и, кроме того, отдельные орудия калибра 122 мм и 152 мм. Артиллерийская подготовка продолжалась 80 минут, она начиналась и завершалась короткими артналетами по передовым позициям противника. После начала атаки пехоты и танков огонь перенесли на глубину до 2 км [11].

8-я воздушная армия в течение ночи наносила удары по опорным пунктам врага в главной полосе, утром удары по позициям противника наносили штурмовики. С началом наступления авиация получила задачу подавлять артиллерию и минометы противника в ближайшей глубине, а затем поддерживать наступающие стрелковые и механизированные части.

В полосе войск 5-й ударной армии наступление развивалось успешно. Разведка предоставила артиллеристам полные данные о расположении огневых средств противника, и артподготовка нарушила немецкую систему огня на переднем крае. Удачно действовала штурмовая авиация, подавляя огневые средства и нанося удары по живой силе и технике в глубине обороны противника. Пехота и танки 5 ударной армии заняли передний край противника и двинулись дальше. К концу дня войска армии продвинулись на глубину в 8 км, пробив фронт шириной 16 км.

Ближе к ночи в прорыв был введен 4 гвардейский механизированный корпус с задачей овладеть районом Колпаковка и не допустить укрепления сил противника на рубеже реки Крынка. К утру 19 августа корпус, не встречая особого сопротивления противника и обходя его опорные пункты, выполнил поставленную задачу. Танкисты закрепились на рубеже Артемовка, Надежный, Колпаковка.

Во взаимодействии с 3-м гвардейским стрелковым корпусом к вечеру 19 августа соединения и части прошли 24 км и вышли к реке Крынка.

5-я ударная армия, выйдя к реке Крынка, рассекла вражеские войска на две тактически изолированные части.

2-я гвардейская армия действовала менее успешно. Оборону противника в подготовительный период изучили недостаточно, поэтому артподготовка не дала такого эффекта, как в полосе наступления 5-й ударной армии. Армия за день продвинулась всего на 1-2 км, не прорвав оборону немецких войск.

28-я армия, успех наступления которой зависел от соседней 2 гвардейской армии, также не смогла преодолеть оборону противника. Однако она смогла захватить важный опорный пункт Петрополье [12].

Как только противнику стало ясно, что Красная армия на этом направлении ведет полноценное наступление, командующий 6-й армией вермахта запросил усиление. Армии были переданы 9-я танковая и 258-я пехотная дивизии из состава группы армий «Центр». Немецкое командование, не имея в наличии оперативных резервов, стало спешно собирать резервы из дивизий, стоявших на пассивных участках фронта, батальоны береговой охраны, различные специальные и тыловые подразделения. замысел немецкого командования состоял в том, чтобы решительными встречными ударами с севера на юг и с юга на север срезать советский клин в районе Артемовка, Надежный, Колпаковка. На южном направлении для реализации этого плана была сформирована группа Рекнагеля. На северном направлении организовали группу Пикера.

Наступление войск Южного фронта развивалось на узком участке фронта в 8 км. Это было вызвано тем, что соединения 2-й гвардейской армии и на второй день не смогли прорвать немецкую оборону.

Командующий войсками Южного фронта решил сосредоточить усилия на расширении зоны прорыва. В ночь на 20 августа 2-й гвардейский механизированный корпус выдвинулся в направлении Успенская. Танкистов поддержал 3-й гвардейский корпус, а с воздуха самолеты 7-й штурмовой авиадивизии. 20 августа ударная группировка продвинулась на 2-4 км, понеся большие потери. В этот же день 6-я армия немцев нанесла контрудар. Был захвачен Семеновский, прорыв сузился до 3 км. Но полностью ликвидировать советский клин немецким войскам не удалось. В то же время создавалась угроза окружения 5-й ударной армии. Одновременно ожесточенное сражение шло в воздухе. 20 августа 8-я воздушная армия совершила 738 самолето-вылетов, потеряв 28 машин, а противник – 660 самолето-вылетов.

Командующий войсками Южного фронта ответил на контрудары противника контрударами по флангам наступающих соединений врага. По группе Пикера из района Калиновка в направлении на Семеновский ударили две стрелковые дивизии и танковая бригада. Одновременно на Гараны наступали танковая и механизированная бригады 4-го гвардейского механизированного корпуса. Кроме того, с запада, по открытому флангу 3-й горно-егерской дивизии нанесли удар соединения 5-й ударной армии.

На южном фланге по группе Рекнагеля нанесли удар соединения 2-го гвардейского механизированного корпуса. К вечеру 21 августа кризис на флангах 5-й ударной армии был преодолен. Немцы оставили Семеновский и отошли. На южном фланге к 22 августа группа Рекнагеля отступила на рубеж

реки Крынка. Брешь в немецкой обороне расширили до 12 км. 5-я ударная армия получила возможность продолжить наступление.

22 августа был занят ещё один плацдарм на реке Крынка, южнее Колпаковки. Была перерезана железная дорога, по которой шло снабжение 29-го армейского корпуса 6-й армии вермахта. Командующий 6-й армией, формируя ударные группы против советского клина, серьезно ослабил фланги. Поэтому для усиления флангов 6-й армии была передана 13-я танковая дивизия. 22 августа она была сосредоточена в районе к юго-западу от кургана Саур-Могильский. 23 августа части 13-й танковой дивизии противника перешли в наступление и продвинулись на 6-7 км в южном направлении. Однако были остановлены и отброшены назад. Немецкие войска не смогли ликвидировать разрыв фронта между 29-м и 17-м армейскими корпусами. Последняя немецкая попытка удержать фронт по реке Миус провалилась.

23 августа 4-й гвардейский механизированный корпус вышел в район Николаевки и Донецко-Амвросиевки. Соединения 1-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии, наступая вперед, создали непосредственную угрозу немецким войскам в районе Успенской. Была перерезана железная дорога Кутейниково – Таганрог, по которой осуществлялось снабжение таганрогской группировки вермахта.

К 24 августа ударная группировка Южного фронта добилась значительных успехов. Немецкое командование было вынуждено снять немалые силы для переброски на харьковское направление.

В то же время наступление войск Юго-Западного фронта натолкнулось на мощную оборону противника, которую прорвать не удалось. В этих условиях продолжать наступление на западном направлении в условиях, когда Южный фронт не имел достаточных резервов для парирования контрударов противника, было рискованным. Удар на запад без взаимодействия с войсками Юго-Западного фронта не сулил успеха. Поэтому командующий войсками Южного фронта решил не продолжать подготовку к наступлению на западном направлении, а провести локальную операцию по уничтожению таганрогской группировки противника.

Для этого 25-26 августа командующий войсками Южного фронта провел перегруппировку сил и уточнил задачи армиям:

- 5-й ударной армии наступать на Саур-Могильский, Петровский и Свистуны; обеспечить правый фланг ударной группировки от контратак противника с северного направления;
- 2-й гвардейской армии часть сил развернуть на южное направление, оставшиеся войска привлечь к обороне по реке Мокрый Еланчик, фронтом на запад;
- 28-й армии силами трех дивизий наступать на район Первомайский;
- 44-й армии частью сил развивать наступление на юг, остальными силами овладеть с. Самбек;
- 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу 26 августа войти в прорыв и из района Ново-Амвросиевка к утру 27 августа выйти в район Ново-

Хапрово, Екатериновка, а затем пробиться в район Мало-Кирсановка, Латоново;

- 4-му гвардейскому механизированному корпусу частью сил захватить Кутейниково на западном направлении; основными силами корпуса наступать на юг, продвигаться в район Покрово-Киреевки, обеспечивая действия 4-го гвардейского кавалерийского корпуса с западного направления.

26 августа войска Южного фронта продолжили наступление.

К концу 27 августа части 4-го гвардейского кавалерийского корпуса и 4-го гвардейского механизированного корпуса, преодолевая сопротивление противника, вышли в район Кутейниково – Покрово-Киреевка – Екатериновка – Ново-Ивановка и оказались в тылу таганрогской группировки вермахта. Подвижные соединения выполнили поставленную задачу.

Соединения 2-й гвардейской армии, используя успех 4-го гвардейского кавалерийского и 4-го гвардейского механизированного корпусов, перешли в наступление и продвинулись на правом фланге до 9 километров.

2-я гвардейская армия вышла на рубеж Ново-Еланчик – Васильевка – Сухая Крынка, продолжая теснить врага в юго-восточном направлении.

29-й армейский корпус вермахта оказался под угрозой окружения и полного уничтожения. Стало очевидно, что его 6-я армия самостоятельно не в состоянии ликвидировать угрозу. 27 августа командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. Манштейн вместе с командующими армиями прибыл в Ставку А. Гитлера в Винницу для выработки решения по выходу из сложившейся ситуации. Резервов не было. Были только обещания. По возвращении из Ставки, командующий 6-й армией решил перегруппировать силы и начать отступление войск с вывода тыловых частей [13].

Советское командование по докладам разведки сразу узнало о начавшейся перегруппировке сил противника. 27 августа командующий войсками Южного фронта приказал командиру 4-го гвардейского кавалерийского корпуса, применяя обходы и охваты, не ввязываясь в затяжные бои, не выпустить войска противника на запад, громить его по частям, нанести поражение 13-й танковой дивизии.

29 августа 2-я гвардейская армия выполнила поставленную задачу, 4-й механизированный корпус вышел на рубеж Щербаков, Федоровка. 5-я ударная армия наступала в северном направлении и к концу 29 августа вышла на рубеж Саур-Могильский – Свистуны. Основным опорным пунктом немецкой обороны на этом направлении была высота 277.7 – курган Саур-Могила. После артиллерийской подготовки части армии взяли Саур-Могилу.

28 августа соединения и части 28-й и 44-й армий вышли на рубеж Самойлов – Печерский – Степановский. 4-й гвардейский кавалерийский корпус занял Марьинку, но не смог пробиться к Таганрогу. Соединения и части вермахта были зажаты на площади 25x25 км. Его командование начало отводить силы с самбекского плацдарма. 29-й армейский корпус немцев был на грани полного окружения и гибели. Единственным способом избежать

надвигающейся катастрофы для окруженных был немедленный прорыв на запад, пока Красная армия не создала сплошного фронта окружения.

Штаб группы армий «Юг» дал приказ на отход войск на запад и оставление Таганрога. Советское командование не смогло оперативно выделить силы для создания полноценного кольца блокады, и 60-километровый фронт окружения держали только соединения и части 4-го гвардейского кавалерийского корпуса.

В ночь на 30 августа была проведена Таганрогская десантная операция. В ней принял участие 384-й отдельный батальон морской пехоты. Восточнее Таганрога высадили вспомогательный десант – разведроту штаба 58-й армии. В операции принимали участие корабли Азовской военной флотилии под командованием контр-адмирала С.Г. Горшкова. Морские пехотинцы заняли порт и захватили расположенные в нем суда.

30 августа в Таганрог вошли 130-я и 146-я стрелковые дивизии.

Таганрогская группировка вермахта была разгромлена. 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус взял в плен более 2 тыс. человек, захватил 45 орудий, 11 танков, 100 автомобилей и другое имущество. Правый фланг донбасской группировки вермахта был разгромлен. Немецкое командование вынуждено было начать отвод войск 6-й армии с Миус-фронта на подготовленные оборонительные позиции. За период с 18 по 31 августа войска Южного фронта прорвали Миус-фронт. Красная армия продвинулась на глубину до 50 км, расширив фронт на 90 км. Советские войска вышли на рубеж Кутейниково – Екатериново-Хапрово – Щербаков. В результате разгрома южного фланга донбасской группировки вермахта – таганрогской группировки, в его обороне от Донецко-Амвросиевки до побережья Азовского моря образовалась широкая брешь. Войска Южного фронта продолжали наступление, и была вероятность выхода войск фронта во фланг и тыл донбасской группировке противника. В это же время силы Воронежского и Степного фронтов продолжали наступление на белгородско-харьковском направлении и, продвигаясь на запад, «нависали» над донбасской группировкой немецких войск с севера. Для германских войск в Донбассе появилась угроза окружения и полного уничтожения. 31 августа А. Гитлер дал разрешение командующему группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалу Э. Манштейну начать отвод 6-й армии и правого фланга 1-й танковой армии. В это же время войскам была разослана «Директива об эвакуации, разрушении и вывозе имущества» Й. Гебельса [14], согласно которой немцы немедленно приступили к уничтожению важных объектов, вывозу и уничтожению населения, предприятий и оборудования Донбасса, применяя тактику «выжженной земли». «Зоны пустыни» должны были снизить темпы наступления Красной Армии и дать время на создание мощного оборонительного рубежа на реке Днепр. Одновременно немцы совершали массовый угон в Германию советских граждан, особенно молодежи и мужчин призывного возраста.

6-я немецкая армия, несмотря на значительные потери, оставалась серьезным противником. Армия получила задачу отступить на оборонительную

линию по правому берегу реки Молочная и прочно закрыть подступы к нижнему течению реки Днепр и Крыму. До этой основной линии обороны было создано несколько промежуточных. Наиболее сильный рубеж обороны проходил через Макеевку на Константиновку, восточнее Сталино и далее на юг по реке Кальмиус. Этот рубеж защищал город Сталино (Донецк) и назывался «позиция Черепаха». Ее спешно строила организация Тодта (военно-строительная организация Третьего рейха), армейские инженерные части и согнанное местное население. Немецкое командование планировало длительную оборону на «позиции Черепаха». Одним из средств, которое должно было помочь 6-й армии удержать «позицию Черепаха», стал батальон танков «Пантера». Он прибыл в распоряжение командующего 6-й армией в начале сентября. Батальон «Пантер» передали в состав 17-го армейского корпуса. Но надежды немецкого командования удержаться на «позиции Черепаха» оказались тщетными.

Южный фронт получил подкрепления. В августе был ликвидирован Орловский выступ, немецкие войска отступили на «линию Хаген». 11-й танковый корпус 4-й танковой армии Юго-Западного фронта решением Ставки ВГК был передан Южному фронту. 7 сентября 11-й танковый корпус был введен в сражение в направлении на Волноваха, в центр прорыва обороны 6-й немецкой армии.

В ночь на 1 сентября 1943 г. армейская разведка 51-й армии Южного фронта установила, что противник уходит. 257-я стрелковая дивизия заняла Штеровку. Войска Южного фронта начали преследовать противника 1 сентября, а войска левого крыла Юго-Западного фронта – 2 сентября 1943 года. 28-я армия к 1 сентября вышла на рубеж реки Сухой Еланчик. К исходу 2 сентября 51-я армия на широком участке преодолела оборону Миус-фронта.

3 сентября соединения и части 51-й армии прошли на западном направлении до 60 километров и освободили более сотни населенных пунктов, включая г. Ворошиловск. 7 сентября они заняли пгт. Очеретино.

2-я гвардейская армия перегруппировала силы и вышла на рубеж Кутейниково – Покровский. Немецкие войска, понеся серьезные потери, стали спешно отходить за реку Кальмиус.

44-я армия к 4 сентября вышла на восточный берег реки Кальмиус и в район Мариуполя.

3-я гвардейская армия на левом фланге фронта 5 сентября освободила Артемовск и к 8 сентября продвинулась на 150–180 км.

5-я ударная армия сломала сопротивление противника на рубеже Горловка – Макеевка – Сталино и 8 сентября освободила город Сталино. 28 армия готовилась к прорыву немецких позиций на реке Кальмиус.

Сильное сопротивление противник оказал на направлении главного удара Южного фронта. Снизились темпы наступления в центре и на правом фланге фронта, вплоть до его остановки.

7 сентября 6-я армия вермахта получила приказ командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Э. Манштейна отходить с «позиции

Черепаша». Миус-фронт был окончательно прорван, и остался в тылу Красной армии. Немецкое командование, придавая огромное значение Мариуполю, создало на реке Кальмиус мощный рубеж обороны, названный «Миус-2». На правом берегу реки все высоты были укреплены, создано множество дотов, дзотов, блиндажей и артиллерийских позиций [15].

8 и 9 сентября соединения и части 28-й армии несколько раз начинали наступление, но значительных успехов не добились. Перелом в сражении произошел только 10 сентября.

Азовская военная флотилия высадила западнее Мариуполя два десанта: 8 сентября – у населенного пункта Ялта и 10 сентября – в Мелекине, чем оказала действенную помощь войскам 28-й армии при взятии Мариуполя [16].

10 сентября Мариуполь был освобожден. После прорыва немецкой линии обороны на реке Кальмиус завершилось освобождение Донбасса в полосе действий войск Южного фронта. Немецкие войска спешно отступали на запад. 14 сентября 1943 г. командующий войсками Южного фронта генерал армии Ф.И. Толбухин доложил Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза И.В. Сталину о выполнении поставленных задач и о продолжении наступления в направлении на Гуляй-Поле. К исходу 16 сентября Гуляй-Поле было освобождено от противника.

16-20 сентября части 6-й армии вермахта отошли к позиции «Вотан» («Восточный вал» обороны) по западному берегу рек Чингул и Молочная, между Мелитополем и Днепровской дугой южнее Запорожья.

20 сентября войска Южного фронта вышли на этот рубеж, но с ходу прорвать его не смогли. После упорных боев 22 сентября войска фронта достигли реки Днепр. На освобожденных территориях воинам Красной Армии пришлось увидеть ужасающую картину: разрушенные и сожженные города и села, расстрелянных мирных граждан, взорванные промышленные предприятия и объекты инфраструктуры.

Донбасская стратегическая наступательная операция была завершена.

В сентябре войска Южного и Юго-Западного фронтов полностью освободили от немецких захватчиков Донецкий бассейн. Красная армия вышла на рубеж Днепропетровск – Мелитополь. Была открыта дорога через Северную Таврию в Крым и к низовьям Днепра. Действия войск Южного и Юго-Западного фронтов способствовали успешному наступлению Воронежского и Степного фронтов на белгородско-харьковском направлении. Немецкое командование было вынуждено эвакуировать 17-ю армию в Крым, оставив Кубань. Германия потеряла Донбасс – важнейший экономический центр.

Донбасская стратегическая наступательная операция войск Юго-Западного и Южного фронтов проходила в период с 13 августа по 22 сентября 1943 г., в течение 41 суток, по фронту – до 450 км; в глубину – до 300 км. В боях за освобождение Донбасса от рук фашистов погибли более 66 тыс. советских солдат и офицеров, почти 210 тыс. красноармейцев были ранены. Точные потери немецких войск неизвестны. Наши потери техники и вооружения в операции составили: танков – 886, самолетов – 327 [17].

СССР расширил свои экономические возможности в угольной промышленности, металлургии, машиностроении и сельском хозяйстве. Это была важнейшая победа.

Выдающаяся роль в подготовке и успешном завершении Донбасской наступательной операции принадлежит командующим войсками Юго-Западного и Южного фронтов – генералам армии Р.Я. Малиновскому и Ф.И. Толбухину, представителю Ставки ВГК Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому. Правильная оценка складывающейся обстановки и принятие обоснованных и своевременных решений в управлении войсками позволили достичь целей операции. Институт представителей Ставки ВГК в войсках давал возможность командующим войсками фронтов напрямую и в кратчайшие сроки связываться со Ставкой ВГК для решения неотложных вопросов. Представитель Ставки ВГК в войсках координировал действия командующих войсками фронтов и оказывал им помощь. Ставка ВГК узнавала складывавшуюся обстановку такой, какая она была на тот момент, поэтому своевременно реагировала и принимала необходимые решения.

Разгром группировки вермахта был достигнут путем одновременного нанесения фронтальных ударов войск Юго-Западного и Южного фронтов. На направлении главного удара было создано превосходство над противником в живой силе в 3-4 раза, орудиях и минометах почти в 5 раз, в танках в 4-6 раз. Одновременность ударов сковывала резервы противника, вводила его в заблуждение относительно направления главного удара.

В операции широко применялась тактика рассекающих фронтальных ударов в центре обороны противника с последующими ударами по флангам. Активно использовались подвижные группировки войск в оперативной глубине обороны немцев. Положительно сказался приобретенный опыт управления войсками, подготовки и ведения операций, взаимодействия родов войск и материально-технического обеспечения.

За образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом мужество и героизм 80 воинам Красной армии было присвоено звание Героя Советского Союза, а летчики А.И. Покрышкин и Д.Б. Глинка удостоены второй медали «Золотая Звезда». 23 воинским частям присвоили наименование городов Сталинской области, освобожденных ими: «Артемовские», «Горловские», «Мариупольские», «Славянские». Войскам, участвовавшим в освобождении Донбасса, приказом Верховного Главнокомандующего от 8 сентября 1943 г. была объявлена благодарность и в Москве дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий [18].

Несомненно, час освобождения Донбасса от киевского неонацистского режима, как и от его идейных прародителей, почти 80 лет назад, скоро наступит и возродится его богатая мощь.

Ссылки и примечания:

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. – М., 2010. Т. 2. – С. 129, 130.
2. Василевский А.М. Дело всей жизни. – М., 1988. В 2-х т. Т. 2. – С. 34.
3. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 183.
4. Атлас офицера России. – М.: Издательство «Красная Звезда», 2021. – С. 211.
5. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 188, 189.
6. Жирохов М.А. Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941 – 1943. URL: https://royallib.com/read/girohov_mihail/bitva_za_donbass_mius_front_19411943.html#40960 (дата обращения 30.03.2023).
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Манштейн Э. Утерянные победы. – М., 2002. – С. 152–153.
14. Там же. – С. 215.
15. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. Die Ostfront 1943/44. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. S. 340.
16. Энциклопедия Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов. – М.: Издательский дом «Звонница»-МГ», 2018. – С. 324.
17. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. – М., 2010. Т. 2. – С. 134.
18. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник. – М.: Воениздат, 1975. – С. 24–27.

УДК 94(477):392

О.Б. Пенькова

кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: moruzhenko63@mail.ru

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДНОСТЬ В ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (1960-е – начало 1990 –х гг.)

Аннотация

В статье сделан краткий обзор политики советского государства по отношению к православным праздникам и обрядам с момента прихода большевиков к власти и до конца 1950-х гг. Затем на материалах Донбасса автор анализирует изменение государственной политики и трансформацию православной обрядово-праздничной культуры. Выявлена степень религиозной составляющей в обрядах семейно-бытового комплекса и в календарных праздниках в 1960-е – 1980-е гг. на уровне повседневности. Показаны изменения, происходившие с христианскими праздниками и обрядами в начале 1990-х гг.

Ключевые слова: Православные праздники, календарные праздники, христианская обрядность, семейно-бытовая обрядность, государственная политика, повседневность, население Донбасса

Summary

The article provides a brief overview of the policy of the Soviet state in relation to Orthodox holidays and rituals from the moment the Bolsheviks came to power until the end of the 1950s. Then, using the materials of Donbass, the author analyzes the change in state policy and the transformation of Orthodox ritual and festive culture. The degree of the religious component in the rituals of the family and household complex and in calendar holidays in the 1960s – 1980s at the level of everyday life is revealed. The changes that took place with Christian holidays and rituals in the early 1990s are shown.

Key-words: Orthodox holidays, calendar holidays, Christian rituals, family and household rituals, state policy, everyday life, the population of Donbass

С момента установления власти неонацистского режима в пост майданной Украине в 2014 году, им был взят курс на разрыв исторически сложившихся экономических, политических, социальных, культурных и

духовных многовековых связей с Россией. Наибольшую опасность киевский режим усматривает в православной вере, на протяжении тысячелетия служившей скрепой единого русского народа. Сегодня в соседнем государстве развернута беспрецедентная борьба с православием, и всем, что с ним связано. Это касается праздников, традиций и обрядности. История нашей страны имеет опыт сложных и неоднозначных отношений церкви и государства, в частности, в советский период. Эти отношения преломлялись и в обрядово-праздничной культуре. Изучение советского опыта, имевшего выраженную специфику в различные периоды истории страны, а также изменений, происходивших в начале 1990-х гг. в «независимой» Украине, позволит с одной стороны извлечь важные уроки для выстраивания грамотной государственной политики в праздничной сфере для Российской Федерации, а с другой – быть полезной при решении важнейших практических задач денацификации на освобожденных территориях.

Различным аспектам создания и распространения новой социалистической обрядности и праздников в рамках антирелигиозной государственной политики посвящены работы советских исследователей Д.М. Угриновича [1], В.А. Руднева [2], А.И. Мазаева [3], Л.А. Тульцевой [4], А.В. Бенифанда [5], А.А. Коновича [6]. Из современных отечественных историков необходимо выделить работы С.Ю. Малышевой [7] и Н.В. Шалаевой [8]. Советские массовые праздники, их функции в обществе, стали объектом изучения немецкого исследователя Мальте Рольфа [9]. Государственная политика и повседневное бытование праздников в 1960-х – 1980-х гг. на востоке Украины изучались автором статьи на диссертационном уровне [10].

Цель статьи – на основании изучения советской государственной антирелигиозной политики, проанализировать ее эффективность в области обрядово-праздничной сферы жизни населения Донбасса в 1960-х – 1980-х гг., а также – рассмотреть трансформационные изменения, происходившие в данной сфере в первой половине 1990-х гг., в новых политических условиях.

До начала 1960-х годов в СССР уже имелся опыт в отношении христианских праздников и обрядности. Он накапливался в рамках атеистической пропаганды и антирелигиозной государственной политики. Исследователи выделяют следующие периоды ее реализации.

Первый этап – от прихода большевиков к власти и до конца 1920-х гг. Это время характеризуется с одной стороны жесткой антирелигиозной пропагандой, сопровождающейся репрессиями, с другой – активным обрядотворчеством и созданием новых праздников. Православная обрядово-праздничная культура традиционно представлена в календарных праздниках и обрядах крестьянского аграрного календаря, а также в семейно-бытовой обрядности. В этот период все календарные праздники воспринимались исключительно как церковные, вызывая противодействие властей. Антирелигиозная политика и атеистическая пропаганда – лекции, выступления агитбригад, публикации в прессе, плакаты, сопровождались активным обрядотворчеством. На местах партийные и комсомольские организации пытались как альтернативу церковным проводить

«красную» Пасху и «комсомольское» Рождество. Однако, подавляющей частью населения страны такое обрядотворчество воспринято не было [11]. Несмотря на все гонения, традиционные праздники календарного цикла оставались частью повседневности. Православная праздничная культура как основа традиционной, в рассматриваемый период лучше сохранялась в сельской местности. В городах советская репрессивная политика оказалась более действенной – публично эти праздники или перестали отмечаться вообще, или перешли на приватный личностно-семейный уровень.

С позиций антирелигиозной борьбы воспринималась и семейно-бытовая обрядность. До революции записи в церковных книгах о проведенных обрядах крещения, венчания и отпевания имели статус официальных. В стране, где православное население составляло подавляющее большинство, распространение этих обрядов было всеобщим. После революции, в начале 1920-х гг. определенные партийные круги пытались вообще отказаться от брака и семьи, пропагандируя новую модель взаимоотношения полов и поколений. Эти идеи, вступили в антагонизм с традиционными моральными представлениями и поддержки населения не получили. А вот создание новой «революционной» или «красной» обрядности было достаточно популярно в комсомольской среде. Семейные обряды, возникшие в результате такого подхода, представляли синтез вольной переработки церковных обрядов и партийного собрания. Назывались они соответственно – «звездины», «красные крестины», «красные октябрины», «комсомольская свадьба», «красные похороны». Проведение таких обрядов было подобно торжественным собраниям: вынос красного знамени, приветственные слова старых большевиков и героев гражданской войны, выступления докладчиков о перспективах мировой революции и задачах ВКП(б), обязательное голосование, клятва на «Манифесте Коммунистической партии», назначение «красных кумовьев» из числа партийных активистов, совместное хоровое исполнение революционных песен, прежде всего – «Интернационала» и т.д. Вводились новые символы: вместо креста с распятием – красная звезда с серпом и молотом. Простое перечисление предлагаемых и практикуемых действий, дает основание утверждать, что собственно обрядовая составляющая практически нивелировалась. Типичной чертой «красной семейной обрядности» была массовость и утрата камерности, особенно наглядно это проявлялось при наречении имени при проведении «красных крестин». Само имя новорожденному часто выбиралось на собрании путем открытого голосования. По мнению исследователя А.О. Филатова, в 1920-х гг. в продолжение тенденции отказа от традиций происходила «дехристианизация» именно слова: «Вообще, – давалось разъяснение в одной из книг, вышедших в 20-х годах – родители могут избрать своему ребенку имя, заимствованное из мертвой или живой природы. Этим они порвут с религиозными именами, докажут свой разрыв с идолопоклонством. Было время, когда общие собрания обсуждали вопрос, как назвать ребенка, чтобы увязать его имя с выполнением промфинплана или выпуском первого трактора» [12]. Создавались так

называемые «красные святцы», в которых имена посвящались каким-либо революционным событиям: «Имя Мюд – празднует свои именины в Международный Юношеский День, имена Май, Труд – 1-го мая, Нинель, Вил, Вилен, Владлен, Владимир – в день рождения Ленина, Степан – на выбор: либо в день смерти Степана Халтурина, либо Степана Шаумяна и т. д.» [13]. При этом днем именин, по аналогии с празднованием памяти святых в христианстве, предлагалось сделать день смерти героя – носителя имени. Показательны подарки, которые делали и вступающим в брак, и новорожденному – отрез «кумача», «Капитал» К. Маркса, собрание сочинений Ф. Энгельса и т.д.

Первый период советской государственной политики в отношении праздников и обрядности был частью более широкой, идеологически выверенной, политики воинствующего атеизма. Запрет религиозных обрядов и христианских праздников сопровождался созданием «красной» обрядности, призванной вытеснить церковную. Нужно отметить, что большинство жителей страны новую обрядность не восприняло, продолжая сохранять православную обрядово-праздничную культуру в непубличной плоскости.

Второй период государственной политики в отношении христианских праздников и обрядности охватывает 1930-е – 1950-е гг. Существовавший ранее поиск новых форм и творчество начали постепенно сворачиваться. И к середине 1930-х г. вольный подход к празднованию был свернут окончательно. Подготовка и проведение всех торжеств находились под партийным контролем и цензурой. В СССР в этот период упор делался на государственные массовые праздники, возникшие в ходе классовой борьбы пролетариата, а имевшие иной генезис, на государственном уровне просто игнорировались. В отношении календарных праздников в 1930-е – 1950-е гг. политика запретов была несколько ослаблена. Главные из них – Пасха и Рождество у части населения сохранялись на уровне повседневной жизни, оставаясь в кругу семьи. В 1930-е – 1950-е гг. в СССР уже появилось поколение людей, выросших в условиях атеистической пропаганды, и не отмечавших календарные праздники, но при этом сохранявшие память о них. Исключение составлял Новый Год, которому внимание уделялось на государственном уровне. С 1935 г. он начал отмечаться официально, в этот период сложилась основная символика и атрибутика праздника: украшенная елка, Дед Мороз, Снегурочка, бой курантов, шампанское, салат «Оливье». 23 декабря 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР 1 января объявлялся нерабочим днем. Календарный по своему генезису, Новый Год, при поддержке государства, стал самым любимым праздником в СССР.

Новаторские формы «красной» семейной обрядности 1920-х годов, вопреки пропаганде, широкого распространения не получили и на повседневном уровне не закрепились. Религиозные обряды венчания, крещения, отпевания преследовались в рамках антирелигиозной борьбы, хотя и с некоторым послаблением. Получилось так, что обязательная официальная регистрация актов гражданского состояния проходила без торжественных

церемоний. В сельской местности сохранялись традиционные формы семейно-бытовой обрядности, в городах важнейшие события (вступление в брак, рождение детей) отмечались небольшим домашним застольем. В советской государственной политике в 1930-е – 1950-е гг. приватной жизни граждан особого внимания не уделялось.

Определенный разворот государства в сторону церкви, произошедший в годы Великой Отечественной войны, довольно быстро был свернут. Второй период государственной политики в празднично-обрядовой сфере в отношении календарных по происхождению, во многом вобравшим христианское содержание и форму праздников и обрядов, характеризовался некоторым ослаблением давления. Официальных обрядов семейно-бытового комплекса в 1930-е – 1950-е гг. просто не существовало. Антирелигиозная линия партии и в этот период оставалась доминирующей, с незначительным перерывом в период Великой Отечественной войны, однако серьезных изменений в православной обрядово-праздничной культуре населения в это время не произошло.

Третий этап советской государственной политики в отношении религиозных праздников и обрядности охватывает период с начала 1960-х гг. – и до середины 1980-х гг., до разворачивания «перестройки». Начавшееся еще в середине 1950-х гг. обновление аппарата власти, демократизация общественно-политической жизни страны, преобразование всех направлений внутренней политики затронули и празднично-обрядовую сферу. Необходимо понимать, что и в этот период руководство КПСС и Советского государства не отказывались от антирелигиозной политики. На изломе 1950-х – 1960-х гг. в обществе развернулась дискуссия относительно целесообразности проведения не религиозных, гражданских, социалистических обрядов в быту. Появились многочисленные публикации в прессе, в которых проводилась мысль, что «новые обряды необходимы не только для преодоления церковных пережитков, они должны украсить жизнь советских людей». Новая Программа Коммунистической партии, одобренная в 1961 г. на XXII съезде КПСС, активизировала атеистическую работу, которая рассматривалась как составляющая воспитания нового человека: «Необходимо проводить систематическую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъясняя несостоятельность религиозных верований...» [14]. Эти предписания нашли отображение в постановлении ЦК КПУ «О состоянии и мерах улучшения научно-атеистического воспитания, трудящихся в УССР», принятого 9 октября 1962 г. [15]. В 1963 г. ЦК КПУ приняло постановление «О мерах по внедрению гражданских обрядов» [16]. Оно было полностью выдержано в традициях идеологической антирелигиозной линии партии: «Церковь стремится привлекать людей, особенно молодежь, яркими религиозными праздниками, которые сопровождаются устоявшимся ритуалам, хоровым пением, колокольным звоном. Эти несоветские по содержанию праздники очень опасны для населения. Они отвлекают от производственной деятельности. Такой ситуации необходимо противостоять». Задачи борьбы против церковных праздников и обрядов ставятся на повестку дня в постановлении ЦК КПУ от 5

марта 1964 г. «О мерах по усилению научно-атеистического воспитания населения в республике» [17]. В УССР была развернута агитационно-пропагандистская работа с широким использованием СМИ. Так, в газете «Социалистический Донбасс» в 1960 – 1965 гг., практически в каждом номере размещались материалы антицерковной направленности и материалы, популяризирующие новые советские праздники и обряды. В условиях «оттепели» демократизация общественной жизни никак не коснулась отношений государства и церкви, прошла новая волна закрытия православных храмов, атеистическая работа вновь стала проводиться в достаточно агрессивных формах. Так, в 1960-х годах на государственном уровне была поставлена задача в противовес церковным, создать новые обряды, которые сопровождали бы важнейшие события в жизни человека – Торжественную регистрацию брака, Торжественную регистрацию новорожденного и Гражданскую панихиду.

Наиболее удачным из обрядов семейно-бытового цикла оказался обряд Торжественной регистрации брака. Об этом свидетельствуют многочисленные статистические материалы. По данным финансовых органов в 1961 г. в Донецке (до 9.11. 1961 г. город Сталино) венчалось 45 пар, а в 1962 г. – 15, соответственно в Краматорске 32 и 9 пар, в Макеевке – 25 и 11 пар [18]. В Жданове (ныне город Мариуполь) в 1963 г. во Дворце бракосочетаний было зарегистрировано 1 600 пар, венчалось 3 пары [19]. Удельный вес венчаний в Донбассе был значительно меньше, чем по республике. В 1976 г. по УССР – 4,2 % венчаний от общей численности зарегистрированных браков, по Донецкой области – 0,2 %, в Луганской – 0, 24 %. Одна из причин низких процентных показателей венчаний была в том, что религиозные церемонии предполагали определенную публичность, а от священников требовалась фиксация сведений о том, кто и когда совершил обряд. В период тотального атеизма, участие в церковных обрядах было связано с определенным риском. Такая ситуация в чем-то также способствовала популярности нового гражданского обряда. В 1976 г. торжественно регистрировали брак 94% жителей Донецкой области и 92 % Ворошиловградской (Луганской) [20]. Важнейшим условием широкого распространения новой семейно-бытовой обрядности стало создание материально-технической базы и соответствующей инфраструктуры обрядовой службы. Приметой этого периода стало повсеместное открытие Дворцов бракосочетаний. В Донецке Дворец Счастья открыт 26 октября 1965 г. Активно работали ателье по пошиву одежды, фотоателье, служба проката, открывались новые кафе и рестораны, в которых можно было отметить торжество и т.д. Материалы устной истории позволяют утверждать, что новый обряд был востребован и по-настоящему полюбился жителями региона.

Иначе складывалась ситуация с обрядом Торжественной регистрации новорожденного, созданном в противовес крещению. На новый обряд возлагали излишнюю идеологическую нагрузку, по форме он был чересчур громоздким, растянутым во времени. Предполагалось участие в обряде «названных» родителей, представителей партийных органов и исполкомов,

передовиков производства, концертные номера. Изначально продолжительность обряда рассчитывалась на полтора – два часа. Очень скоро стало понятно, что это тяжело перенести младенцу, его родителям, и всем приглашенным. Обряд начали сокращать. Хотя организаторы отчитывались о широком распространении Торжественной регистрации новорожденного, эти отчеты вызывают сомнения. Среди опрошенных автором по методике устной истории 40 информаторов, регистрировали новорожденных в торжественной обстановке 3 семьи. Во всех остальных случаях регистрировал младенца один отец, без присутствия матери и ребенка. Объяснение такому расхождению сведений также можно получить из интервью. Работники ЗАГСов, от которых требовали высокие показатели в отчетах, оформляли обычную регистрацию как Торжественную. У отца спрашивали, хотел бы он получить свидетельство о рождении (очень важный документ, необходимый человеку в течение всей жизни) на плотной бумаге и в твердой обложке, или на обычной тонкой бумаге. Могли вообще не объяснять какую услугу он оплачивает, тем более, что в начале 1980-х гг. стоила она 5 рублей 40 копеек. Деньги для жителей региона небольшие.

Оптимальная форма обряда имянаречения была найдена интуитивно-эмпирическим путем только к середине 1980-х гг. В родильном доме № 1 г. Донецка по инициативе работников отдела ЗАГС и врачей (акушеров и педиатров) был создан филиал городского Дворца бракосочетаний, где в торжественной и одновременно интимной и трогательной обстановке проводилась церемония регистрации новорожденного. Работники ЗАГСа творчески переработали имеющийся сценарий, сократив его до 10-15 минут и адаптировав под каждую конкретную ситуацию – рождение ребенка в неполной семье, присутствие на церемонии бабушек и дедушек, других родственников и т.д. Из рожденных в Городском родильном доме № 1, в середине 1980-х – первой половине 1990-х, торжественно регистрировали более 90 % малышей [21].

Но, несмотря на усилия со стороны государства, наряду с официальным гражданским ритуалом Торжественной регистрации новорожденного, сохранялась религиозная христианская обрядность, обычаи и традиции. По данным финансовых органов в 1961 г. в Сталино (Донецке) родилось 15 567 детей, проведено 8 900 крещений, в 1962 г. соответственно 17 490 детей и 6 308 крещений. В Краматорске в 1961 г. родилось 3 123 ребенка, крещений – 1 200, в 1962 г. в Краматорске родилось 2 963 малышей, крещений 703. В Макеевке в 1961 г. родилось 9 256 человек, крещений 3 300, в 1962 г. соответственно 7 505 и 2 158. Хотя статистика показывает тенденцию к незначительному уменьшению крещений в 1960-е гг., их часть оставалась весомой [22]. Достаточно интересной была мотивация проведения религиозного обряда. В городе Коммунарске в 1969 г. был проведен социологический опрос, который показал, что значительная часть жителей, в том числе молодежи, совершает религиозные обряды, наибольшее количество из них – крещения. Выяснилось, что только 5 % из опрошенных семей, в которых крестили детей, совершили

обряд из религиозных побуждений, остальные – как дань традиции [23]. Проведение обряда крещения имеет определенную специфику. В традиционной культуре младенца крестили не позже 40 дня с момента рождения, а обычно на 3-8-й день. В условиях государства с официально-атеистической идеологией, это событие могло произойти через несколько лет после рождения и не быть привязанным к месту рождения. Крестить могли 7-летнего ребенка, который постоянно проживал в городе и приехал к родственникам в сельскую местность. Так, в 1970 г. среди крещенных православной церковью в Луганской области было 257 школьников и 190 человек возрастом от 18 до 25 лет [24]. Имеющиеся разнообразные источники позволяют утверждать, что религиозный обряд, сопровождавший таинство крещения сохранял свои позиции вопреки государственной атеистической политике. Официальный гражданский обряд не смог вытеснить крещения на уровне повседневности.

По своему эмоционально-психологическому характеру погребальная обрядность является наиболее сложной не только среди комплекса семейно-бытовой обрядности, но и в целом во всей обрядовой сфере. Религиозные обряды погребального цикла складывались на протяжении веков, и несут глубокий сакральный смысл. До 1960-х гг. официального ритуала гражданского погребения в СССР не существовало. Его разработке и внедрению партийно-государственные органы уделяли значительное внимание. По итогам совещания по вопросам идеологической работы в ЦК КПУ в 1964 г. предполагались значительные материальные затраты и постоянная упорная работа [25]. Республиканской комиссией был регламентирован порядок ритуальных услуг, предлагаемых населению, подготовка и проведение обряда и т.д. Обряд гражданской панихиды должен был противостоять религиозной обрядности. Несмотря на все усилия государства, и на то, что новая гражданская церемония была воспринята населением, христианская религиозная обрядность продолжала существовать с ней параллельно. Такая ситуация была характерна не только для Донбасса и других регионов СССР, но и для стран социалистического содружества. Болгарские исследователи Г.Н. Митков и Е.С. Миткова, изучая причины сохранения религиозной обрядности в Великотырновском округе, пришли к выводу, что именно погребальная обрядность отличается чрезвычайной стойкостью [26]. С христианской церемонией погребения сложилась достаточно специфическая ситуация. Наряду с отпеванием покойного в церкви, дома или на кладбище, существовала практика так называемого заочного отпевания, которое совершалось по благословию священника в исключительных случаях. Ситуация с заочным отпеванием в городах и сельской местности несколько отличалась. Типичные данные приведены в информации Луганского обкома КПУ: в сельском Станично-Луганском районе в 1969 г. зарегистрированные в церкви обряды отпевания составили 2,4 % от общего числа умерших. Для совершения обряда за пределами храма, священника приглашали к 34,3 % покойных. Всего христианский обряд отпевания был совершен над 99,4 % умерших [27]. Простые арифметические действия показывают, что 62,7 % – были заочные

отпевания. В городах доля заочного отпевания была значительно большей. В докладных записках и информациях Донецкого и Луганского обкомов КПУ за 1970-е – начало 1980-х гг. заочные отпевания стабильно совершались более чем над 90 % умерших горожан, а всего христианский обряд отпевания совершался над 95 % умерших жителей городов, т.е. менее 5 % умерших отпевались очно. Необходимо помнить, что Донбасс многонациональный и многоконфессиональный регион, религиозные погребальные обряды совершали также мусульмане и иудеи. Несмотря на то, что обряд Гражданской панихиды был воспринят населением, став частью повседневности, христианский православный обряд отпевания он совершенно не потеснил.

Изменение государственной политики в отношении религиозных праздников и обрядов коснулось и календарного цикла. До начала 1960-х гг. эти праздники (кроме Нового Года) подвергались давлению государства, проводившего активную агитационно-пропагандистскую и запретительную деятельность. Только после июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС по идеологической работе определилось принципиально новое направление государственной политики в области аграрно-календарных праздников. Предполагалась трансформация некоторых из них, наполнение традиционных праздников социалистическим содержанием. Такая политика никогда не распространялась на главные христианские праздники – на Рождество и особенно на Пасху. Политика запретов, противодействие празднованию, деятельная пропаганда в отношении них только возрастала.

В постановлении Украинского республиканского совета профсоюзов «О внедрении в быт трудящихся Украины новых народных обрядов, традиций, обычаев» (1963 г.) указывалось: «Как известно, существует целый ряд народных праздников, которые возникли задолго до христианства. Церковь подчинила их своим интересам. Наша задача – оторвать от религии то, что она украла у народа. Очищенные от религиозных нагромождений, проникнутые новым социалистическим смыслом, эти праздники станут частью культуры советских тружеников. Сейчас современными становятся многие старинные народные праздники и обычаи. Не секрет, что новогодние «щедривки» имеют иное социальное содержание и направленность. Новую окраску и содержание имеет праздник Масленицы или проводов зимы. Весенние девичьи хороводы «веснянки» органично вошли в современное празднование встречи весны. Нельзя забывать, что главный смысл народных праздников, некогда присвоенных церковниками – возвеличивание человека труда. Необходимо активно использовать новые советские обряды и обычаи, подчиняя их главной идеологической цели – воспитанию активных строителей коммунистического общества» [28].

В докладных записках и информации, направляемых в отдел пропаганды и агитации ЦК КПУ прямо говорится о предполагаемой трансформации праздников календарного цикла. Так, в информации о работе культурно-просветительных учреждений Донецкой области по подготовке к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, пишется о планах проведения в юбилейном году

Праздника урожая, Проводов зимы, встречи Весны, Дня молодежи. Даты этих народных гуляний предлагается «совместить с датами православного церковного календаря». Праздник урожая – со Спасом, Зимы – со Сретением, Весны – с Масленицей, Молодежи – с Троицей [29]. В информации о внедрении новых праздников и обрядов в Донецкой области за 1970 г. пишется об опыте проведения народных праздников сообщается, что праздник Зимы целесообразнее проводить 19 января, чтобы этот день «ассоциировался с новым советским праздником, а не с православным Крещением» [30]. Реакция населения на такую политику была достаточно позитивной. Однако, в восприятии людей эти праздники, даже в трансформированном состоянии, на повседневном уровне оставались праздниками православного календаря, об этом свидетельствуют многочисленные материалы устной истории, а также докладные записки и отчеты, подаваемые в партийные структуры. Главные христианские праздники – Рождество и Пасха отмечались большинством населения региона в кругу семьи и друзей, без посещения храма. Ритуальные блюда – кутя на Рождество, крашеные яйца и паски (куличи) на Пасху, готовились в большинстве семей.

Так, объективные процессы и атеистическая советская политика привели к утрате целостности календарного праздничного цикла, уменьшению его влияния на общественную жизнь, значительному сокращению обрядовых действий в этих праздниках, определенному разрушению традиционной структуры и композиции. Но, христианская православная составляющая праздников календарного цикла, как и семейной обрядности, однозначно прочно сохранялась в памяти людей, и в разной степени проявляясь на уровне повседневной жизни.

В советской государственной политике, проводимой в празднично-обрядовой сфере, исходя из специфики, методов и форм реализации, в целом, можно выделить три периода (с 1917 г. – по 1991 г.). Однако, при анализе государственной политики, направленной конкретно на религиозные праздники и обрядность, целесообразно рассматривать четвертый период, который начинается с «перестройкой», охватывает крушение Советского Союза и на Украине – период президентства Леонида Кравчука (до 1994 г.). В общий, четвертый период, это очень сложное во всех отношениях время, позволяет объединить отношение как Советского государства, так и только что образованного государства Украина, к религии, к православной церкви, к христианским праздникам и обрядности.

В период «перестройки» меняется идеология правящей партии, государственная политика отходит от атеизма как генеральной линии. В это время население страны крайне нуждается в духовной опоре, в церкви как социальном институте. Людям нужна поддержка в период нарастания экономического, политического и социального кризиса. Оживление демократии в обществе, политика «гласности», сопровождались утратой прежних ценностей, сломом старых ориентиров. В обществе наряду с нарастанием разочарований и депрессии, наблюдалось оживление религиозной жизни.

Именно в это нелегкое время, значительное число граждан сознательно приходит к воцерковлению. В празднично-обрядовой сфере жизни общества также происходят перемены. Аграрно-календарным праздникам, которые советской праздничной традицией трактовались исключительно как народные, возвращается религиозная, христианская составляющая. Уже к концу 1980-х гг. главные христианские праздники Пасху и Рождество повсеместно отмечают открыто, по центральному телевидению начинают транслировать праздничные богослужения. К Рождеству ежегодно на первом канале показывают новую концертную программу – «Рождественские встречи». К православной Пасхе пекарни выпекали заводские «пасхальные калачи», которые под таким названием и поступали в продажу. Раньше они назывались «калач весенний».

После крушения СССР, тенденции, наметившиеся в период «перестройки» усилились. Главные православные праздники в Украине получили поддержку на государственном уровне – с 1992 года стали выходными днями Рождество – 7 января и следующий за Пасхой понедельник. Выходным днем стала Троица (понедельник, следующий за Троицей). Их высокий статус праздничных дней с официальным оплачиваемым выходным был закреплен еще Законом УССР (а не независимой Украины) от 20 марта 1991 года [5]. Празднование на повседневном уровне включало посещение православных храмов, приготовление рождественской кути, пасок, окрашивание яиц, освящение пасхальной снеди и «кличення» – букетов, которые готовились на Троицу, в церкви. Эти праздники населением Донбасса отмечались обязательным застольем в кругу семьи. Кроме указанных, в жизнь граждан входят такие православные праздники как Покрова Пресвятой Богородицы – 14 октября, Крещение – 19 января, 7 апреля – Благовещение Пресвятой Богородицы, Вербное воскресенье, Спас – 19 августа – Преображение Господне, и другие. Хотя они не подтверждались выходными днями, информация об этих праздниках была широко представлена в СМИ, посещение храмов увеличилось многократно.

Таким образом, рассмотрев советскую государственную политику по отношению к православным праздникам и обрядности, необходимо сказать, что, будучи частью генеральной атеистической линии партии, она никогда не была статичной, отражая динамику отношений церкви и государства, имела особенности реализации в разные периоды советской истории. В годы оттепели к руководству станы приходит понимание необходимости разработки и внедрения гражданских обрядов, сопровождавших важнейшие события в жизни человека. Несмотря на несомненные достижения и позитивное восприятие новой обрядности, альтернативой православной обрядности новые гражданские обряды не стали. На повседневном уровне жизни населения Донбасса лучше всего сохранялась христианская обрядность погребального цикла – отпевания, значительной была доля крещений, меньше были представлены венчания, обряд Торжественной регистрации брака оказался по-настоящему удачным. Историческая память о православной составляющей праздников календарного цикла, на повседневном уровне сохранялась постоянно. С изменением

политической ситуации в обществе, православная обрядово-праздничная культура стала неотъемлемой частью повседневной жизни жителей Донбасса.

Ссылки и примечания:

1. Угринович Д.М. Обряды. За и против. / Д.М. Угринович. – М.: Политиздат, 1975. – 175 с.
2. Руднев В.А. Обряды народные и обряды церковные. / В.А. Руднев. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1982. – 159 с.
3. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление / А.И. Мазаев. – М.: Наука, 1978. – 392 с.
4. Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР / Л.А. Тульцева. – М.: Наука, 1985. – 192 с.
5. Бенифанд А.В. Праздник: сущность, история, современность. / А.В. Бенифанд – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1986 – 228 с.
6. Конович А.А. Театральные праздники и обряды в СССР. / А.А. Конович – М.: Высшая школа, 1990. – 208 с.
7. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). / С.Ю. Малышева – Казань: Рутена, 2005. – 399 с.
8. Шалаева Н.В. Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и социокультурной коммуникации (1917–1920-е гг.) // Власть, 2013. – № 1. – С. 132–136; Шалаева Н.В., Шендрикова С.П. Массовый спортивный праздник как механизм формирования общественного сознания в 1920-е гг. // СССР: от рождения до распада. Новые подходы к истории образования СССР: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Ставрополь, 2022. – С. 204–212.
9. Рольф М. Советские массовые праздники / Мальте Рольф – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) – Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – 439 с.
10. Пенькова О.Б. Традиции, праздники и обрядность населения Восточной Украины в 1960-е – середине 1980-х гг.: государственная политика и повседневная жизнь: Дисс. канд. ист. наук: 07.00.01. – Донецк, 2006. – 264 с.
11. Советские традиции, праздники и обряды: Словарь-справочник. / Гаврилюк Н.К., Курочкин А.В., Конвай В.Д. и др.; Сост. Попов Б.В. – К.: Політвидав України, 1988. – 224 с.
12. Филатов А.О. О новых и старых обрядах. / А.О. Филатов. – М.: Профиздат, 1967. – С.112.
13. Троицкий Л.Д. Вопросы быта. // Юный пролетарий, 1924. – №1. – С.5.

14. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС // Программа КПСС. – М.: Политиздат, 1962. – С.95.
15. Докладные записки, информации, справки идеологического отдела ЦК, обкомов КПУ, министерств культуры и просвещения УССР, Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров УССР о выполнении постановления ЦК КПУ «О мерах по дальнейшему улучшению научно-атеистического воспитания трудящихся в УССР», 1963 г. – ЦГАГО Украины. Ф.1 Оп.31. Д. 2166. 238 л.
16. Справка идеологического отдела ЦК КПУ «О мерах по внедрению гражданских обрядов», 1963 г. ЦГАГО Украины. Ф. 1. Оп. 31. Д. 2166. Л. 4–6.
17. Информации о ходе выполнения областными партийными организациями постановления ЦК КПУ от 5.03.1964 г. «О мерах по усилению научно-атеистического воспитания населения в республике» – ЦГАГО Украины. – Ф. 1. Оп. 31. Д. 2401. 220 л.
18. Пленум Донецкого промышленного обкома ЦК КПУ, 11.07.1963 г. – РГАСПИ Ф.17. Оп.93. Д.1110. Л.6.
19. Информации о ходе выполнения областными партийными организациями постановления ЦК КПУ от 5.03.1964 г. «О мерах по усилению научно-атеистического воспитания населения в республике» – ЦГАГО Украины. – Ф. 1. Оп. 31. Д. 2401. Л. 40.
20. Протокол № 22 заседания бюро Донецкого ГК ЛКСМУ «О состоянии атеистического воспитания среди комсомольцев и молодежи шахты «Трудовская» и Петровского ОРСа», 1976 г. – ГГУДОАД ДНР, Государственный архив ДНР Ф.176. Оп.13. Д.7. Л.82.
21. Слинченко В.И. Обрядовая служба – новая форма удовлетворения культурно-бытовых запросов населения // Советские традиции, праздники и обряды: Сб. статей – М.: Профиздат, 1986. – С.150–151.
22. Докладные записки, информации, справки идеологического отдела ЦК, обкомов КПУ, министерств культуры и просвещения УССР, Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров УССР о выполнении постановления ЦК КПУ «О мерах по дальнейшему улучшению научно-атеистического воспитания трудящихся в УССР», 1963 г. – ЦГАГО Украины. Ф.1 Оп.31. Д. 2166. Л. 17.
23. Советские традиции, праздники и обряды: Словарь-справочник. / Гаврилюк Н.К., Курочкин А.В., Конвай В.Д. и др.; Сост. Попов Б.В. – К.: Політвидав України, 1988. – С.88.
24. Информации, отчеты обкомов ЛКСМУ о состоянии атеистического воспитания, 1971. – ЦГАГО Украины. Ф.7. Оп. 20 Д. 827. Л. 4–6.
25. Стенограмма совещания в ЦК КПУ по вопросам идеологической работы, 1964 г. – ЦГАГО Украины. Ф.1 Оп.31. Д. 2377. Л. 16.

26. Митков Г.Н., Миткова Е.С. Традиционные компоненты в современной семейной обрядности болгар. // Советская этнография. – 1975. – №2. – С. 12–23.
27. Информация исполкома Луганского областного совета депутатов трудящихся секретарю Луганского ОК КПУ тов. Пономаренко, 1969 г. – Государственный архив ЛНР. – Ф.179. Оп. 12. Д.184. Л. 82.
28. Постановление Украинского республиканского совета профсоюзов «О внедрении в быт трудящихся Украины новых народных обрядов, традиций, обычаев», 1963 г. ЦГАГО Украины. Ф.Р-2605. Оп.4. Д. 4283. Л. 38–50.
29. Информация о работе культурно-просветительных учреждений Донецкой области по подготовке к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, 1969 г. – ЦГАГО Украины. Ф.1 Оп.31. Д. 3683. Л. 42–43.
30. Информация о внедрении новых гражданских праздников и обрядов в Донецкой области, 1970 г. ЦГАГО Украины. Ф.1 Оп.32. Д. 46. Л. 116–120.
31. Закон УССР №871-ХІІ от 20 марта 1991 г. // URL : <https://www.calend.ru/holidays/ukraine/>

УДК 378.4 (477.62)

Ю.Н. Краснонос

кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: ur.kr@yandex.ru

Е.И. Гончарук

кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА
имени К.А. Тимирязева»
e-mail: efedyun@yandex.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ МЕТОДОЛОГИИ И
МЕТОДИКИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Г.Я. ПОНОМАРЕНКО – В.А. НОСКОВА В ДОНЕЦКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1970–1980-е гг.)**

Аннотация

Статья раскрывает историю становления и развития научной школы методологии и методики исторических исследований Г.Я. Пономаренко – В.А. Носкова как одной из ведущих в системе научно-исследовательской деятельности и профессиональной подготовки в Донецком государственном университете. В работе освещаются особенности функционирования, направления и результаты деятельности научной школы в 1970–1980-е гг. в контексте персонифицированного подхода, связанного с освещением биографии и научного вклада ее основателей.

Ключевые слова: научная школа, история, коллективный труд, методология и методика исторических исследований, профессиональная подготовка.

Summary

The article reveals the history of the formation and development of the scientific school of methodology and methods of historical research by G.Y. Ponomarenko and V.A. Noskov as one of the leaders in the organization of research activities and professional training at Donetsk State University. The paper highlights the features of its functioning, directions and results of activities in the 1970–1980s. in the context of a personalized approach related to the coverage of the biography and the scientific contribution of its founders.

Keywords: scientific school, history, collective work, methodology, methodology of historical research, professional training.

Одним из важнейших критериев институализации научно-исследовательской деятельности в стенах классического университета является формирование научных школ как коллективов единомышленников, неформальных групп ученых, занимающихся наукой в рамках одной, общей для них академической дисциплины. Понятие научной школы не имеет четкого определения, хотя часто употребляется в нормативных документах. К примеру, научную школу определяют, как систему научных взглядов, нашедшую оформление в признанном научном сообществе, характерными чертами которой являются наличие единой темы исследования, существование авторитетного лидера или группы исследователей, занимающихся подготовкой кадров высшей квалификации, а также издающих научные труды по исследовательской тематике [1].

Современная научная мысль оперирует разнообразными подходами относительно структурного построения, направлений научного поиска и методологического инструментария научных школ. Так, общепризнанной в отечественной литературе является их следующая классификация: 1) школа-направление (определяется через общую парадигму исследовательской деятельности); 2) школа-образовательная система (определяется через общую базу подготовки к исследовательской деятельности); 3) школа-производственная система (определяется через совместную исследовательскую деятельность) [2].

Одной из ведущих научных школ в Донецком государственном университете (ДонГУ) в 1970–1980-х гг. являлась научная школа методологии и методики исторических исследований Г.Я. Пономаренко – В.А. Носкова, оказавшая огромное влияние на уровень научных исторических изысканий и сыгравшая ведущую роль в подготовке высококвалифицированных научных кадров в Донбассе.

Историография проблемы представлена рядом разноплановых работ. Так, вопросы развития вузовской исторической науки в Донбассе, в том числе и в ДонГУ, в контексте исследуемой темы раскрываются в диссертационных исследованиях Г.В. Мишечкина [3] и И.Н. Кравчук [4]. Персонифицированный подход к проблеме осуществили В.П. Заблоцкий и В.В. Липинский в статьях, посвященных В.А. Носкову [5]. Особое место в историописании проблемы занимают коллективные труды, изучающие историю Донецкого университета, научные достижения его сотрудников, в том числе Г.Я. Пономаренко и В.А. Носкова [6,7,8]. Примером оценки работ донецких историков советского периода является статья В.Н. Никольского [9]. Современное осмысление научного наследия Г.Я. Пономаренко содержит статья В.И. Шабельникова [10].

В 1960–1980-е гг. в ДонГУ признанным центром подготовки научных кадров историков высшей квалификации являлась кафедра истории Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) во главе с доктором

исторических наук, профессором, заслуженным работником высшей школы, заслуженным профессором Донецкого университета Пономаренко Григорием Яковлевичем (1922–2009 гг.). Григорий Яковлевич – участник боевых действий в Великой Отечественной войне, несмотря на тяжелое ранение (потерял руку), в послевоенные годы закончил исторический факультет Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко. С 1950 по 1973 год трудовая деятельность фронтовика-ученого была связана с Донецким индустриальным (политехническим) институтом, где он прошел путь от преподавателя, затем доцента кафедры марксизма-ленинизма до профессора, заведующего кафедрой истории КПСС [11].

В 1955 г. Григорий Яковлевич защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Борьба КПСС за восстановление и развитие высшего образования на Украине в послевоенной пятилетке (1946–1950 гг.)» [12], а в 1971 году – докторскую диссертацию на тему: «Коммунистическая партия Украины во главе политической и трудовой активности рабочего класса Донбасса в период построения фундамента социализма (1926–1932 гг.)» [13].

В 1973 году Григорий Яковлевич был направлен на преподавательскую работу в Донецкий государственный университет. В июне 1975 г. Г.Я. Пономаренко был назначен на должность ректора, которую занимал до 1986 года. В период его деятельности в качестве ректора университет строился и прирастал как учебными корпусами, так и научными школами, ведущими специальностями, преподавательским составом, совершенствовал систему подготовки кадров для народного хозяйства и учебных заведений [14].

Занимая высокую административную должность руководителя крупнейшего вуза Донбасса, Григорий Яковлевич продолжал активную научно-исследовательскую деятельность. Параллельно ученый-историк возглавлял кафедру истории КПСС – крупнейшую из кафедр общественных наук региона, координировавшую учебно-методическую и научно-исследовательскую деятельность аналогичных кафедр всех вузов Донецкой и Луганской областей.

Сфера научных интересов Г.Я. Пономаренко охватывала широкий спектр проблем социально-экономической истории Донбасса, в частности, процессов индустриализации, положения рабочего класса в межвоенный период, партийное руководство общественно-политическими процессами и др.

Научное наследие профессора Г.Я. Пономаренко составило 150 научных работ, учебных и научно-методических пособий, 12 коллективных монографий. Среди них: «Во главе трудового подъема. Коммунисты Донбасса – организаторы социалистического соревнования рабочего класса в годы первой пятилетки» [15], «Курсом индустриализации: исторический очерк» [16], «Коммунисты Донбасса в борьбе за социалистическую индустриализацию (1926–1929 гг.)» [17], «Идейно-политическое и организационное укрепление партийных организаций Донбасса» (в соавторстве)[18], «История технического развития угольной промышленности Донбасса» в 2-х томах [19], «История рабочих Донбасса» в 2-х томах [20], «Донецкий государственный университет» [21] и др.

Под руководством Григория Яковлевича на кафедре истории КПСС, заведующим которой он являлся долгие годы, развернулось исследование «Проблемы индустриальной модернизации Донбасса в 1920–1930-е годы».

За период своей работы в университете Г.Я. Пономаренко подготовил 5 докторов и 35 кандидатов наук. Многие его ученики стали депутатами Верховного Совета Украины, ректорами вузов, деканами факультетов, заведующими кафедр, партийными и советскими руководителями [22]. В тематическом плане сфера научных интересов представителей кафедры являлась достаточно обширной, преимущественно она касалась освещения руководящей роли КПСС в определенной сфере жизни советского общества. На кафедре были подготовлены диссертационные исследования П.В. Доброва [23], А.Н. Стояна [24], Е.А. Зайцевой [25], В.И. Шабельникова [26], В.А. Рыбалко [27], В.И. Масальского [28], Н.Е. Беспалова [29] и многие другие.

В середине 1970-х гг. преподавательский состав и аспиранты кафедры истории КПСС принимали совместное участие в написании коллективного труда под названием: «Идейное и организационное укрепление партийных организаций Донбасса в период социалистического и коммунистического строительства (1917 – 1975 гг.)» [30].

Во второй половине 1970-х гг. преподавателями кафедры разрабатывались следующие темы: «Деятельность Компартии Украины по руководству массовыми общественными организациями (1959–1970 гг.)» (В.И. Шабельников), «Ленинский комсомол – активный помощник Компартии в борьбе за выполнение восьмого пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1966–1970 гг.)» (А.Н. Бут) и др. [31].

Начиная с 1963 г. с кафедрой истории КПСС Донецкого госуниверситета связана педагогическая и научная деятельность Владимира Андреевича Носкова (1932 – 2003 гг.). Он окончил исторический факультет Ростовского государственного университета в 1957 г. Его однокурсник, а в дальнейшем заведующий кафедрой истории КПСС Запорожского госуниверситета, С. Ф. Орлянский так рассказывает о судьбе Владимира Андреевича: «Со мной в группе оказался человек необычайной судьбы – Володя Носков. Еще мальчиком, в 1942 г., будучи в эвакуации, он потерял зрение вследствие несчастного случая – в его руке взорвался случайно найденный шахтный детонатор. Проучившись несколько лет в специализированной школе-интернате для слепых детей в Одессе, он в старших классах учился уже в обычной школе № 1 г. Донецка, закончил ее с золотой медалью. Меня всегда поражала в Володе цельность личности и постоянство жизненных принципов. Инвалидность не мешала Володе жить весьма насыщенной жизнью. Все пять лет учебы в университете Володя был комсоргом группы. Он был признанным вожаком и душой компаний. Комсомольские собрания проходили по-разному, но мнение Володи по обсуждаемому вопросу было решающим. У Володи была такая привычка: он вначале как бы выслушивал своих собеседников, а затем уже вступал в разговор-дискуссию. Ему верили и доверяли.

Володя с красным дипломом закончил университет. Поехал после его окончания вместе с другими ребятами нашей группы на Дальний Восток, стал работать учителем истории и географии Кокшаровской средней школы Чугуевского р-на Приморского края. Спустя год вернулся в Донецк» [32].

С 1958 г. Носков В.А. работал в Сталинском (Донецком) горном техникуме промышленной автоматики. В 1966 г., работая в Донецком госуниверситете, защитил кандидатскую диссертацию, посвященную восстановлению угольной промышленности Донбасса после гражданской войны и осуществлению политики нэпа в Донбассе в 1921–1925 гг. Дальнейшее направление научных поисков В.А. Носкова было связано с изучением партийного строительства в переходном обществе, взаимосвязи создания партийного аппарата и социально-экономического развития.

В 1981 г. Владимир Андреевич защитил докторскую диссертацию по теме «Деятельность Коммунистической партии по совершенствованию организационно-партийной работы в условиях восстановления народного хозяйства страны (1921–1925 гг.)». В этом же году его труд был отмечен Орденом Трудового Красного Знамени. В 1983 г. В.А. Носков стал профессором. Он является автором 127 работ, в том числе 15 монографий, под его руководством защищено 15 кандидатских и 1 докторская диссертация. В 1982 г. был назначен первым заместителем заведующего кафедрой истории КПСС, где в дальнейшем долгие годы работал профессором, а потом и заведующим (1990 – 1995 гг.) кафедры истории КПСС (впоследствии кафедры истории и этнополитики), с 1995 г. – кафедры истории славян.

Богатство индивидуального жизненного опыта, своеобразие стиля работы, разнообразие исследовательских подходов предопределили плодотворность сотрудничества Григория Яковлевича Пономаренко и Владимира Андреевича Носкова, обусловили формирование и эффективность их научной школы методологии и методики исторических исследований.

Данная научная школа обладала рядом характерных особенностей. Г.Я. Пономаренко, как заведующий кафедрой, проявил себя замечательным организатором, формируя как у молодежи, так и у наставников (научных руководителей – профессоров, опытных доцентов) четкую систему работы, исполнительскую дисциплину, создавая плодотворную атмосферу кафедральных обсуждений и доброжелательной, но принципиальной критики [33].

Преемственность научной школы методологии и методики исторических исследований нашла свое отражение не только в приобщении к исследовательской деятельности молодого поколения студентов и аспирантов, но и представителей профессорско-преподавательского состава кафедры, имеющих высшее профильное образование и степень кандидата наук. Наиболее подготовленные преподаватели кафедры истории КПСС назначались научными руководителями аспирантов, передавая им свой учебно-методический и научно-исследовательский опыт. Данный подход в значительной мере выступил действенным механизмом подготовки высокопрофессиональных

кадров ученых-историков не только для исторического факультета ДонГУ, но и вузов Донецкой области, Украинской Советской Социалистической Республики (УССР). Так, количество аспирантов на кафедре в отдельные годы достигало 20 человек очной, заочной форм, включая откомандированных в целевую аспирантуру. При этом в сферу компетенции кафедры КПСС как опорной кафедры университета входила организационно-координационная деятельность в вопросах выбора и обоснования темы диссертационных исследований молодых ученых-историков всего Донбасса.

В рамках научной школы методологии и методики исторических исследований между молодыми аспирантами и опытными преподавателями кафедры истории КПСС осуществлялось постоянное взаимодействие, которое охватывало не только вопросы организации учебного процесса, но и проблемы методологии научного поиска, методики преподавания, взаимного обогащения научными знаниями. С момента формирования научной школы при кафедре истории КПСС непрерывно расширялся ареал ее исследовательских тем. Г.Я. Пономаренко сформировал на кафедре эффективную систему планирования темы, ее обоснования, разработки плана, коллективного обсуждения с назначением двух рецензентов, а затем рассмотрения на кафедре текста диссертации в целом. В течение месяца по четвергам поочередно проводились теоретические, методические семинары, заседания кафедры. Работу теоретического семинара, в рамках которого обсуждались проблемы методологии исторических исследований, курировал В.А. Носков.

Владимир Андреевич Носков проявлял себя, прежде всего, как признанный и чуткий наставник-методист, формировавший у молодых исследователей культуру исторического мышления, системность и глубину анализа источников, критичность подхода к литературе по проблеме. Многие часы он уделял аспирантам и докторантам (и не только тем, кто работал над историко-партийной проблематикой), обсуждая варианты структуры их исследования, работая над стилем изложения и т.д.

О своем учителе рассказал в интервью доктор исторических наук, профессор В.В. Липинский [34]. Обычно диссертанты приходили к В.А. Носкову домой и читали вслух готовые параграфы или главы, выслушивая критику и рекомендации. Причем, это были не только формально «свои» аспиранты. Как пишут Н.К. Касперович и В.А. Кузнецов, у Владимира Андреевича была «привычка подвергать тщательной проверке, казалось, вполне законченную работу»: «Характерная черта – тщательность, даже скрупулезность во всем. В научной работе это выражается в умении глубоко мыслить «не идти на поводу» у материала, давать ему «отлежаться», разложить все «по полочкам» и только потом, десятки раз все проверив делать обоснованные выводы и рекомендации» [35].

В 1980-х гг. научная школа Пономаренко – Носкова переживала подъём, связанный с ростом научно-исследовательского потенциала, проведением успешных защит диссертационных исследований, подготовкой научных кадров, публикацией научных и учебно-методических изданий. Так, в 1984–

1985 гг. были защищены следующие кандидатские диссертации: «Деятельность партийных организаций по руководству профсоюзами в годы первой пятилетки (на материалах Донбасса)» Л.А. Федоровой, «Роль партийной печати Украины в коммунистическом воспитании трудящихся Донбасса в годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.)» А.А. Саржана, «Работа партийных организаций Донбасса по совершенствованию профессионально-технического образования (1971–1975 гг.)» Н.А. Попова [36].

Во второй половине 1980-х гг. научно-исследовательская деятельность кафедры характеризовалась изданием коллективных трудов. В 1985–1987 гг. были изданы: монография «Воплощение ленинского принципа пролетарского интернационализма в хозяйственной политике КПСС (1917–1937 гг.)», сборник «Научные труды по истории КПСС», коллективная статья «Всемирно-историческое значение осуществления ленинского плана социалистической индустриализации СССР» [37], а также работы «Идейно-политическое организационное укрепление парторганизаций Донбасса» и «Очерки истории Донецкой областной комсомольской организации» [38].

В своей работе Григорий Яковлевич и Владимир Андреевич удачно дополняли друг друга. Их не связывала личная дружба, но присутствовало взаимное уважение, умение ценить друг друга и объединять усилия для достижения максимального результата [39]. Об этом свидетельствуют строки из стихотворения В.А. Носкова, которое он посвятил юбилею Григория Яковлевича Пономаренко. В.А. Носков писал: «Г.Я. – простой державный знак надежности и качества» [40].

Таким образом, в 1970 – 1980-е гг. в Донецком государственном университете сформировалось научное сообщество, представленное квалифицированными специалистами широкой научной эрудиции. Начав с единичных диссертационных работ, историки ДонГУ вышли на уровень подготовки системных научных исследований и организационных начал. Так, в 1980-е гг. в рамках кафедры истории КПСС была сформирована научная школа методологии и методики исторических исследований Г.Я. Пономаренко – В.А. Носкова, которая приобрела ярко выраженные черты школы-образовательной системы. Научная школа методологии и методики исторических исследований, сформированная в 1970 – 1980-е гг. в Донецком государственном университете историками Г.Я. Пономаренко и В.А. Носковым внесла весомый вклад в развитие исторической науки не только Донбасса, но и всей страны, а славные научные традиции школы приумножают ее ученики и последователи в настоящее время.

Ссылки и примечания:

1. Мельникова О.М. Научные школы в археологии: автореф. дис... д-ра ист. наук (07.00.06) / О. М. Мельникова. – Ижевск, 2004. – С. 16.
2. Устюжанина Е.В. Научная школа как структурная единица научной деятельности / Е. В. Устюжанина, С. Г. Евсюков, А. Г. Петров и др. / Препринт #WP/2011/288. – М.: ЦЭМИ РАН, 2011. – С. 4.

3. Мишечкін Г.В. Діяльність вищих закладів освіти України з підготовки фахівців історичного профілю у 90-ті роки ХХ ст.: дис... канд. іст. наук (07.00.01). – Донецьк, 2006. – 280 с.
4. Кравчук І.М. Розвиток вищої освіти в Донбасі у ХХ столітті: дис... канд. іст. наук (07.00.01) / Донецький національний університет. – Донецьк: ДонНУ, 2008. – 273 с.
5. Заблоцький В.П. Володимир Андрійович Носков / В.П. Заблоцький // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн. 11 / Голов.ред. З.Г. Лихолобова. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – С.240–243.
6. Учені Донецького національного університету: 1937–2007 / Г.Я. Пономаренко (наук. кер.), М.Є. Безпалов, П.В. Добров та ін.; редкол.: В.П. Шевченко (відп. ред) та ін. – ювіл. вид. – Донецьк: Норд-Прес, 2006. – 371 с.
7. Донецький національний університет / В. П. Шевченко (відп. ред.). – [2-е вид.]. – Донецьк: Норд-Прес, 2002. – 340 с.
8. Никольский В.Н. Историография истории Донбасса: начало взросления / В.Н. Никольский // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – Донецк, 2017. – № 1 (60). – С. 156–161.
9. Alma mater: Юбилейное издание Донецкого национального университета / Ред. кол.; под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: ДонНУ, 2017. – 188 с.
10. Шабельников В.И. Пономаренко Григорий Яковлевич. Помним и гордимся (Памяти ректора и великого ученого) / В.И. Шабельников // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – Донецк, 2023. – № 1 (84). – С. 114–116.
11. Учені Донецького національного університету: 1937 – 2007 / Г.Я. Пономаренко (наук. кер.), М.Є.Безпалов, П.В. Добров та ін.; редкол.: В.П. Шевченко (відп. ред) та ін. – ювіл. вид. – Донецьк: Норд-Прес, 2006. – С. 21.
12. Пономаренко Г.Я. Борьба КПСС за восстановление и развитие высшего образования на Украине в послевоенной пятилетке (1946-1950 гг.): автореф. дисс... канд. ист. наук / М-во высш. образования СССР. Ин-т повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при Киевском гос. ун-те им. Т.Г. Шевченко. – Киев, 1955. – 16 с.
13. Пономаренко Г.Я. Коммунистическая партия Украины во главе политической и трудовой активности рабочего класса Донбасса в период построения фундамента социализма (1926-1932 гг.): автореф. дисс. д-ра ист. наук (570) / Киев.гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. – Киев, 1971. – 47 с.
14. Шабельников В.И. Пономаренко Григорий Яковлевич. Помним и гордимся (Памяти ректора и великого ученого) / В.И. Шабельников // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – Донецк, 2023. – № 1 (84). – С. 115.

15. Пономаренко Г.Я. Во главе трудового подъёма. Коммунисты Донбасса – организаторы социалистического соревнования рабочего класса в годы первой пятилетки / Г.Я. Пономаренко. – Киев, 1971. – 175 с.
16. Пономаренко Г.Я. Курсом индустриализации: исторический очерк / Г.Я. Пономаренко; под ред. Ю.В.Бабко. – Донецк: Донбасс, 1974. – 168 с.
17. Пономаренко Г.Я. Коммунисты Донбасса в борьбе за социалистическую индустриализацию (1926-1929 гг.) / Г.Я. Пономаренко. – Киев: Вища шк.; Донецк, 1979. – 220 с.
18. Идеино-политическое и организационное укрепление партийных организаций Донбасса / Г.Я. Пономаренко, В.А. Носков, З.И. Ямковая и др. – Киев: Вища шк., 1987. – 221 с.
19. История технического развития угольной промышленности Донбасса: В 2 т. / [Глав. ред. и авт. предисл. А.Н. Щербань]; АН УССР. Сектор истории техники и естествознания Ин-та истории. М-во угольной пром-ти УССР. Техн. упр. – Киев: Наук. думка, 1969. – 2 т.
20. История рабочих Донбасса: В 2 т. Т. 2: Рабочие Донбасса в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму / Редкол.: Ю.Ю. Кондуфор (гл. ред.) и др.; редкол. тома: А.В. Лихолат (отв. ред.) и др. – К.: Наукова думка, 1981. – 431 с.
21. Донецький державний університет / Г. Я. Пономаренко [та ін.]; відп. ред. В. П. Шевченко [та ін.]. – Донецьк: Отечество, 1998. – 158 с.
22. Кафедра истории и права Донецкого национального технического университета: исторический очерк / составители: доц. Л.В. Борбачева, проф. А.А. Саржан. – Донецк: ДонНТУ, 2011. – С. 50–51.
23. Государственный Архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. Р-6146. – Оп. 1. – Д. 1673. – Л. 33.
24. Там же. Л. 26.
25. Зайцева Е.А. Политика РКП(б) и Советского правительства по национальному вопросу в 1921–1925 гг.: обзор опубл. документов: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.00. – Ленинград, 1969. – 334 с.
26. Шабельников В.И. Деятельность Коммунистической партии Украины по руководству общественными оборонными и спортивными организациями в 1961–1970 гг.: (На материалах партийных организаций Ворошиловградской и Донецкой областей): автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (07.00.01) / Донецк.гос. ун-т. – Донецк, 1974. – 32 с.
27. Рыбалко В.А. Деятельность Компартии Украины по организационному укреплению своих рядов и марксистско-ленинскому просвещению коммунистов в 1946–1950 гг.: (На материалах Ворошиловградской и Донецкой областей): автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (07.00.01) / Донецк.гос. ун-т. – Донецк, 1974. – 29 с.

28. Масальский В.И. Борьба КПСС за повышение культурно-технического уровня рабочего класса: на материалах партийных организаций Украины, 1938 – июнь 1941 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.01. - Донецк, 1981. – 251 с.
29. Беспалов Н.Е. Ленинское учение о партии и его дальнейшее развитие КПСС: Историография проблемы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.01. – Москва, 1987. – 389 с.
30. ГА ДНР. Ф. Р-6146. Оп. 1. Д. 3160. Л. 4.
31. Там же. Д. 4646. Л. 58.
32. Орлянский С. Ф. Преодоление судьбы. Поэтическое творчество Владимира Носкова, друга и сокурсника // Медицина в художественных образах: Статьи. Вып.10 / Донецкий мед.ун-т. – Донецк: Норд-пресс, 2012. – С. 585.
33. Пономаренко Г.Я. Дорогами военных лет (1941–1945 гг.) / Пономаренко Григорий Яковлевич // Память. – С. 14–24.
34. Интервью с доктором исторических наук, профессором В.В. Липинским. Записано 12 марта 2019 г.
35. Касперович М. Душевна щедрість / М. Касперович, В. Кузнецов // Університетські вісті. – 1982. – 17 вересня.
36. ГА ДНР. Ф. Р-6146. Оп. 1. Д. 6861. Л. 16.
37. Там же. Л. 8–9.
38. Там же. Д. 7613. Л. 7.
39. Интервью с М.В. Горбовой. Записано автором 20 марта 2018 г.
40. Носков В.А. Река, текущая во времени: Стихи разных лет / Владимир Носков. – Донецк, 2008. – С. 97.

УДК 338.2

А.А. Саржан

доктор исторических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет»

e-mail: sarzhan2024@gmail.ru

СТРУКТУРНЫЙ КРИЗИС ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ДОНБАССА (вторая половина 1980-х гг.)

Аннотация

В статье анализируются наиболее характерные тенденции развития промышленного комплекса Донбасса во второй половине 1980-х гг. Исследуются структурные диспропорции хозяйственного сектора региона, проблемы инвестиционной политике, ухудшение состояния основных производственных фондов, снижение производительности труда. Показано влияние неэффективной промышленной политики на ухудшение состояния базовых отраслей экономики.

***Ключевые слова:** Донбасс, промышленность, базовые отрасли, основные фонды, производственная дисциплина.*

Summary

The article analyzes the most characteristic trends in the development of the industrial complex of Donbass in the second half of the 1980s. Structural disproportions in the economic sector of the region, problems in investment policy, deterioration in the state of fixed production assets, and a decrease in labor productivity are being studied. The influence of inefficient industrial policy on the deterioration of the basic sectors of the economy is shown.

***Keywords:** Donbass, industry, basic industries, fixed assets, production discipline.*

К середине 1980-х годов ситуация в экономике Украины не только не стабилизировалась, но еще в большей степени обострилась. Особенно в тяжелом положении оказался хозяйственный комплекс Донбасса, основу которого составляла тяжелая промышленность. В 1990 году в Донецкой области почти 83% выпускаемой промышленной продукции являлись средствами производства. Лишь немногим более шестой части промышленной продукции, выпускаемой в области, относилась к предметам потребления. По их производству на одного жителя область находилась на последнем месте в Украине.

Каждый третий работник промышленности был занят на угледобывающих предприятиях, где была сосредоточена треть основных производственных фондов.

Наибольший удельный вес в общем объеме промышленного производства (более трети) обеспечивали предприятия черной металлургии. Машиностроение и металлообработка по объему производства уступали только черной металлургии, а по численности производственного персонала – только угольной промышленности.

То есть, хозяйственный комплекс региона, основу которого составляло угольно-металлургическое производство, имел ярко выраженную сырьевую направленность. В свою очередь, такая ориентированность во многом и обусловила сложности перехода к рыночной системе, так как отрасли тяжелой промышленности были в наименьшей степени к этому подготовлены.

Анализируя общие тенденции в развитии промышленного сектора хозяйственного комплекса в первые годы проведения реформы, надо отметить, что темпы роста общего объема продукции промышленности характеризовались волнообразной динамикой. В Донецкой области, например, в 1987 году объемы промышленной продукции по сравнению с предыдущим годом возросли на 1%, в 1988 году соответственно – на 4%. В первой половине 1989 года наблюдалась стагнация в промышленном производстве, а со второго полугодия 1989 года – после июльской забастовки шахтеров – возобладала тенденция сокращения общих объемов производства. В 1990 году выпуск промышленной продукции по сравнению с предыдущим годом сократился на 3,3 %.

Одновременно замедлилась и динамика производительности труда, а в 1990 году ее уровень снизился по сравнению с предыдущим годом на 1,9%. В отдельных отраслях это падение было более существенным. В угольной промышленности в 1990 году производительность труда была на 5% ниже, чем в 1985 году, а по сравнению с 1970 годом упала на 17%. Подобная тенденция была характерна и для металлургической, машиностроительной и других отраслей региона [1].

Конечно, шахтерские забастовки во многом дезорганизовали работу не только угольной, но и других отраслей промышленности, и прежде всего, металлургической и коксохимической. Но это лишь одна из причин кризисного состояния промышленного производства. Проблемы в хозяйственном комплексе Донбасса накапливались годами, забастовки лишь их обнажили и ускорили негативные процессы.

Одной из самих сложных проблем, которая с каждым годом обострялась, являлось состояние и структура основных фондов. В Донецкой области, например, была сосредоточена шестая часть промышленно-производственных фондов Украины. Их стоимость на начало 1991 года превышала 26 млрд. руб. Причем, в их структуре наблюдались серьезные диспропорции: треть основных фондов приходилась на предприятия угольной промышленности, 27% – черной металлургии, 15% – машиностроения и металлообработки. Удельный вес топливно-сырьевых отраслей составляла 73%, а легкой и пищевой промышленности – менее 4%. В структуре производственных основных фондов государственных предприятий сократился удельный вес машин и оборудования с

57% в 1985 году до 50% в 1990 году, одновременно увеличился удельный вес зданий и сооружений – соответственно с 23% до 27%.

С началом реорганизации экономической системы резко ухудшилось положение в инвестиционном комплексе. Планы по введению в действие основных фондов ежегодно не выполнялись: в 1986 году план был выполнен на 94 %, в 1987 – на 90 %, в 1988 – на 89 %, в 1990 – на 88 %. В 1981-1985 годах на один рубль капиталовложений в Донецкой области вводилось основных фондов на 99 коп., а в 1986-1990 годах – на 92 коп.

Продолжали расти масштабы незавершенного строительства. Из 28 объектов Донецкой области, предусмотренных планом двенадцатой пятилетки (1986-1990 гг.) по 23 – задание не было выполнено. К концу 1990 года объем незавершенного строительства в Донецкой области составил около 3 млрд. руб., в Ворошиловградской – более 1,8 млрд. руб. Тем самым почти четвертая часть инвестиций, освоенных в течение пятилетки, была заморожена в незавершенных объектах [2].

Это, в свою очередь, еще в большей степени сказалось на состоянии основных фондов. Продолжалось старение и износ машин, оборудования, транспортных средств. Износ основных фондов промышленности Донецкой области на начало 1990 года превысил половину их балансовой стоимости. В угольной промышленности он составил 42 %, в черной металлургии – 61 %, в химической промышленности – 67 %.

Высокий уровень износа вынуждал предприятия тратить огромные средства на поддержку устаревшего оборудования, агрегатов и машин в работоспособном состоянии. Расходы на капитальный ремонт за 1986-1990 годы выросли почти на 30 % (при увеличении стоимости основных фондов за этот период на 19 %). В 1990 году сумма расходов на капитальный ремонт в 3,5 раза превышала расходы на развитие технического прогресса и внедрение его результатов на предприятиях промышленности [3].

Вместе с тем на складах, а часто и под открытым небом, много лет хранилось неустановленное новое как отечественное, так и импортное оборудование. На начало 1985 года, например, из-за невыполнения плана строительно-монтажных работ в течение шести лет находилась в монтаже на Новокраматорском машиностроительном заводе печь электрошлакового переплава стоимостью 2,7 млн. руб. Десять лет хранились на складе Стахановского вагоностроительного завода 3 конвейерные линии стоимостью почти 2 млн. руб. [4]. Всего на складах предприятий Донецкой области в 1990 году хранилось неустановленного оборудования почти на 270 млн. руб. (в 1986 г. – на 198 млн. руб.), в том числе импортного – на 81, 6 млн. руб. В Ворошиловградской области стоимость общих запасов неиспользуемого оборудования в производстве составляла более 323 млн. руб., в том числе импортного – 130 млн. руб.

Подобное положение было характерно не только для Донбасса, но и Украины в целом. Всего на Украине на начало 1985 года неиспользуемого в хозяйственном комплексе нового оборудования было почти на 2,8 млрд. руб.

Только складские запасы неустановленного оборудования на январь 1985 года составили 1,5 млрд. руб., причем 44% складских запасов неустановленного оборудования составляли импортные станки, технологические линии и установки [5].

Эксплуатация изношенных основных фондов, а также неудовлетворительное освоение и использование новых производственных мощностей, простой оборудования, его низкая надежность при значительной стоимости негативно влияли на фондоотдачу, которая в 1990 году была на 12% ниже, чем пять лет назад. В течение этого периода на каждый процент повышения фондовооруженности труда приходилось в среднем лишь 0,47 % прироста его производительности.

Использование устаревшего оборудования, технологий, несвоевременная модернизация производственных процессов, ненадежная система снабжения предприятий сырьем, топливно-энергетическими и другими материальными ресурсами усиливали затратный, неэффективный характер экономики. Например, в 1984 году на угольных предприятиях Украины было перерасходовано 240 млн. кВт.ч. электроэнергии на 2,4 млн. руб. Только объединениями «Артемуголь» и «Селидовуголь» из-за неудовлетворительного технического состояния водосборника, систем водоотлива, вентиляционных выработок ежегодно нерационально расходовалось соответственно 50 и 15 млн. кВт.ч. электроэнергии. В 1984 году на добычу угля в регионе перерасходовано 25 млн. м³ леса на сумму 1,1 млн. руб. При этом на многих шахтах не использовались возможности повторного применения лесоматериалов, они не всегда извлекались из погашенных выработок, медленно внедрялись его заменители, практически полностью списывались в отвалы нестандартные, а также материалы, получаемые от перекрепления горных выработок. Только использование этих резервов, по подсчетам специалистов, позволило бы ежегодно экономить 15-18 тыс. м³ леса [6].

Для большинства предприятий характерно было применение завышенных норм расхода сырья, материалов, топлива, электроэнергии. Часто руководство предприятий сознательно шло на завышение заявок потребностей в материальных ресурсах. В 1985 году Ждановским металлургическим комбинатом им. Ильича, например, потребность в агломерационной руде была завышена почти на 300 тыс. т, известняка обычного – на 9,3 тыс. т на общую сумму 7,8 млн. руб. [7]. Конечно, получение избыточных материальных ресурсов позволяло приукрашивать состояние дел с выполнением производственных планов, заданий по экономии сырья, однако от этого не повышалась эффективность производства.

В условиях усиления центробежных тенденций в обществе, дезорганизации производства резко ухудшилась дисциплина поставок. В прежние годы волевыми методами партийные, государственные, хозяйственные органы в большей или меньшей степени решали эти вопросы. Дестабилизация политической системы общества в конце 1980-х годов крайне негативно сказалась на межхозяйственных связях, начался процесс их свертывания, а затем разрыва.

Особенно страдали от этого предприятия союзного подчинения – металлургической, машиностроительной энергетической и других отраслей,

которые одновременно были крупными и поставщиками, и потребителями. В Донецкой области с 1985 до 1990 года задолженность в выполнении договорных обязательств возросла с 473 млн. до 622 млн. руб. В 1991 году промышленность области вступила с весьма низким уровнем заключения договоров поставки. А в начале года договорная кампания вообще застопорилась, даже к началу второго квартала договорами было охвачено только 91% продукции подлежащей поставке. При этом наблюдалось дальнейшее ухудшение договорной дисциплины практически во всех отраслях.

По-прежнему, нерешенной проблемой оставалась механизация и автоматизация производственных процессов. Проводимые научно-технические мероприятия, не влияли существенным образом на сокращение ручного труда. В хозяйственном комплексе области в 1990 году более 41% рабочих выполняли работу вручную, в том числе в промышленности эта доля составляла 37% [8].

Значительно увеличились потери рабочего времени, упала производственная дисциплина. По официальным сведениям, с 1985 до 1990 года в промышленности Донецкой области потери рабочего времени увеличились почти в 2 раза. Потери рабочего времени за весь период с начала забастовки (июнь 1989 г.) превысили 2 млн. человеко-дней, прямые потери продукции из-за забастовок составили более 380 млн. руб. Положение еще в большей степени ухудшили весенние забастовки 1991 года. С 1985 до 1990 года увеличилось количество невыходов на работу с разрешения администрации более чем в 2 раза, а потери рабочего времени из-за простоев возросли за это время в 3 раза. И это по официальной статистике. А в реальной жизни положение было еще хуже. Одновременно возросла текучесть рабочей силы. Во второй половине 1980-х годов ежегодно примерно каждый пятый рабочий предприятия уволился.

Все эти и другие факторы негативно влияли на работу практически всех отраслей промышленности. Особенно резко ухудшилась ситуация в базовых отраслях – угольной, металлургической, машиностроительной промышленности.

Ссылки и примечания:

1. Государственный архив ДНР (Госархив ДНР). Ф. Р-4249п. Оп. 7. Д. 6704. Л. 88; Государственный архив ЛНР (Госархив ЛНР). Ф. 1779. Оп. 77. Д. 8. Л. 22-23.
2. Итоги социально-экономического развития Донецкой области за 1985-1990 годы. – Донецк : Обл. стат. упр., 1991. – С. 53-54; Промышленность Луганской области. – Луганск: Обл. стат. Упр., 1991. – С.55, 71, 73.
3. Социально-экономическое развитие Донецкой области за 1986-1990 годы : стат. сб. – Донецк : Обл. упр. статистики, 1991. – С. 162 – 163.
4. Госархив ДНР. Ф. Р-4249п. Оп. 2, Д. 5529. Л. 9-10.
5. Там же. Л. 7-8.
6. Там же. Л. 43.
7. Там же. Л. 45.

8. Там же. Ф. Р-4249п. Оп. 7. Д. 6704. Л. 88.
9. Госархив ЛНР. Ф. 1779. Оп. 67. Д 12. Л. 15-16.

УДК 94 (477) "1941/1945"

С.А. Засорин

кандидат исторических наук,

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

e-mail: sa.zasorin@mpgu.su

ХАРАКТЕРНЫЕ ЛИНИИ, МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Аннотация

Статья посвящена изучению методов и приемов фальсификации истории Великой Отечественной войны, которые цинично и преднамеренно совершаются в современных украинских школьных учебниках истории. Автор статьи подчеркивает, что сохранение и распространение священной правды о трагедии и подвигах советских граждан в годы Великой Отечественной войны, включая народы Украинской ССР, являются сегодня важнейшим фронтом борьбы за историческую правду о нашей героической истории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая правда, фальсификация, украинские учебники истории.

Summary

This article is devoted to the study of methods and techniques of falsification of the history of the Great Patriotic War, which are cynically and deliberately committed in modern ukrainian school history textbooks. The author emphasizes that the preservation and dissemination of the sacred truth about the tragedy and exploits of Soviet citizens during the Great Patriotic War, including the peoples of the Ukrainian SSR, are today the most important front of the struggle for the historical truth about our heroic history.

Keywords: Great Patriotic War, historical truth, falsification, Ukrainian school history textbooks.

Вся новейшая история Украины интерпретируется в современных украинских учебниках как сплошная линия борьбы страны за ее освобождение от соседей-поработителей, в первую очередь, от России. В данном контексте изображаются три исторических шанса возможного достижения Украиной национально-государственной независимости в новейшую историческую эпоху: революционные сдвиги начала XX века, Вторая мировая война и распад Советского Союза в конце XX века. Такое толкование трактует современное

украинское развитие как реализацию долгожданного пути данного государства к суверенитету через свой европейский выбор.

Как указывал министр иностранных дел Российской Федерации С.В.Лавров, «...Ни для кого не секрет, что многолетними усилиями украинских национал-радикалов и их западных кураторов создано и продолжает создаваться огромное количество мифов и фальсификаций. Лживые интерпретации истории ведут к формированию в общественном сознании ошибочного представления о том, что Украина развивалась отдельно от России. Цель ясна: через отрицание единства украинцев и русских поссорить два братских народа, демонизировать современную Россию как государство-продолжателя СССР. Печальным следствием подобной политики бывает только отречение от общего прошлого, традиций добрососедства и даже – для многих русских, родившихся и выросших на Украине – от родного языка...» [1, с.1].

Особенно кощунственными являются современные измышления об «украинском факторе» Второй мировой войны. В этом смысле крайне важно в сегодняшних условиях подвергать анализу и разоблачению любые фальсификации происхождения, хода и последствий данных событий [1, с.396, 399, 402, 408].

В вопросе о происхождении войны воспроизводится миф о так называемой превентивной войне Гитлера против СССР и о планах СССР напасть на Германию. В русле пресловутой резолюции Европарламента 2019 г. поддерживается вывод о взаимной ответственности Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны. Доказательству этого тезиса служит подмена названия войны с «Великой Отечественной» на «нацистско-большевистскую» [3, с .593]. Такая подтасовка была когда-то изобретена канадским эмигрантским историком украинского происхождения О. Субтельным, превращенным еще в 1990-е гг. в образец новой украинской исторической методологии.

Со временем такой выхолощенный подход стал кочевать по страницам современных украинских учебников. Создатели одного из них обобщают: «...Таким образом, в первой половине 1941 г., по обе стороны границы СССР и Германии с ее союзниками была сконцентрирована огромная, доселе не виданная во всем мире военная сила. Каждая из сторон стремилась напасть первой, чтобы, воспользовавшись внезапностью нападения, уничтожить основные силы вражеских войск, сосредоточенных непосредственно на границе. Первой это сумела сделать гитлеровская Германия...» [4, с.20]. На самом деле, таких планов с советской стороны не было. Именно гитлеровская Германия являлась агрессором, напавшим на СССР и другие европейские страны.

Провозглашается, что в составе Красной Армии украинцы внесли основной вклад в разгром войск нацистской Германии и ее союзников, рассчитывая, что после окончания Второй мировой войны их историческая Родина сможет сбросить, как немецкое, так и советское ярмо. Развивая эту мысль, те же авторы доказывают: «... Воюя в Красной армии, УПА. Армиях

Канады, США, во французском иностранном легионе, отрядах движения Сопротивления многих европейских народов, проявляя самоотверженность и героизм украинские воины приближали победу над нацизмом во Второй мировой войне...»[4, с. 71]. Все эти утверждения ложны и надуманы. УПА не являлась частью антигитлеровской коалиции. ОУН невозможно причислить к движениям Сопротивления. Более того, ОУН и УПА боролись против Красной Армии, сотрудничали с нацистами.

Приведенная выше сфантазированная патетика опровергается фактически другими украинскими авторами, которые ориентируются на прагматичный и отчасти циничный подход уже упомянутого О.Субтельного: «...В конце 1942 г. руководители ОУН-Б приняли решение сформировать крупные партизанские силы и заложить, таким образом, фундамент регулярной украинской армии, которая, по их глубокому убеждению, была необходима к концу нацистско-советской войны. Были причины и более срочного порядка: во-первых, усилились немецкие репрессии против местного населения и крестьяне требовали от ОУН защитить их; во-вторых, в конце 1942 г. на северо-запад Украины стали проникать советские партизанские отряды из Белоруссии, следовательно, ОУН необходимо было взять на себя роль «народной армии», пока это не сделали Советы... В 1943 г. конгресс ОУН-Б «борется против империализма и империй» и поэтому «борется против СССР и против немецкой «новой Европы...» [3, с. 594].

Сегодня заявляется, что Вторая мировая война оказалась трагедией для украинцев, которые несли жертвы и совершали подвиги на всех фронтах борьбы против фашизма: «... Активному развертыванию движения Сопротивления помогали подпольные сети оуновцев и коммунистов, сформировавшиеся в Украине... советское подполье и партизанское движение...» [4, с. 41]. Здесь поставлены в один ряд украинцы, сражавшиеся с нацистами в рядах Красной Армии и в партизанских соединениях, а также боевики УПА.

Тот же учебник пытается доказать, что украинские националистические движения представляли собой оправданную всенародную оппозицию незаконному и аморальному коммунистическому диктату. Борьба ОУН и УПА против советской власти рассматривается как национально-освободительное движение украинского народа: «...В то время, когда советская власть стремилась присоединить Западную Украину к СССР, чтобы уничтожить главные очаги украинского национально-освободительного движения и укрепить свои геополитические позиции в Европе, ОУН иначе видела будущее Западной Украины... В Западной Украине сталинский режим столкнулся со своим идеологическим оппонентом – украинским национальным движением, опиравшимся на массовую поддержку народа...»[4, с. 49].

Некоторыми украинскими авторами огульно подчеркивается «народный и освободительный характер украинских националистических движений» в противовес «нацистским и советским захватчикам». При этом игнорируются доказанные факты массового уничтожения боевиками УПА этнических

украинцев, не согласных с их взглядами, свидетельства поддержки советской власти со стороны подавляющего большинства населения. Делается беспринципная попытка полностью обесценить характер подвигов украинских партизан и подпольщиков, хотя они заслужили всенародную славу и признание.

Достаточно спорным и неоднозначным является вопрос об идейном и вооруженном столкновении украинских и польских националистов в ходе Второй мировой войны. Выше упомянутый учебник констатирует, что ОУН-УПА героически сражались за независимость Украины не только с «оккупантами из Третьего Рейха и СССР», но и с польской Армией Крайовой: «...Украинские повстанцы были вынуждены воевать и на третьем фронте – против Армии Крайовой... Ее руководители стремились взять под контроль земли, утраченные Польшей в 1939 г.

Вражду в Западной Украине разжигали руководители и АК, и ОУН-УПА. Обе стороны считали себя защитниками государственных интересов на западно-украинских землях. Вражду подогревали и оккупационные власти, набиравшие в отряды вспомогательной полиции поляков для проведения карательных акций против украинского мирного населения. Поэтому на Волыни и в Галичине начались взаимные террористические акты, жертвами которых стали не только военные повстанцы, но и более 100 тыс. мирных жителей, как поляков, так и украинцев...» [4, с. 49].

Такое вынужденное признание направлено на смягчение ответственности украинских националистов за преступную «Волынскую резню», представленную как встречный бой польских и украинских повстанцев, в котором в равной степени пострадали и поляки, и украинцы. Реальность, тем не менее, совершенно иная. Были жертвы и среди украинских боевиков. Но «Волынская резня» – это, прежде всего, целенаправленное массовое убийство мирных польских жителей на территории Западной Украины (около 100 тысяч), которое не может быть забыто и прощено в польской исторической памяти.

Современные украинские исследователи и педагоги искусственно сочиняют прогрессивность взглядов и программ украинских националистов. Один из учебников рассуждает: «...Рост рядов УПА, в которые попадали люди разных национальностей и политических взглядов, обусловил необходимость существенного пересмотра идеологии и политики. В августе 1943 г. состоялся III Чрезвычайный большой сбор ОУН(Б). Его участники приняли решения, которые свидетельствовали о политической эволюции ОУН и УПА, провозгласив курс на борьбу против «московско-большевистского и немецкого ярма, за строительство Украинской самостийной соборной державы», приняли демократическую социально-экономическую и политическую программу организации. Вместо старого лозунга «Украина для украинцев!» провозгласили новый – «Воля народа – воля людей!».

...Руководство националистическим движением пыталось найти общий язык даже с советскими партизанами. В частности, во время рейда объединений под командованием С. Ковпака повстанцы пропустили их через свою

территорию и старались проводить среди ковпаковцев агитацию, призывая последних переходить в УПА. Однако согласованных общих действий ОУН и УПА и советских партизан против гитлеровцев не было. Позже советские партизаны, учитывая силу возраставшей Красной Армии, начали утверждать себя как представителей советской власти. Это привело к борьбе между отрядами партизан и подразделениями ОУН...

Лидеры ОУН утверждали, что немцы рано или поздно уйдут из Украины и нужно заблаговременно подготовиться к борьбе с врагами, которые останутся, а это, прежде всего, советская власть и польское националистическое движение. В 1944 г. основным врагом в борьбе за будущую украинскую независимость определялась советская власть. В начале июня 1944 г. во Львове прошли переговоры между представителями УПА и вермахта по вопросам возможного сотрудничества в военной сфере. Стороны достигли компромисса: немцы согласились передать УПА оружие и боеприпасы, которые, отступая, они уже не способны были эвакуировать, а УПА обязалась предоставлять гитлеровцам разведывательные данные о советских войсках...» [6, с. 49-50].

В действительности, III Чрезвычайный большой сбор ОУН(Б) под прикрытием борьбы за демократию фактически зафиксировал откат украинских радикальных националистов с позиций «активного сопротивления нацистской оккупации» и борьбы за независимость Украины на тактику прямого прислуживания нацистам, что и подтвердил последующий сговор между ними, описанный в данном отрывке. Никаких фактов сотрудничества между УПА и партизанскими соединениями не было подтверждено, хотя усиленные попытки переманивания украинских партизан в ряды националистов действительно имели место.

Еще один автор пытается доказать, что в годы войны ОУН оказалась единственной политической силой на Украине, выступавшей за социальную справедливость и права трудящихся. В качестве доказательства используется резолюция III Чрезвычайного большого сбора ОУН(Б): «...По своей сути, это была программа революционно-демократических преобразований. В разъяснениях «За что борется Украинская повстанческая армия» командование УПА давало такой ответ на поставленный вопрос: «За уничтожение большевистской и немецкой эксплуататорско-крепостнической системы организации сельского хозяйства ... за бесплатную передачу крестьянам отобранных украинских земель, всех помещичьих, монастырских и церковных земель; за то, чтобы крупная промышленность была национально-государственная, а мелкая – кооперативно-частная; за свободу профсоюзов, за уничтожение стахановщины, социалистического соревнования, повышения норм и других способов эксплуатации работающих, за обязательно среднее образование; за свободу печати, слова, убеждений, верований, взглядов, за равенство всех граждан Украины, независимо от их национальности, в гражданских и личных правах и обязанностях...» [5, с.38].

Здесь были явно искажены все основные составляющие социально-экономических преобразований в СССР в 1920-1930-е гг. В действительности,

большинство «демократических нововведений», предложенных УПА в ее программных документах, уже были реализованы в Советской Украине, как и на всей территории СССР, в годы социалистического строительства.

Идеализацию деятельности ОУН-УПА во время Второй мировой войны, характерную для нынешней украинской научной и учебной литературы, разоблачил академик Национальной академии наук Украины П.П. Толочко: «... Практически ничего о непримиримых противоречиях между отдельными ветвями националистов, сопровождавшихся междоусобной братоубийственной войной. Ничего о жестоком терроре по отношению к мирному населению, в первую очередь к национальным меньшинствам и так называемым схиднякам. Ничего о борьбе с советскими партизанами, и, конечно же, ни слова о тесном сотрудничестве с немцами, которое началось еще с предвоенной поры, когда Германия только готовилась к войне с Советским Союзом и создавала собственную «пятую колонну...» [2, с. 39].

В отдельных высказываниях допускаются кощунственные и спекуляции в отношении наших солдат и офицеров в начале Великой Отечественной войны. Сегодня на Украине подчеркивается слабость Красной Армии, даже по сравнению с дивизией «Галичина». Так, бывший руководитель Украинского института национальной памяти В.Вятрович заявлял: «...Дивизия СС «Галичина», в которой на стороне нацистской Германии воевали украинские добровольцы, выгодно отличалась от Красной армии... Мобилизованных в дивизию «Галичина» обучали год, прежде чем бросить в бой, а новобранцев Красной армии часто бросали в мясорубку сразу. Но это не из любви немцев к украинцам – они лишь рационально использовали человеческие ресурсы, которых было меньше, чем у россиян... В немецкой и советской армиях во Второй мировой украинцы воспринимались одинаково – как пушечное мясо...» [8].

В этих рассуждениях игнорируется реальная динамика развития упомянутых вооруженных сил по ходу войны. Исторические факты подтверждают, что «Галичина» к лету 1944 г. проявила себя бесславно как воинское формирование, была деморализована, участвовала в карательных операциях против участников Словацкого национального восстания, а вместе с ними – против украинских партизан, и была окончательно разгромлена Красной Армией возле города Броды. Хорошо известна судьба немецкого вермахта, который в критический для себя завершающий этап войны формировался по принципу моментальной тотальной мобилизации, невзирая на возраст.

На современной Украине муссируется тезис о гигантских и неоправданных потерях этнического украинского населения в ходе битвы за Днепр и освобождения Киева в 1943 г.

На эту тему публично выступил нынешний президент Украины, дед которого, младший лейтенант Семен Иванович Зеленский, участвовал в данных боевых действиях. В. Зеленский популистски заявил: «...Освобождение Киева – это история безграничного равнодушия и жестокости «великих» руководителей и безграничного подвига великих бойцов, освободивших город от нацистов.

Мы не забудем их никогда! Мы благодарны им навсегда! По официальным данным, в битве за Днепр погибли 417 000 человек, но, согласно исследованиям и подсчетам ряда историков, в действительности это число вдвое больше. Бои за Киев же унесли жизни 240 000 солдат и офицеров...

По воспоминаниям режиссера Александра Довженко, тогда скончались многие мобилизованные на Украине граждане, которые воевали в домашней одежде и без всякой подготовки... Мобилизованы через полевые военкоматы, взятые на воинский учет, чтобы не ухудшать статистику потерь, даже не одетые в форму и крайне плохо вооружены, сотни тысяч наших предков были брошены в бой за освобождение Киева. На верную смерть...» [10].

Эти утверждения, которые сегодня, в силу навязанного авторитета главы государства, проникают на страницы учебников, следует считать откровенными спекуляциями на трагедии своих предков. Действительно, битва за Днепр, которая героически завершала период коренного перелома в Великой Отечественной войне и Второй мировой войне в целом, оказалась одним из самых масштабных и кровопролитных сражений. Всего в боях было задействовано свыше четырёх миллионов солдат с обеих сторон, а общие потери превысили два миллиона человек. В битве за Днепр участвовали части 5 фронтов, в освобождении Киева – 1 Украинский (бывший Воронежский) фронт.

В этой связи категорически неправильно смешивать название фронта, возникавшего, как правило, по месту его формирования или первоначального ведения боевых действий, и его этнический состав, что, в силу своей профессиональной безграмотности или политической ангажированности пытаются делать некоторые украинские авторы и многие западные исследователи.

Так, более 17 500 солдат и офицеров 30-ти национальностей из 1-го Украинского фронта были награждены орденами и медалями. За форсирование Днепра и освобождение Киева 2 438 солдат и офицеров различных фронтов Красной Армии стали Героями Советского Союза. Кроме них, достойно были отмечены воины 1-й Чехословацкой бригады, также участвовавшие в этих боевых действиях.

Что касается неоправданных потерь, то выше упомянутый знаменитый советский и украинский кинематографист Александр Довженко, снявший документальный фильм «Битва за Советскую Украину», в своих воспоминаниях делал упор на страдания киевлян во время нацистского режима. Надо учитывать жертвы в течении оккупации Киева, которая длилась 778 дней. За это время нацисты и их пособники из числа местных националистов уничтожили свыше 195 тыс. мирных жителей города. Более 100 тыс. киевлян были массово угнаны на каторжные работы в Германию.

Сегодняшние украинские толкователи истории пытаются завуалировать и обесценить роль Великой Отечественной войны в общем. С позиций идейного вдохновителя современных украинских радикальных националистов В. Вятровича: «...Великая Отечественная война – это мем, который поддерживает идеологическую платформу советского империализма. И если стоит

вспоминать какую-то дату, то только 1 сентября, когда началась Вторая мировая война. А 22 июня – это "атавизм совка"...» [9]. В реальности, объективный подход, преобладающий в современном анализе мировой истории, рассматривает Великую Отечественную войну как важнейший и, по сути своей, определяющий период Второй мировой войны в целом.

Искажение событий Великой Отечественной войны современной украинской властью однозначно служит деформированию сознания молодого поколения. Прямолинейно заявляется, что новую украинскую идентичность следует выстраивать на героизации «истинных патриотов Украины». Украинский институт национальной памяти разработал рекомендации для педагогов о том, какие эпитеты стоит применять, характеризуя С. Бандеру и С. Петлюру: «Младшим школьникам советуется в интересной форме рассказать о подвигах Петлюры, а Бандеру рекомендуют называть выдающимся представителем народа... Кроме того, в брошюре, разработанной Украинским институтом национальной памяти, можно найти перечень фильмов, которые можно смотреть школьникам, а также песен, рекомендованных к разучиванию вместе с детьми. Например, в школах предлагается петь гимны бойцов Украинской повстанческой армии...» [7].

Отстаивая шовинистский и ревизионистский подходы, Украинский институт национальной памяти масштабно искажает современную историю страны для того, чтобы обелить и идеализировать помыслы и действия украинских преступных националистических группировок, а также образы их авантюрных лидеров.

Резкий отпор современным украинским фальсификаторам истории был провозглашен признанным добросовестным и профессиональным ученым страны П.П. Толочко: «... Особенно безнравственным выглядит в новых учебниках отношение к Великой Отечественной войне, а также к событиям, предшествовавшим ей и за ней следовавшим... Уравнены в ответственности жертва и ее палач. Война объявлена не нашей. Герои-освободители, получившие признание и уважение всей спасенной ими от фашистской чумы Европы, унижены реабилитацией и героизацией западноукраинских националистов, сотрудничавших с немцами... Совершенно по-новому освещается теперь и националистическое движение на Западной Украине в годы Второй мировой войны. Оказывается, это оно, а не Советская армия и советские партизаны, является истинным освободителем Украины...» [2, с.12].

Таким образом, сохранение и распространение священной правды о трагедии и подвигах советских граждан в годы Великой Отечественной войны, включая украинский народ, являются сегодня важнейшим фронтом ожесточенной и беспрецедентной информационной войны против нашей страны. Соответственно непримиримая борьба за преобладание общественных ценностей служит одним из ключевых механизмов идейного и патриотического воспитания российской молодежи, а в перспективе – и думающих молодых украинцев.

Работа выполнена в рамках государственного задания Минпросвещения РФ номер гос. уч.12307020000-5 «Разработка концепции формирования гражданской идентичности в системе школьного исторического образования в условиях геополитической неопределенности и «больших вызовов».

Ссылки и примечания:

1. Григорьев М.С., Дейнего В.Н., Дюков А.Р., Засорин С.А., Малькевич А.А., Манько С.А., Шаповалов В.Л. История Украины. – М.: Международные отношения, 2022.
2. История Украины. VI-XXI вв. П.П. Толочко, А.А. Олейников [и др.]; под общей ред. П.П. Толочко. 2 изд., испр. и доп. – К.; М.: Киевская Русь, Кучково поле, 2018.
3. Григорьев М.С., Дейнего В.Н., Дюков А.Р., Засорин С.А., Малькевич А.А., Манько С.А., Шаповалов В.Л. Указ. соч.
4. Субтельный Орест. История Украины. – К.: Лыбидь, 1994.
5. Струкевич А.И., Романюк И.М., Дровозюк С.И. История Украины. Учебник для 11 класса общеобразовательных учебных заведений (уровень стандарта, академический уровень). – К.: Грамота, 2011.
6. Турченко Ф.Г. Історія України. Підручник для 11 класу загальноосвітніх навчальних закладів. Профільний рівень. – К.: Генеза, 2011.
7. Пометун Е.И., Гупан Н.Н. История Украины. Учебник для 11 класса общеобразовательных учебных заведений (уровень стандарта, академический уровень). – К.: Освіта, 2011.
8. СМИ: на Украине школьников научат гордиться Бандерой. РИА Новости. 11.05.2016. URL: <https://ria.ru/20160511/1431385691.html?in=t>.
9. В Киеве заявили, что дивизия СС «Галичина» была лучше Красной армии. РИА Новости. 29.04.2021. URL: <https://ria.ru/20180429/1519662445.html>.
10. Нет Отечественной для людей без Отечества: беспамятство атакует Украину. РИА Новости. 22.06.2018. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20180622/1523216747.html?in=t>.
11. Зеленский назвал «историей жестокости» освобождение Киева в 1943 году. Ведомости Ru. 8.11.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/11/08/894836-zelenskii-nazval-istoriei-zhestokosti-osvobozhdenie>.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902/904 (516)

Д.П. Шульга

доктор исторических наук,

Сибирский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ

e-mail: alkaddafa@gmail.ru

В.С. Чекалина

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

e-mail: sv42000@mail.ru.

ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА НЕСТОРИАНСКОЕ ИСКУССТВО В ЭПОХУ МОНГОЛЬСКОЙ ДИНАСТИИ ЮАНЬ (НА ПРИМЕРЕ НАСЛЕДИЯ ОНГУТОВ В ГОРАХ ИНШАНЬ)

Аннотация

Настоящая статья вводит в научный оборот малоизвестные в русскоязычной науке артефакты из Северного Китая, связанные с бытовавшей здесь несторианской традицией. Под влиянием буддийских мотивов, а также китайского и восточно-иранского искусства, христианство при правлении монголов приобрело в империи Юань весьма самобытный облик.

Ключевые слова: *несторианство, монгольская империя, династия Юань, Северный Китай, буддийское искусство.*

Summary

This article introduces into scientific circulation artifacts from Northern China, little known in Russian-speaking science, associated with the Nestorian tradition that existed here. Under the influence of Buddhist motifs, as well as Chinese and Eastern Iranian art, Christianity under the rule of the Mongols acquired a very distinctive look in the Yuan Empire.

Keywords: *Nestorianism, Mongol Empire, Yuan dynasty, Northern China, Buddhist art.*

Начавшиеся с битвы на Калке в 1223 г. столкновения княжеств Руси с монголами с течением времени сформировали в отечественной традиции образ завоевателей-иноплеменников. В список отличий от «чужаков» попала и вера (сперва языческая, затем исламская).

Вместе с тем к моменту прихода отрядов Субэдэя в половецкие степи

значительная часть монголов (и родственных им племен) была знакома с христианством. В эпоху единой Монгольской империи к северу от Хуанхэ¹ высшие представители знати активно способствовали строительству церквей² [12]. Начиная с кон. V в. н. э. [7], с распространением несторианства в Китае [17], данное христианское учение развивалось на весьма пёстром культурном фоне [18]. Особенно это стало проявляться по мере проникновения несторианских идей кномадам к северу от Хуанхэ³ в конце правления династии Тан и в течение периода Пяти династий (907–960 гг.) [13]. Христианство (влияние которого на Центральной равнине Китая после Тан сильно ослабло) сохранило определённое влияние среди кочевой знати (например, у керейтов). В эпоху правления Чингизидов, хотя вряд ли можно говорить о скачкообразном росте последователей несторианства в Поднебесной, ряд должностных лиц кочевого происхождения активно исповедовал данный вариант христианского учения⁴ [20], что находило отражение в эпитафиях и искусстве [3; 8]. Судя по несторианским изображениям и эпитафиям, обнаруженным на археологических памятниках онгутов в горах Иньшань⁵, несторианство испытывало влияние из нескольких источников, в первую очередь буддизма и традиционной культуры Китая.

Основная часть. Буддизм – одна из первых иностранных религий, проникших в Китай. Он был представлен на Центральной равнине Китая как минимум со времен Восточной Хань (25–220 гг.). Благодаря поддержке

¹ Примечательно, что существовал и отдельный очаг христианства на юге Китая, в районах Цюаньчжоу и Янчжоу (ныне проф. Фуцзянь) [8; 14].

² Например, Сорхатани, мать монгольских ханов Мункэ, Хубилая, и завоевателя Среднего Востока Хулагу, была несторианкой.

³ Стоит отметить, что кочевая среда оказалась в раннее средневековье весьма восприимчива к различным религиозным проповедям. Достаточно вспомнить Уйгурский каганат (744—840 гг.), единственное государство в истории, на официальном уровне принявшее манихейство [9; 10].

⁴ На самом деле достаточно сложно реконструировать, насколько христиане Северного Китая в эпоху Тан или Юань следовали теологумену Нестория о природах Христа. В отечественной [5; 6] и англоязычной [1] литературе их традиционно именуют «несторианами», при этом китайские авторы предпочитают старокитайские наименования 大秦教 («Дацин цзяо», т.е. «Римское учение») или 景教 («Цзин цзяо», т.е. «Сияющее учение»)[2]. Иногда авторы из КНР используют также название «波斯教» («Босы цзяо», т.е. «Персидское учение»), но оно в последних публикациях признаётся неточным [11]. Что касается источников для реконструкции христологии китайских верующих, то они довольно лапидарны. В распоряжении исследователей есть всемирно известная стела в Сиане, но, несмотря на попытки ее анализа с точки зрения богословия [19], надо признать, что на ней приводятся лишь весьма общие сведения о новой для Китая религии [15]. Также в этой связи может рассматриваться текст 《一神論》 («Ишэнь лунь», т.е. «Суждение о единобожии»), вероятно, создававшийся в сер. VII в. и обнаруженный в гротах Дуньхуана. Но данный памятник фрагментарен, изобилует буддийскими по происхождению терминами для описания христологии (например, Сын Божий наделяется эпитетом «世尊», т.е. «Миропочитаемый», характерным для Будды), подвопросом его авторства и региона происхождения (входившие в дискуссию основными выступают варианты Ёширо Саэки, согласно которому текст был написан прибывшим в 635 г. в Чанань известным проповедником Алобэнем, и противоположная точка зрения Тань Давэя, утверждающего, что скорее всего «Ишэнь лунь» создавался в районе Турфана в государстве Гаочан) [16]. Довольно своеобразно передается здесь и имя «Иисус» (翳数, «Ишу»), впоследствии данная форма уступила место 耶穌 («Есу»).

⁵ Горная система на севере Китая, в центре АР Внутренняя Монголия, к северу и северо-востоку от Хуанхэ. Общая протяжённость составляет 650 км, высота — до 2187 м. В состав системы входят хребты Ланшань, Шэйтэн-Ула, Хэланьшань, Дациншань.

правлящей элиты (и отсутствию фанатизма у проповедников) буддизм получил широкую социальную основу. В результате в Китае сформировалась культура, сочетающая элементы конфуцианства¹, буддизма и даосизма². Поэтому в процессе культурной адаптации иностранные религии в Поднебесной часто использовали опыт буддизма. Христианство не стало исключением. Когда несторианство проникло в долину Хуанхэ, китайская сангха уже выработала устойчивые формы перевода терминов. В несторианских надписях, таких как Несторианская стелла из Сианя и «Похвала Святой Троице»³ неоднократно использовались классические буддийские термины, например, «Путь спасения»⁴, «непорочность»⁵, «молитва»⁶, «спасение души»⁷, «монах»⁸. В буддизме поскольку лотос выступает как символ чистоты (ибо, выходя из грязи, ею не оскверняется). Этот символ выражается в религиозном искусстве, где Бодхисаттва восседает на лotosовом троне [4]. В несторианском искусстве Китая мы нередко видим наложение креста на лотос, яркие примеры – надгробные памятники онгутов-христиан с могильников в горах Иншань (рис. 1 – 1, 2).

Также практически не вызывает сомнений, что несториане с эпохи Тан⁹ до монгольской эпохи заимствовали идею буддийской «колонны с именем Будды». Несомненно, сама концепция, техника соединения трёх частей конструкции (основания, середины и верха) «в шип» заимствовались христианами у буддистов. Очевидно, данная традиция просуществовала до возведения христианских могильников в горах Иншань. Конусовидный камень с крестом из могильника Мухуэрсо-Буэрга (диаметр основания – ок. 95 см), вероятно, является верхней части подобного сооружения (рис. 1 – 3). На это указывается наличие паза в нижней части (рис. 1 – 4).

¹ Следует отметить, что уже при Хань учение исконное Конфуция стало дополняться элементами легизма, пусть и в несколько смягченном варианте. Это было необходимо для приспособления конфуцианства к имперским реалиям.

² Некоторые категории, использовавшиеся даосами, есть и на несторианской эпиграфике. Например, на стеле в Сиане мы видим строку «**眞常之道**» («правильный и постоянный путь»), в котором первые два иероглифа – традиционное словосочетание даосов, означающее «истинное постоянство», а четвертый знак – собственно «Дао, Путь».

³ В оригинале «**大秦景教三威蒙度讚**», была обнаружена в 1908 г. П. Пельо в Дуньхуане. Очевидно, данный текст – сделанный в 760 г. перевод более раннего оригинала 635 г.

⁴ В оригинале – **慈航** («Цыхан»), барка милосердия (любовь Будды и бодхисаттв, которые выводят всё живое из моря страданий).

⁵ В оригинале **大德** («Дадэ») – категория, вышедшая из традиционных китайских философских систем, например, даосизма, где **德** означает добродетель, отражение Дао во внутреннем мире человека. В буддизме «дадэ» может быть обращением к монаху.

⁶ **功德** («Гундэ») – достаточно многозначный термин, который в буддизме может означать также «творение добра». В китайском языке еще, в зависимости от контекста, переводится как «подвиг», «доблесть», «заслуги».

⁷ **救度无边** («Цзюдуубянь») – несмотря на кардинальное отличие христианства от буддизма в вопросе того, что является для души спасением, иные принятые в Китае философские системы не предоставили болееточного эквивалента, который мог бы использоваться для перевода.

⁸ **僧** («цэн») – традиционное название буддийского подвижника.

⁹ Одна из самых известных подобных находок сделана в районе г. Лоян. Она была оставлена представителем согдийского по происхождению семейства Ань (**安**), исповедовавшего несторианство и переселившегося в Китай из района Бухары.

Таким образом, археологические и эпиграфические источники позволяют авторам сделать ряд выводов.

Во-первых, христианство среди монголов и близкородственных им народов¹ было не «мимолетным эпизодом», а достаточно глубоко укоренившейся традицией, бытовавшей как во времена старшего сподвижника Чингисхана, керейтского Ван-хана (ум.в 1203 г.), так и в эпоху правления династии Юань в XIV в.

Во-вторых, пребывая в специфической культурной среде, христианство неизбежно воспринимало ряд дальневосточных элементов. При этом авторы вполне допускают, что само вероучение могло сохранять большую чистоту. Описанные нами в работе сферы, в которых происходили заимствования, относятся скорее к «внешнему облику». Ровно также в Европе появлялись местные стили церковной архитектуры и изобразительного искусства, исходя из той или иной более ранней традиции, а также доступности материалов. Что касается буддийской (и, отчасти, даосской) терминологии в переводах, то и здесь нет ничего уникального. Появившееся в Восточном Средиземноморье христианство постепенно пришло к переводу практически всех своих текстов на греческий и латинский, а затем и на романские, германские и славянские языки. Как мы знаем, процесс это был непростой, нередко для передачи христианских понятий использовался переосмысляемый язык античной философии. Также отметим, что несториане к северу от Хуанхэ не пребывали в полной изоляции, на что указывают надписи на надгробиях на сирийском, китайском и монгольском языках (рис. 1–1).

Расположенные в горах Иньшань несторианские реликвии онгутов (в основной массе относящиеся к кон. XIII – нач. XIV вв. [20]) являются важным историческим и культурным наследием, сохранившимся со времен «высокого средневековья» в Китае. Сделанные во Внутренней Монголии находки отражают открытость Китая к иностранным культурам на протяжении большей части его истории. Исследование генезиса несторианских изображений имеет большое значение для интерпретации культурных обменов между Китаем и восточно-христианским миром, что в современном мире становится весьма актуальным.

¹ Кроме онгутских памятников, на территории гор Иншань присутствуют и поздне-киданьские несторианские погребения, например, могильник клана Елюй (вероятно, родственного правившей в империи Ляо (907–1125 гг.) и государстве каракитаев (1124–1218 гг.) династии) в рамках некрополя Ванмулян [20, с. 55].

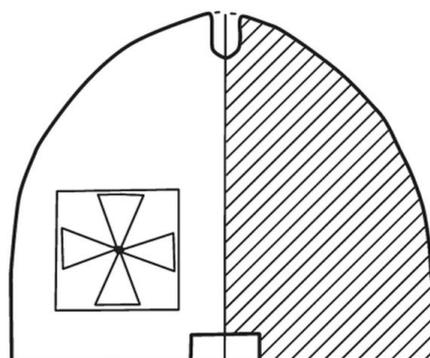
1

2

3

4

Рисунок 1: элементы погребальных сооружений из несторианских могильников гор Иншань во Внутренней Монголии. 1 – каменное надгробие с надписями на сирийском, китайском и монгольском языках (могильник к северу от городища Аолуньсуму) (дается по: Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй, 2013. С. 203); 2 – каменное надгробие с крестом на лотосе из могильника Мухуэрсо-Буэрга (дается по: Вэй Цзянь, Чжэн Юй, 2020. С. 67); 3 – фото конусовидного камня с крестом (возможно, верхний элемент погребального сооружения) из могильника Мухуэрсо-Буэрга (дается по: Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй, 2013. С. 203); 4 – разрез фото конусовидного камня с крестом (возможно, верхний элемент погребального сооружения) из могильника Мухуэрсо-Буэрга (дается по: Вэй Цзянь, Чжэн Юй, 2020. С. 70).

Ссылки и примечания:

1. Vrhovski J. Apologeticism in Chinese Nestorian Documents from the Tang Dynasty: Notes on Some Early Traces of Aristotelianism in China // Asian Studies. №2, 2013. Pp. 53–70. (In English).
2. Wu Changxing. Review on the Studies of Daqin Jingjiao: A Comprehensive Discussion on Its History, Linguistics and Text // Journal for the Study of Christian Culture. №34, 2015. Pp. 187–215. (In English).
3. Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй. [魏坚、张晓玮。阴山汪古与景教遗存的考古学观察 //边疆考古研究第14辑] Археологические исследования наследия онгутов и следов несторианства в горах Иньшань // Археологические исследования приграничья (Бяньцзян каогу яньцзю). 2013. Вып. 4. С. 193–212. (на кит.яз.)
4. Вэй Цзянь, ЧжэнЮй. [魏坚、郑玉。阴山汪古景教图像的初步研究 // 故宫博物院院刊2020年第8期] Предварительное исследование древних несторианских образов онгутов из гор Иньшань // Журнал музея Гутун. 2020. №8. – С. 60–72. (на кит.яз.)
5. Залеская В.Н. Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. СПб: «Славия». 1998. № 1. – С. 18–21.
6. Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. СПб: Филология и история, 1978. Вып. 26 (89). – С. 76–85.
7. Ли Боя. [李博雅。敦煌石窟中的景教遗存述略 // 跨文化对话第2021年45辑] Краткий отчет о несторианском наследии в гротах Дуньхуана // Международный диалог. 2021. Вып. 45. С. 306–317. (на кит.яз.)
8. Ли Цзинжун. [李静蓉。元代泉州基督教石刻图像研究。福州：福建师范大学，2013] Исследование христианской символики в Цюаньчжоу, выполненной в технике резьбы по камню (эпоха Юань). Фучжоу: Фуцзяньский педагогический университет. 2013. 149 с. (на кит.яз.)
9. Ли Цзунцзюнь. Минцзяо: чжагэнь Чжунго дэ моницзяо [李宗俊。明教：扎根中国的摩尼教 // 寻根2006年第1期] Светлое учение: подъем манихейства в Китае // Поиск исторических корней (Сюньгэнь). 2006. №1. С. 10–14. (на кит.яз.)
10. Лю Цинцюань. [刘青泉。摩尼教兴衰因缘及其罗山草庵遗迹探究//世界宗教研究1999年第3期] Судьба манихейства и углублённое изучение памятника Лошаньцаоань // Исследование мировых религий (Шицзецзунцзяояньцзю). 1999. №3. С. 134–137. (на кит.яз.)
11. Ма Сюэцзянь. Цзайичжунтуфа В983 лэймунэйжундэшэчживэньти [马学剑。再议《中图法》В983类目内容的设置问题 //福建图书馆学刊2022年第1期] К вопросу о новом обсуждении категории В983 в Китайской системе библиотечной классификации // The Library Journal Of Fujian. 2022. №1. – С. 65–80. (на кит.яз.)

12. Ма Сяолин. [馬曉林。元代甘州十字寺峻魯禾帖尼影堂設立原因探析——兼論馬可·波羅所記河西景教 // Newsletter for International China Studies 2013年8期] Изучение создания юаньского христианского храма ханши Сорхахтани в районе Ганьчжоу // Newsletter for International China Studies. 2013. №8. С. 190–213.(на кит.яз.)
13. Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. – М.: 1984. – С. 121–137.
14. Ню Жуцзи. Сун чуту бэймин кань цюаньчжоу хэ янчжоу дэ цзин цзяо лайюань [牛汝极。从出土碑铭看泉州和扬州的景教来源 // 世界宗教研究2003年第2期] Происхождение несторианства в Цюаньчжоу и Янчжоу по материалам найденных надписей // Исследования мировых религий. 2003. №2. – С. 73–79.(на кит.яз.)
15. Сальников С. К истории распространения несторианства в Китае // Вестник Челябинского государственного университета. 2002. №1. С. 110–117.
16. Тань Давэй. Гудай вэньшу и шэнь лунь дэ сецзо дидянь [譚大衛。古代文書《一神論》的寫作地點// 基督教文化評論2021年第55期] Где был написан древний текст «Суждение о единобожии» // Обзорение христианской культуры. 2021. №55. – С. 169–197.(на кит.яз.)
17. Чжан Найчжу. Лоян цзинцзяо цзинчуан юй тан дун ду гань дэ сян дэ ху жэнь цзюйло [张乃翥。洛阳景教经幢与唐东都感德乡的胡人聚落 // 中原文物 2009年第2期] Лоянские несторианские тексты и поселение иноземцев Ганьдэсян в восточной столице Тан // Культурное наследие центральной равнины. 2009. №2. – С. 98–106.(на кит.яз.)
18. Чжан Юйся. Суйтан лоян сутэ иминь фэньси [张玉霞。隋唐洛阳粟特移民分析 // Academic Journal of Zhongzhou 2020年3期] Анализ согдийской иммиграции в Лоян в династии Суй и Тан // Academic Journal of Zhongzhou. 2020. №3. – С. 139–145.(на кит.яз.)
19. Чжу Пиньи. Чжэнцзяо юй идуань: мин, цин шици дацинь цзин цзяо люсин чжунго бэйдэ чжушу яньцзю [祝平一。正教與異端：明、清時期「大秦景教流行中國碑」的注疏研究 // 中央研究院歷史語言研究所集刊, 2020年, 第九十一本, 第二分] Ортодоксия и ересь: исследования пояснений и комментариев к Несторианской стеле в эпохи Мин и Цин // Бюллетень института исторической лингвистики Национальной академии наук Тайваня. 2020. вып.91 ч. 2. – С. 187–226.(на кит.яз.)
20. Шульга Д.П., Дурова М.В. Несторианство: путь «Светлого учения» через четыре империи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 4. – С. 51–58.

УДК 94(420)328.1/3 "18"

А.И. Минаев

доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: aiminaev68@mail.ru

БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: КРИТИКА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ-ДЕМОКРАТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация

Статья посвящена анализу критического подхода отечественных революционеров-демократов второй половины XIX века к проблемам британского парламентаризма. Признавая значение последнего, они справедливо полагали, что в его основании лежат выработанные английским народом локальные социальные и экономические формы. Автор вслед за ними заключает, что неповторимость общественных и политических институтов и невозможность их механического переноса на иную национальную почву обуславливает потенциал государственно-правового «творчества» для любой страны, и, разумеется, России с ее богатейшей историей, раскрывающей ее самобытность и непреходящее значение.

Ключевые слова: парламентаризм, Великобритания, Россия, XIX века, общественная мысль, революционеры-демократы

Summary

The article is devoted to the analysis of the critical approach of the domestic revolutionary democrats of the second half of the XIX century to the problems of British parliamentarism. Recognizing the importance of the latter, they rightly believed that it was based on local social and economic forms developed by the English people. Following them, the author concludes that the uniqueness of social and political institutions and the impossibility of their mechanical transfer to another national soil determines the potential of state-legal "creativity" for any country, and, of course, Russia with its rich history, revealing its identity and enduring significance.

Keywords: parliamentarism, Great Britain, Russia, XIX century, public thought, democratic revolutionaries

Критический подход к проблемам британского парламентаризма и возможности использования внутривнутриполитического опыта этой страны в России

был характерен для отечественных революционеров-демократов. Политическая позиция А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского и др. в отношении анализа государственной структуры Великобритании выражала общие подходы, сложившиеся в русле декабристских традиций к изучению европейской истории и социальных структур. Вслед за декабристами революционеры-демократы второй половины XIX века, размышляя о судьбах России, ее будущем государственном строе, внимательно изучали европейский конституционализм, анализировали его британский вариант. При этом они опирались на сложившиеся в социально-политической мысли Европы просветительские традиции в отношении Великобритании, идущие от Джона Локка (1632 – 1704), Шарля Монтескье (1689 – 1755) и других просветителей.

Вместе с тем русские революционеры-демократы (радикалы) анализировали британские конституционные и парламентские структуры и институты в условиях, которые принципиально отличались от эпохи европейского Просвещения. Для них были важны прагматические задачи, связанные с их общественно-политической борьбой за реформирование социально-экономической структуры России. Революционеры-демократы отлично понимали, что в условиях крушения российского крепостничества страна неизбежно окажется перед альтернативным выбором своего нового пути развития, новых форм государственного строя.

В целом для отечественных демократов второй половины XIX века было характерно критическое в большей или меньшей степени отношение к буржуазной демократии и парламентаризму. Так, например, Николай Александрович Добролюбов (1836 – 1861), выражая свои взгляды на этот счет, писал: «Европа ...превратилась теперь в «говорильню», как перевел бы покойный Шишков слово «парламент» [5. с. 78].

Предваряя анализ взглядов видных представителей радикального направления общественной мысли России второй половины XIX века на обозначенный предмет, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на общее преобладание негативных оценок британского парламентаризма, у каждого из них обнаруживаются свои особенности. Спектр мнений на этот предмет достаточно широк: от умеренно критического у А.И. Герцена и Н.П. Огарева до крайне негативного у Н.А. Добролюбова.

Проблемы британского парламентаризма XIX века внимательно изучал Николай Гаврилович Чернышевский (1828 – 1889). В связи с этим большой интерес представляют его ежемесячные обзоры «Политика», публиковавшиеся в журнале «Современник» в 1859 году, и публицистические статьи.

Интерес Н.Г. Чернышевского к британскому парламентаризму был вызван, также как и у других радикалов, стремлением найти эффективный метод преобразований в собственной стране. Абсолютную монархию Романовых Н.Г. Чернышевский считал реакционной формой государственного правления. Отсюда не случайно внимание Н.Г. Чернышевского к Великобритании – стране, в которой в первой половине XIX в. были сделаны

первые шаги на пути буржуазно-демократических преобразований, связанные, прежде всего, с парламентской реформой 1832 года.

Великобритания середины XIX века представлялась многим современникам страной классических демократических свобод. Из всех западноевропейских государств именно она вызывала наибольшие симпатии русских либералов, которые видели в ней страну с государственным устройством, достойным подражания. Подобная идеализация британской конституции идейными противниками демократов, не желавшими замечать ее ограниченного характера, заложенных в ней противоречий, явного несоответствия буржуазному по своей сути социально-экономическому развитию Великобритании середины XIX века, заставляла Н.Г. Чернышевского полемизировать с ними. «Всякая ложь вредна, – писал он. – Зачем нам оставаться в фактической уверенности, будто бы Западная Европа – земной рай, когда на самом деле положение народов ее вовсе не таково?» [13, с. 97].

Н.Г. Чернышевский рассматривал историю Великобритании первой половины XIX века в русле общеевропейского развития, показывая при этом тесную взаимосвязь между событиями, происходившими на континенте и на «Туманном Альбионе». «Со времени падения Наполеона, – писал он, – два раза Западная Европа подвергалась общему изменению, и оба раза переворот на материке совпадал с великими реформами в английских учреждениях» [15, с. 15].

Н.Г. Чернышевский обращал внимание на то, что революция 1830 года во Франции ускорила парламентскую реформу 1832 года, а европейским революциям 1848 года предшествовала отмена хлебных законов в 1846 году.

Такую близость во времени между событиями Н.Г. Чернышевский считал отнюдь не случайной и объяснял ее общей буржуазной направленностью исторического процесса в континентальной Европе и в Великобритании, а также взаимовлиянием их общественных настроений. «Состояние общественного мнения в Англии имеет такую громадную силу над общественным мнением континента, что горячее настроение английской жизни к радикальным переменам служит значительным подкреплением для таких же настроений на материке и, наоборот, Англия теперь так связана с континентом, что господствующее на нем стремление отражается на англичанах» [15, с. 15].

Возвращаясь к оценке Н.Г. Чернышевским британского парламентаризма середины XIX века, отметим, прежде всего, ее последовательно критический характер. Британцы, по его мнению, к этому времени при всей «...прочности своих важных приобретений» еще далеко не достигли совершенства в своем общественно-политическом устройстве, и было «...в их жизни много чрезвычайно важных вопросов, еще не получивших удовлетворительного решения» [15, с. 83].

В XVIII веке британский парламент, за которым стоял лишь узкий слой земельной аристократии, по мнению Н.Г. Чернышевского, являлся наиболее слабым и неэффективным звеном государственного механизма страны. «...Ни министры королевы Анны, – писал он, – ни министры Георга I не хотят

подчиняться парламенту, а, напротив, или подкупают его, или, если не удастся подкупить, просто-напросто не слушают его и распоряжаются государственными делами как сами хотят» [15, с. 83]

Подобное пренебрежение к парламенту, и отсутствие у него самого претензий на повышение своего политического статуса в XVIII веке можно объяснить тем, что между ветвями государственной власти в Великобритании аристократическими по своему характеру, в то время практически не было явных противоречий, которые могли бы осложнить взаимоотношения между ними.

Начало XIX века являло примерно ту же картину. «В 1820 году праправнук, начинающий жить, находит свою родину во власти обскурантов и реакционеров, давно уже господствующих в ней» [15, с. 10.]

После окончания Наполеоновских войн ситуация в Великобритании начинает меняться. Бурное развитие промышленного производства, экономический подъем порождают социально-политические противоречия, которые частично могли быть разрешены посредством парламентской реформы, расширяющей избирательный корпус страны. По образному выражению Н.Г. Чернышевского, «...избыток угнетения пробуждает нацию от долгой политической дремоты, и возникает стремление к реформам» [15, с. 10]. Результатом этого «пробуждения» и стала парламентская реформа 1832 года.

Первая парламентская реформа носила характер явного компромисса. Главной ее задачей являлось достижение прочного союза между земельной аристократией и буржуазией, направленного против широких народных масс страны, которые заметно активизировались. На эту ее важнейшую особенность указывал Н.Г. Чернышевский, писавший, что реформа, «...необходимость которой чувствовалась по крайней мере уже лет сорок...», была проведена в «...жалком размере». «Палата общин, – подчеркивал он, – по-прежнему осталась представительницей почти одного только аристократического интереса; не только простолудины не приобрели доступа в нее своим депутатам, но и среднее сословие, которое в Англии богаче, просвещеннее и многочисленнее, нежели где-нибудь, почти не имело в ней голоса ...» [15, с. 10].

Видимым последствием реформы 1832 года стало перенесение центра тяжести в парламенте в палату общин, которая после расширения социального состава электората, стала казаться британцам выразительницей интересов более широких слоев общества, чем это было прежде. Это обстоятельство подмечал и Н.Г. Чернышевский. Лордов, которые формально не представляли никого, кроме самих себя, поскольку они назначались в верхнюю палату короной, он называет палатой, «...хорошо чувствующей не слишком большую важность свою» [15, с. 176].

Н.Г. Чернышевский подробно останавливался на тех устаревших институтах избирательного права Великобритании, которые, по его справедливому мнению, подлежали непременно упразднению, что должно было послужить делу демократизации парламентского строя. Во-первых, он

указывал на продолжительность срока полномочий палаты общин. По старинным обычаям продолжительность одного и того же парламента не ограничивалась и зависела только от воли короля. По закону парламента не мог пережить только смерти того короля, при котором он был избран. При Карле II (1660 – 1685) работа одного из парламента, на что обращал внимание Чернышевский, продолжалась 17 лет. При Вильгельме III (1689 – 1702) по статуту, называвшемуся трехгодичный закон (Triennial act), было установлено, что один и тот же парламента не может действовать более трех лет, и именно на этот срок стали избирать членов палаты общин. В середине XIX века, согласно закону, принятому еще при Георге I (1714 – 1727), срок полномочий каждого парламента ограничивался семью годами (Septennial act). Сократить срок действий парламента могла, как и прежде, только смерть короля. Сторонники преобразований требовали сокращения этого срока. Н.Г. Чернышевский объяснял их требование тем, что в XVIII веке назначение огромного большинства членов палаты общин зависело от лордов, и частая смена парламента не способствовала самостоятельности депутатов, «...которые только долгим сроком выборов избавлялись от произвола своих патронов» [15, с. 38.]. Такое положение продолжалось до реформы 1832 года, которая, увеличив представительство от городов, ввела в палату общин значительное число независимых от патронов депутатов.

Н.Г. Чернышевский отмечал, что, несмотря на эти положительные сдвиги, на избрание большинства депутатов все еще оказывали влияние лендлорды или даже избрание происходило «просто по их назначению». «Новая реформа, – писал он, – намерена положить конец этому введением тайной баллотировки и другими изменениями. ...Тогда большинство палаты общин будет состоять из людей истинно независимых, и более частые выборы будут принуждать их соображаться не с желаниями каких-нибудь патронов, как было прежде, а с потребностями их избирателей, также делающимися независимыми от патронства, т.е. быть верными представителями общественного мнения» [15, с. 39]. Н.Г. Чернышевский вспоминал о чартистах, которые первым пунктом из шести своей знаменитой «Народной хартии» провозглашали ежегодные выборы палаты общин. Таким образом, сокращение сроков полномочий парламента, введение тайного голосования за кандидатов, по справедливому мнению Н.Г. Чернышевского, должны были способствовать демократизации палаты общин.

Другую задачу Н.Г. Чернышевский видел в введении примерно равных по числу избирателей округов. «Если в одном округе избирателей одна тысяча, – писал он, – а в другом десять тысяч, то второй округ должен выбирать десять депутатов, а первый только одного» [15, с. 84.] В Великобритании в середине XIX века представительство по стране было распределено крайне неравномерно. «...Избирательные округа назначают известное число депутатов, – писал Чернышевский, – вовсе не по пропорции к числу своего населения, как во всех европейских государствах и в Америке, а просто каждый округ

...выбирает известное число депутатов, одно и то же в самых маленьких и в самых больших округах» [15, с. 39].

Н.Г. Чернышевский обращал внимание и на то обстоятельство, что в графствах голоса избирателей, получавших ежегодный доход в размере 50 фунтов стерлингов с арендованных земель, находились под жестким контролем крупных землевладельцев. «Почти вся земля в Англии, – писал он, – сосредоточена, как известно, в руках нескольких сот аристократов, и эти немногочисленные богатые землевладельцы назначают всех, так называемых депутатов графств, то есть почти две пятых части всего числа депутатов, составляющих палату общин» [15, с. 40].

Представительство от городов в середине XIX века, как известно, также было далеким от совершенства, что не осталось незамеченным Н.Г. Чернышевским. В Великобритании сохранялись еще города с числом избирателей менее 500 в каждом, и «...эти 59 городов, имея всего 20 076 избирателей и всего населения не более 373 000, посылают в парламент 89 депутатов, между тем как Ливерпуль, один, имеющий большее число жителей и избирателей, нежели все они вместе, назначает только двух депутатов» [15, с. 40 – 41].

Еще один ярко выраженный недостаток избирательного права Н.Г. Чернышевский связывал с условиями, необходимыми для избрания в парламент. Он справедливо замечал, что обязанность члена палаты общин, «действительно исполняющего свой долг», отнимает чрезвычайно много времени. «Поэтому необходимым дополнением к другим преобразованиям является назначение жалования членам палаты общин». Эта мера помогла бы стать депутатами многим людям «...без состояния, но дорожающим своей независимостью» [15, с. 42].

Выделив эти вопиющие противоречия избирательного права Великобритании середины XIX века, Н.Г. Чернышевский подвел весьма неутешительный итог: «В соединенном королевстве Великобритании и Ирландии считается около 7 000 000 взрослых мужчин. Из них до сих пор только одна шестая часть, немногим более 1 000 000 человек, пользуется правом подавать голос на выборах» [15, с. 42]. Тогда же, в 1859 году, Н.Г. Чернышевский отмечал назревшую необходимость новой реформы избирательного права, указывал, что все реформаторские силы «...хартисты, радикалы и манчестерская школа» солидарны в том, чтобы «каждый взрослый англичанин без всякого различия состояния сделался избирателем» [15, с. 42].

Недостатки британского парламентского строя, со всей очевидностью выявившиеся к середине XIX века, с точки зрения Н.Г. Чернышевского, объяснялись его средневековыми основами, которые в течение длительного времени оставались неизменными. «Английские учреждения сложились так давно, – писал он, – что многое в них от изменения обстоятельств утратило смысл, а между тем вошло в рутину» [15, с. 84.]. Немаловажную роль в сохранении старых конституционных обычаев, по его мнению, играл консерватизм большинства британцев, привыкших поколениями созерцать свои

государственно-правовые институты в неизменном виде. Н.Г. Чернышевский обращал внимание, например, на то, что подача голосов на выборах за того или иного кандидата посредством записи имен кандидатов в реестр, ведет свое начало с тех времен, когда баллотировки еще не знали. «Теперь лучшее (тайная подача голосов – А.М.) отвергается потому, что привыкли к прежнему хорошему, образовавшемуся в дурное с течением времени» [15, с. 84].

Н.Г. Чернышевский, рассматривая британский парламентаризм середины XIX века, отнюдь не питал иллюзий, что в случае устранения формальных его недостатков, парламент станет подлинно народным представительством. Он критически относился к парламентской системе в целом и, очевидно, не видел перспектив для ее возможного утверждения в России. Суммируя взгляды Н.Г. Чернышевского на проблему, отметим, что он дал всестороннюю обоснованную критику британского парламентаризма XIX века, вскрыл его ограниченность. «Мнение народа, и решение парламента – две различные вещи, очень часто нимало не сходные при нынешней системе выборов и нынешнем распределении депутатов» [15, с. 142], – писал Н.Г. Чернышевский о британском парламенте, вынося по сути ему приговор.

Новые подходы необходимы при изучении взглядов на британский парламентаризм крупнейшего представителя русской революционно-демократической мысли XIX века Александра Ивановича Герцена (1812 – 1870). В его работах часто встречаются негативные оценки государственно-правовой системы Великобритании. «Парламентское правление... – писал он, – самое колоссальное беличье колесо в мире. Можно ли величественно стоять на одно ми том же месте, придавая себе вид торжественного марша, как оба английских парламента?» [1, Т. 10. с. 128].

Вместе с тем, у А.И. Герцена мы обнаруживаем конструктивные оценки британских государственных и правовых институтов, которые не вписывались в односторонний подход советских историков. Так, мыслитель противопоставлял конституционную законность британского государственного строя беззакониям бонапартистской диктатуры во Франции. По его мнению, «...два краеугольных камня всего английского быта: личная независимость и родовая традиция – для француза почти не существуют». [2, Т. 3. с. 30]. Француз не видит «...той суровой мощи, которою народ этот отстаивал свои права, того упрямства, вследствие которого из англичанина можно все сделать, льстя его страстям, – но не раба, веселящегося галунами своей ливреи, восхищающегося своими цепями, обвитыми лаврами» [2, Т. 3. с. 30]. Для француза не понятны те основы, на которых покоится британское государство, в частности «...мир самоуправления, децентрализации, своеобразно, капризно разросшийся...» [2, Т. 3. с. 30].

Более того, мы находим у А.И. Герцена глубоко уважительное отношение к многовековому «зданию» британской конституции, превосходящему своей прочностью «причесанный кодекс» Наполеона. Имея в виду воображаемого француза, оказавшегося в Великобритании, А.И. Герцен писал: «Он теряется в несметном разноначалии английских законов, как в темном бору, и совсем не

замечает, какие огромные и величавые дубы составляют его и сколько прелести, поэзии, смысла в самом разнообразии. То ли дело маленький кодекс с посыпанными дорожками, с подстриженными деревцами и с полицейскими садовниками на каждой аллее». [2, Т. 3. с. 30].

В то же время А.И. Герцен полагал, что британское государство, в котором был заложен положительный многовековой опыт борьбы за ограничение произвола власти по отношению к собственникам, отнюдь не выражал интересы всего народа. Между властью и широкими массами, лишенными собственности, лежала непреодолимая пропасть. Разбирая книгу Дж. Ст. Милля «О свободе» А.И. Герцен указывал на то, что в Англии «...самое правительство по той мере мощно, по какой оно служит органам господствующей среды и понимает ее инстинкт». [2, Т. 3. с. 63.]. Саму же эту «господствующую среду» здесь «...*составляет среднее сословие*» [2, Т. 3. с. 63].

А.И. Герцен считал, что дальнейший прогресс британского парламентаризма связан с активностью народа, который выступал за политическое равноправие с аристократией и буржуазией. В случае если народные массы не добьются желаемого, перспективы внутривнутриполитического развития Великобритании представлялись А.И. Герцену весьма мрачными. Он обоснованно разделял опасения Дж. Ст. Милля о том, что при неблагоприятном для трудящихся исходе внутривнутриполитической борьбы в стране может установиться неограниченный диктат государства над своими подданными деспотического, «китайского» образца при сохранении видимости парламентаризма и буржуазной демократии. «Если народ и в Англии будет побит, – писал А.И. Герцен, – как в Германии во время крестьянских войн, как во Франции в Июньские дни, – тогда Китай, пророчимый Стюартом Миллем, не далек. Переход в него сделается незаметно, не утратится... ни одного права, не уменьшится ни одной свободы, уменьшится только *способность пользоваться этими правами и этой свободой!*» [2, Т. 3. с. 67].

Таким образом, выдающийся мыслитель А.И. Герцен не мог не признать ценность и уникальность британского парламентаризма, ставшего результатом многовекового развития государства, но, вместе с тем, критикуя современное ему состояние политических институтов этой страны, он считал необходимой их дальнейшую демократизацию, движущей силой которой должны были стать трудящиеся массы.

Заметное место проблемы развития британского парламентаризма занимают в творческом наследии друга и соратника А.И. Герцена Николая Платоновича Огарева (1813 – 1877). Анализ государственной структуры Великобритании у него был тесно связан с анализом исторического развития страны. «Английская конституция, – писал он, – в самом деле представляет тот *состав*, в который Англия выработалась всей своей исторической жизнью...» [11, с. 613].

Н.П. Огарев показал исторический путь формирования британского парламентаризма, начиная с XIII столетия вплоть до XIX века. Он обращал

внимание на то, что со времени принятия Великой хартии вольностей в 1215 году главные бароны (*barones majores*) отличались от меньших баронов (*barones minores*) родом поземельной собственности и формой приглашения на заседания парламента. К меньшим баронам присоединились представители городов (*burgesses*) и их число в парламенте по мере социального развития Англии все увеличивалось [11, с. 613 – 614].

Тем, что в Англии выработалось «два представимых элемента» – «собственность феодальная, поземельная, неотчуждаемая и собственность приобретенная...» [11, с. 614.], Н.П. Огарев и объяснял возникновение двухпалатного парламента. Первый элемент обусловил появление охранительной, опирающейся на старые традиции и отношения верхней палаты – палаты лордов, второй – более динамичной, восприимчивой к меняющимся социально-экономическим и политическим реалиям палаты общин, «...палаты людей, имеющих всякого рода свободную отчуждаемую собственность, следовательно, выбираемых в представительство теми, которых собственность не ниже установленного ценза» [11, с. 614].

Н.П. Огарев показал всю глубину той трансформации, которая охватила государственный механизм Великобритании в XIX века и нашла свое наиболее яркое выражение в парламентских реформах, способствовавших началу присутствия буржуазии в управление страной. «В сущности, и в Англии... власть принадлежит буржуазии, - писал он, - то есть тому среднему сословию, которое разжившись за счет народа, опрокинуло феодализм, а само отделилось от народа» [10. с. 327].

Для Н.П. Огарева совершенно очевидно, что первыми плодами совместной борьбы трудящихся и буржуазии за свое политическое равноправие, против монополии аристократии на власть в стране воспользовалось только «третье сословие», предавшее своих недавних союзников и разделившее власть со своим недавним противником – аристократией. Все это наглядно продемонстрировала реформа 1832 года.

Вслед за деятелями европейского Просвещения Н.П. Огарев считал чрезвычайно важным государственным принципом – принцип разделения властей, который он находил в британской конституции. Оценивая роль королевской власти в государственном строе Великобритании середины XIX века, Н.П. Огарев отмечал, что она, уступая все более усиливающемуся в результате проводимых преобразований представительству, свелась к роли «центральной управы королевства, исполнительной власти, подчиненной парламенту» [11, с. 614].

Оставаясь по форме конституционной монархией, страна фактически получила правление кабинета, который нес политическую ответственность за свои действия перед палатой общин. В этом и нашло свое выражение разделение властей, выгодно отличавшее Великобританию от государств с неограниченной властью монарха. «Таким образом, выросла из состава целой исторической жизни конституция олигархо-буржуазной республики с монархическими формами» [11, с. 615].

Н.П. Огарев критически оценивал современный ему, социально ограниченный британский парламентаризм. Он отлично понимал, что британский парламент – это парламент землевладельцев и буржуазии. Н.П. Огарев писал: «...Интересы собственников дошли до того развития, что парламент, их представитель, сделался формальным собранием» [11, с. 149].

Такая оценка очень созвучна с мнением Н.Г. Чернышевского. Вместе с тем Н.П. Огарев видел, что уже первая парламентская реформа, проведенная в Великобритании в 1832 году, была крупным шагом вперед на пути демократизации британского парламента и формирования демократического народного представительства.

Таким образом, подход Н.П. Огарева к оценке британского парламентаризма нельзя считать однозначным. Он скорее позитивно оценивал потенциальные возможности, заложенные в парламентской системе, чем действительное социально-политическое состояние Великобритании в середине XIX века.

Другой представитель радикального направления общественной мысли России Н. А. Добролюбов главной социально-экономической причиной изменений британского парламентаризма, начатых реформой 1832 года, справедливо считал бурное развитие капитализма, результатом которого стало то, что «...среднее сословие выдвигалось в своем значении и было уже в состоянии тягаться с землевладельческой аристократией» [7, с. 21].

Экономическое процветание британской буржуазии, способствовавшее росту ее политических амбиций, стало реальностью после того, как «...в конце XVIII века в промышленности Англии произведен был переворот изобретениями Уатта и Эркрайта. ...Усовершенствованный Эркрайтом механический ткацкий станок и применение к машинам парового двигателя, сделанное Уаттом, дали совершенно новый вид промышленности Англии и всей Европы» [7, с. 21].

Для Н. А. Добролюбова были важны именно социально-экономические предпосылки внутривнутриполитических изменений в Великобритании XIX века.

Бурное развитие капитализма в конце XVIII – начале XIX века привело к неминуемому столкновению буржуазии с земельной аристократией, являвшейся до этого монополистом в управлении страной. На это указывал Н. А. Добролюбов: «Английская аристократия вступила в антагонизм с буржуазией с самого начала сильного развития промышленности Англии. С одной стороны, была поземельная собственность и родовые привилегии, с другой – капитал и индустриальные стремления» [7, с. 23].

При этом революционер-демократ Н. А. Добролюбов связывал начало внутривнутриполитического брожения в Великобритании и с влиянием Великой французской революции, развитие событий по варианту которой было совершенно не приемлемо для британского правящего класса. «...Аристократия, – писал он, – была ужасно встревожена демократическими тенденциями французской революции и даже опасалась, чтобы что-нибудь подобное не повторилось в Англии» [7, с. 23].

Н. А. Добролюбов отмечал, что по мере развития капитализма начались активные миграционные процессы, вызванные оттоком разорившихся британских крестьян в крупные промышленные центры. «Скоро сделалось заметным преобладание индустриальных интересов перед земледельческими, сельское население переходило в города, огромные массы бедного народа группировались в промышленных центрах...» [7, с. 23].

В связи с этим одной из острейших внутриполитических проблем становилось политическое бесправие жителей городов, в которые становились центрами экономической активности. За право посылать своих депутатов в палату общин все активнее в начале XIX века начинают выступать буржуазия и рабочие таких густонаселенных, промышленно развитых городов как Манчестер, Лидс, Бирмингем и ряда других.

Начавшееся движение затормозили Наполеоновские войны, а после реставрации во Франции правящие круги Великобритании, как отмечал Н. А. Добролюбов, «...увидели, что народ бояться нечего, и вздумали действовать против буржуазии. Торийское министерство до 1822 года представляет ряд стеснительных и обременительных законов, имевших целью ограничить развитие гражданской свободы преимущественно в средних классах». [7, с. 23].

Однако с середины 20-х годов XIX века движение за расширение избирательного права становится необратимым. Английская буржуазия первоначально выступила в союзе с трудящимися массами страны против монополии на власть аристократии, поскольку капиталисты «...действительно в это время чувствовали нужду в поддержке масс для успеха в борьбе...» [7, с. 24].

Ключевым событием в борьбе буржуазии за политическое равноправие Н. А. Добролюбов справедливо считал реформу 1832 года. При этом он справедливо отмечал ее ограниченный характер, подчеркивал, что плодами этой меры воспользовалась буржуазия страны, пополнившая ряды противостоящей бесправному народу политической элиты. Заигрывания с трудящимися фабриканты продолжали только до принятия «...билля о реформе 1832 года, придавшего им довольно прочное значение в парламенте и тем обеспечившего их и со стороны аристократии и со стороны масс работников, о которых, впрочем, на словах, они и после того не переставали заботиться» [7, с. 24].

Негативное отношение к буржуазному парламентаризму, не отражающему интересы широких народных масс, подкреплялось у Н. А. Добролюбова и отрицательным отношением к непоследовательному западноевропейскому реформизму в целом. «Желание помочь делу *как-нибудь* и *хоть сколько-нибудь*, замазать трещину хоть на короткое время, остановиться на полдороги к цели, удовольствоваться полумерой, в надежде, что потом *авось* это делается само собой, по неминуемым законам прогресса, – такое направление деятельности вовсе не есть исключительное свойство русского человека... Так поступают деятели всех народов» [6, с. 468].

Выступая сторонником радикальных преобразований, Н. А. Добролюбов полагал, что подобные реформе 1832 года «...половинные меры именно и оказываются фальшивыми» [6, с. 470].

Для Н. А. Добролюбова западноевропейский реформизм был совершенно не пригоден в качестве возможного метода преобразований русского самодержавия и крепостничества. «Да, счастье наше, - писал он, - что мы позднее других народов выступил на поприще исторической жизни. Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего она теперь дошла, мы можем питать себя лестной надеждой, что наш путь будет лучше. ...А главное – мы можем и дальше идти решительнее и тверже...» [6, с. 470].

Анализ взглядов представителей радикального направления русской общественной мысли на проблемы британского парламентаризма будет не полным, по нашему мнению, без обращения к материалам первой русской бесцензурной политической газеты «Колокол». Правда, в качестве ее корреспондентов, остановимся на уже упомянутых деятелях.

Многие отечественные мыслители полагали, что стабильность внутривнутриполитического процесса в Великобритании обусловлена в основном консерватизмом британцев, который является, чуть ли не национальной особенностью и передается из поколения в поколение. Однако А.И. Герцен во втором номере «Колокола» совершенно справедливо отмечал, что этот консерватизм есть средство защиты тех устоев, которые стали следствием длительного, сложного и противоречивого развития государства и общества. «Народы, – писал он, – вживаются до того в вековые формы и обряды, что не понимают жизни в других формах, хотя бы они были лучше. Консерватизм Англии основан на этом, но для того, чтобы иметь эти обязательные воспоминания, надобно много прожить, надобно что-нибудь иметь для хранения» [8, 1857. № 2].

Длительная традиция политического компромисса в истории Великобритании предопределила эволюционный характер изменений в XIX веке, который отличал ее от стран континентальной Европы. «В то время, – писал А.И. Герцен в «Колоколе», – как Франция с 1789 года шла огнедышащим путем катаклизмов и потрясений, двигаясь вперед, отступая назад, метаясь в судорожных кризисах и кровавых реакциях, Англия совершала свои огромные перемены и в Ирландии и в колониях, с обычным флегматическим покоем и в совершенной тишине» [8, 1857. № 2].

Для сохранения внутривнутриполитической стабильности, основ государственности властвующая часть британской политической элиты делала уступки требующим перемен силам всякий раз, когда ситуация грозила выйти из-под контроля. Вспоминая об отмене протекционистских хлебных законов и предвосхищая наделение правом голоса на выборах в парламент значительной части рабочих, А.И. Герцен подчеркивал: «Весь правительственный такт Ториев и Виггов состоит в умении упираться пока можно и уступать, когда время пришло. Так как Роберт Пиль – переходом своим на сторону свободной

торговли, одержал экономическое Ватерлоо, для правительства; так одно из будущих министерств вступит в сделку с Чартистами и даст интересам работников – голос и представительство» [8, 1857. № 2].

Н.П. Огарев, который, как было показано выше, политический процесс в Великобритании теснейшим образом увязывал с ее социально-экономическим развитием, с особенностями английского феодализма, стремился объяснить британскую политическую специфику именно этими факторами. «Феодализм, – писал он в «Колоколе» в феврале 1858 года, – развил в Европе понятие чести и неприкосновенности лица; революции утвердили неприкосновенность собственности. Нигде феодализм не достиг такого развития, выросши и оставшись на основаниях сосредоточенного землевладения, как в Англии, и нигде понятие неприкосновенности лица не пустило такие глубокие корни в общественном мнении» [8, 1858. № 8].

Для Н.П. Огарева именно личная неприкосновенность земельных собственников, зафиксированная еще в «Великой хартии вольностей», стала краеугольным камнем аристократической государственности, вобравшей в себя корону и парламент и на долгое время подчинившей их своему контролю. Личные права и свободы для лиц, лишенных собственности, не смотря на их юридическое оформление, в том числе и в Habeas Corpus Act'e, стали простой формальностью. «...Развившись в эту сторону уважения к лицу, Англия достигла в этом и до уважения полной свободы лица умереть с голоду. Сосредоточенность землевладения сосредоточила и уважение к лицу только для собственника, – понятие чести только для собственника» [8, 1858. № 8].

Таким образом, для Н.П. Огарева была совершенно ясна антинародная в социально-экономическом отношении сущность британской государственности. Права и свободы для большинства британцев не были подкреплены возможностями ими воспользоваться. Между их провозглашением и реализацией на практике лежала долгое время непреодолимая пропасть.

В том же номере «Колокола» А.И. Герцен обращал внимание на британский внутриполитический либерализм, обеспечиваемый в немалой степени свободой прессы, которая часто спускала политических небожителей на землю, давала возможность читающей публике приблизиться к венценосным особам, видным политикам, почувствовать себя согражданами с ними. «Перелистуйте, – писал он, – лондонский Пунш («Punch» – А.М.), посмотрите на политические карикатуры его, в которых всего меньше пощажены муж королевы – что же делает Виктория, что делает Альберт – глядят Пунш и смеются с другими. Вот лучшее доказательство как совершеннолетна Англия. С другой стороны, посмотрите это исступление, эту тревогу, с которой преследуют каждый свисток, каждую улыбку во Франции... и подумайте о причинах» [8, 1858. № 8].

Британская политическая система оказывалась способной к самоиронии, поскольку в отличие отфранцузской, основанной на подавлении политических свобод, была прочнее в силу уважения к ним.

В марте 1858 года в разделе «Смесь» А.И. Герцен с резкой критикой обрушился на газету «Русский инвалид», которая «...журиет Англию за то, что она еще не изменила тем великим началам, на которых выросла её сила и слава...» [8, 1858. № 10].

В полемическом задоре А.И. Герцен восклицал: «Англия единая страна, где есть справедливость. А вы будете ей там давать советы, объявлять неудовольствие, вы, не имеющие ни прав, ни законов; вы, которые не можете дойти до того, чтоб судьи не были воры, чтоб дворяне не брали за свое знамя – розги, чтоб квартальные не дрались по улицам? Учитесь лучше у Англии, да занимайтесь своим делом!» [8, 1858. № 10].

Н.П. Огарев в статье «Письма к соотечественнику», опубликованной в «Колоколе» в том же году, выводил принципиальные отличия отечественной политической системы от западноевропейских стандартов из особенностей социально-экономического развития России. Преобладание общинных начал в ее экономике и общественной жизни препятствовало утверждению частного политико-правового статуса – важнейшего фактора становления представительства. «... Отстаивая, – писал он, – свое юридическое феодальное начало против центральных властей и, расширив право собственности до признания юридической самостоятельности и для собственности движимой, оно (европейское развитие – А.М.) дошло до права участия собственников в общественных делах и следственно до представительного правления. Высшее развитие Европы – Англия, и заметьте – это остров; в его границах составные части организма совершили брожение самое ясное, самое определенное...» [8, 1860. № 77 – 78].

Русская община отдалила основную массу населения от государства, четко очертив круг актуальных местных экономических и политических интересов. Государственный и общественный векторы развития не слились воедино в России, не стали дополнением друг друга. Данное обстоятельство превращало государство в обособленную от народа систему, имевшую тенденцию к закрытости и самоизоляции. Народ, сакрализировал власть, отстранял ее от себя, вполне довольствовался общинным самоуправлением. Со своей стороны, государство сохраняло крепостное право и общину как факторы сдерживания легитимного внутривластного процесса. «... Россия, – писал Н.П. Огарев, – была равнодушна к форме правления, и в то время как Европа выработала себе выборное начало для представительства в законодательных собраниях, оставив центральному правительству администрацию и назначение судей, тоже ограниченных учреждением присяжных, – русский народ, в своем обычае, сохранил выборную администрацию и мирской суд, не подумав об остальном отношении к центральной власти» [8, 1860. № 77 – 78].

Н.П. Огарев не видел длительной перспективы такого «сосуществования» власти и народа. По мере своего развития русское общество должно было выработать эффективное государственное управление. «...Правительственное управление должно отвалиться как латино-германская форма, не привившаяся к общественному экономическому началу русской народной

жизни; юридические формы должны создасться из экономического начала, но себе подчинить его не в силах» [8, 1860. № 77 – 78].

Н.П. Огарев критиковал британский парламентаризм, впрочем, как и большинство парламентских систем, за возможность диктата большинства, которое практически не принимало во внимание мнение меньшинства. Однако в условиях британской государственности, это до какой-то степени компенсировалось гарантией личной неприкосновенности и свободы. «Англия... упрочила личную свободу и безопасность, – писал Н.П. Огарев в статье «Разбор нового крепостного права», опубликованной в «Колоколе» в августе 1861 года, – в своем самом живом учреждении – в суде присяжных; а между тем как высшие сословия, оградясь парламентом от поползновений королевской власти на своеволие, создали свой парламентский деспотизм, который общественные дела решает большинством голосов, наиболее своекорыстных, потому что это большинство из представительства сословного: в то же время личная свобода и безопасность ограждены, даже и от парламентского деспотизма, решением суда присяжных – *единогласным*. Англия в основание своей свободы поставила *единогласие* в суде» [8, 1861. № 105].

Таким образом, судебная власть в этой стране могла нейтрализовать возможный произвол власти законодательной, ставя интересы и права отдельной личности выше общих законоположений парламента.

Радикальная политическая мысль России второй половины уделила большое внимание изучению проблем развития британского парламентаризма. В целом для них был характерен критический подход к парламентскому строю в Великобритании и, особенно, к весьма ограниченному реформизму, который сумел расширить рамки политической элиты страны за счет включения в нее представителей буржуазии, но не изменил социальной ограниченности британского парламента.

Предмет настоящей статьи представляется весьма актуальным. В условиях современного «цивилизационного разлома» с Западом, нельзя пренебрегать интеллектуальным наследием мыслителей прошлого, каковыми, вне всякого сомнения, являются видные отечественные демократы второй половины XIX века. Признавая значение британского парламентаризма, они справедливо полагали, что в его основании лежат выработанные английским народом локальные социальные и экономические формы. Неповторимость общественных и политических институтов и невозможность их механического переноса на иную национальную почву обуславливает потенциал государственно-правового «творчества» для любой страны, и, разумеется, России с ее богатейшей историей, раскрывающей ее самобытность и непреходящее значение.

Ссылки и примечания:

1. Герцен А.И. Былое и думы // Собрание сочинений: В 30-ти т. / [Ред. колл: В. П. Волгин (Гл. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954 –1966.
2. Герцен А.И. Былое и думы. Т.3 // Сочинения в 4-х т. – М.: Правда, 1988. – 560 с.
3. Герцен А.И. О буржуазной Европе (1854 – 1855) // Литературное наследство. Т. 61. – М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького, 1953. – С. 113-124.
4. Герцен А.И. Неопубликованные главы из «Comicia Rossa» (1864) // Там же. – С.125-132.
5. Добролюбов Н.А. Из Турина // Полное собрание сочинений в шести томах. – М.: ОГИЗ, Государственное издательство «Художественная литература», 1941. - Т.5. – С.78 –103.
6. Добролюбов Н.А. От Москвы до Лейпцига. И. Бабста // Там же. – Т.5. – С. 452 – 471.
7. Добролюбов Н.А. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ // Собр. соч. в 9 т. / Под общ.ред. Б.И. Бурцева. – М.: Гослитиздат, 1962. – Т. 4. – С.7 – 47.
8. Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1857 – 1862.
9. Огарев Н.П. Ответ на «Ответ «Великорусу» // Там же. – С.537 – 547.
10. Огарев Н.П. Ответ на письмо малороссийского помещика // Там же. – С. 325 – 346.
11. Огарев Н.П. Расчистка некоторых вопросов. Статья вторая. Конституция и земский собор // Избр. соц.- полит. и философ. произв. – М.: Госполитиздат, 1952. – Т.1. – С. 612 – 641.
12. Огарев Н.П. Русские вопросы. Статья третья. Крестьянская община // Там же. – С. 137 – 169.
13. Чернышевский Н.Г. «Русская беседа» и славянофильство // Избр. эконом. произв. в 3 т. – М.: Госполитиздат, 1948. – Т.1. – С. 91 – 100.
14. Чернышевский Н.Г. Нынешние английские виги // Там же. 1950.- Т. 7. – С. 388 – 409.
15. Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника» // Полн. собр. соч. – М.: ГИХЛ, 1949. – Т. 6. – 545 с.

УДК 94 (930.1) "20 в"

В.В. Разумный

кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

М.А. Майкова

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: m-maykova@inbox.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПЕРСИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация

В данной статье исследуются письменные источники по истории Персии в начале XX века. На основе изученных исторических источников сделан анализ степени изученности и актуальности данной темы. Представлена попытка систематизировать основные источники.

Ключевые слова: *письменные источники, Каджарская Персия, Иран, зарубежные и отечественные источники.*

Summary

This article is devoted to study of the written sources on the history of Iran at the beginning of the XX century. Based on the studied historical sources, an analysis of the degree of study and relevance of this topic is made. It was an attempt to systematize the main sources is presented.

Keywords: *written sources, Qajar Persia, Iran, foreign and domestic sources.*

Для изучения сложного и насыщенного историческими событиями периода истории Персии в начале XX века необходимо хорошо знать специфику и особенности исторических источников этой ближневосточной страны. Персия на начале XX века испытала потрясения революционными событиями 1905 – 1911 годов. Она стала ареной противостояния Великих держав, на ее территории, несмотря на нейтральный статус, развернулись военные действия в период Первой мировой войны. Поэтому знание исторических источников поможет исследователю рассмотреть сложные моменты в истории Персии. Предметом научного познания может быть явление реального мира, в том числе и явление прошлого, которое отражается в нашей действительности путем его изучения и анализа посредством исторических источников.

История Персии в период Нового времени включает в себя большое количество источников, которые, на наш взгляд, можно структурировать по хронологическому, географическому, тематическому и другим признакам.

Отметим, что письменные источники имеют собственную классификацию, поэтому в работе они будут представлены на основе линейной схемы Л.Н. Пушкарева: документальные и повествовательные письменные источники, которые подразделяются на виды.

Отдельные периоды истории Ирана начала XX века документированы самыми разнообразными письменными источниками. Это царские указы, деловые и правовые документы, посвятительные тексты, межгосударственные договоры. Особенно многочисленны источники по истории Персидской державы начала XX века: законодательные акты, указы и распоряжения правителей, официальные и личные переписки, мемуары и т.д.

Цель работы – проанализировать и выделить основные письменные источники по истории Каджарской Персии начала XX века.

Данная цель подразумевает решение следующих задач:

- 1) изучить письменные источники по данной тематике;
- 2) показать значимость письменных источников для формирования образа Персии и других стран в начале XX века;
- 3) выделить основные и актуальные темы, которые представлены в источниках по данной теме;
- 4) поэтапно проанализировать каждый вид письменного источника, как зарубежного, так и отечественного;
- 5) сделать общий вывод по данному вопросу.

В данной статье мы будем использовать термин «Персия», поскольку только лишь в 1935 году эта древняя, ближневосточная страна получила новое название – Иран. Это, с нашей точки зрения, будет вполне логично, потому что речь будет идти о событиях начала XX века, которые произошли до 1935 года.

Рассматривая внешнеполитические аспекты истории Персии в указанный исторический период, следует обратить внимание на тот факт, что история дипломатических отношений сложна и противоречива, но именно характер этих межгосударственных связей во многом определяет геополитическую ситуацию рассматриваемого региона, учитывая трансформацию современного миропорядка в наши дни.

Акцент в изучении этих сюжетов на протяжении многих десятилетий делался на исследовании геополитического противостояния, борьбы за те или иные интересы великих держав в конце XIX – начале XX века.

К концу XIX века на Ближнем Востоке в единый клубок сплелись экономические, политические, геополитические проблемы. Противоборство приняло настолько острый характер, что компромиссы казались невозможными.

Документальные источники по истории Персии в начале XX века включают в себя законодательные документы, так как особенно актуальными были и остаются события персидской революции 1905 – 1911 годов. При

изучении данного периода важно рассмотреть также и другие законодательные акты, принятые иранским меджлисом, мемуары, дневники путешественников и общественно-политических деятелей Персии, исторические труды современников революции, посвященные вопросам распространения конституционных идей в Персии в начале XX века, анализу предпосылок. Особое значение в этом вопросе имеют тексты Конституции Каджарской Персии, принятой в 1906 году [1].

Для изучения революционных событий важно подчеркнуть значение документов различных политических партий и организаций. Они освещали события «великого времени» в истории Персии – именно так в листовке Тифлисского комитета РСДРП 29 сентября 1908 года, назвали революционные события в этой ближневосточной стране [2]. Этот документ хранился в Фонде библиотеки Тбилисского филиала ИМЭЛ и теперь размещен в сети Internet.

Для изучения истории Персии в начале XX века необходимо изучить телеграммы и сообщения органов государственной власти и дипломатических миссий. В частности, это «Сообщение начальника Эриванского губернского жандармского управления начальнику Тифлисского губернского жандармского управления от 2 сентября 1908 г.» [3], «Докладная записка министра иностранных дел Извольского премьер-министру Столыпину от 21 февраля 1908 г.» [4]. Интерес для изучения данной темы представляет также «Программа персидской революционной мелкобуржуазной организации «Муджахид» [5].

В изучении внутривосточной жизни Персии начала XX века имеет значение «Устав персидского отдела «Общества муджахидов» [6]. Следует сказать, что этот источник содержит достаточно подробную информацию о новом Уставе, обязательном для всех «муджахидинов».

Кроме того, значительный интерес для изучения революционных событий в Персии в период 1905 – 1911 годов представляют статьи, напечатанные в большевистских партийных изданиях. Особенно важно проследить, как эти события отражались в работах лидера партии большевиков В.И. Ленина [7].

В изучении вопросов внешней политики Персии в начале XX века необходимо обратиться к документам зарубежных дипломатических миссий. Изучение тактики и позиций иностранных и русских дипломатов, работавших в Персии в конце XIX – начале XX веков, позволяет лучше изучить данную проблематику.

Здесь следует, на наш взгляд, уделить внимание британским документам, где представлены отчеты и документы Министерства иностранных дел. Историко-документальный департамент МИД России также предоставляет большое количество письменных документов, которые дают информацию о внешнеполитической ситуации вокруг Персии в начале XX века. Для нас представляет интерес англо-русская конвенция, которая была подписана в 1907 году и является одним из важнейших исторических источников [8].

Интересную информацию о ситуации в Персии в начале XX века оставил в своих мемуарах Артур Гардинг, двоюродный брат известного дипломата Чарльза Гардинга, который возглавлял британскую дипломатическую миссию в период 1900 – 1906 годов в Персии. Он имел собственную точку зрения относительно англо-русского соперничества в Персии. Его отношение к событиям в Персии нашло свое отражение в мемуарах, опубликованных в Лондоне в 1947 году [9].

Деятельность британского посланника вызвала серьезную озабоченность среди русских дипломатов в Персии. Этой деятельности посвящена обширная секретная переписка между российскими дипломатическими представителями в Персии, МИД России и посольством в Лондоне, которая сейчас хранится в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) [10].

О сложностях дипломатической борьбы в Персии рассказал в своих мемуарах Дж. Бьюкенен, который был послом Великобритании в Санкт-Петербурге. Вот как он описывал события 1911 года: «Я рассказал предыдущие инциденты, чтобы показать, как трудно было обоим правительствам действовать в согласии, принимая во внимание диаметрально противоположные точки зрения каждой из стран» [11, с. 79–80].

Важную информацию, которая отражала британское восприятие англо-русского соперничества в Персии в начале XX века, можно найти в письменных источниках британского дипломата Сесилия Спринг-Райса. Особый интерес представляет его обширная переписка, состоявшая из официальных и полуофициальных сообщений, направлявшихся в ForeignOffice, и писем частного характера: друзьям, сестре, что относится к повествовательным письменным источникам [12].

Изучая источники, мы можем констатировать тот факт, что история действительно демонстрирует процесс цикличности. Это будет более понятно после изучения нескольких писем дипломата С. Спринг-Райса, где он признавал, что игнорировать Россию – невозможно. «Ресурсы этой страны так неисчерпаемы, что в итоге она вырвется вперед, как когда-то Америка», – предсказывал он в одном из писем [12, т. 2, с. 60].

Значительный объем информации по истории Персии в начале XX века содержат переписка, отдельные аналитические труды, меморандумы дипломатов, таких как Э. Грей – глава британского ForeignOffice в начале XX в. [13], П.М. Власова – российского посланника в Персии, который много лет прожил в Персии и умер в 1904 году в Тегеране [14]. Следует подчеркнуть тот факт, что П.М. Власов ранее выполнял ответственную миссию российского правительства в Абиссинии (Эфиопии).

Интересная информация о внутривнутриполитической жизни Персии начала XX представлена в работе американского государственного служащего Уильяма Моргана Шустера, который выполнял функции генерального казначея Персии в период 1906 – 1911 годов. Его работа «Удушение Персии» была опубликована в 1912 году в США [15].

О влиянии США на Персию в начале XX века свидетельствуют документы «Дипломатические отношения между Соединенными Штатами и Персией, 1883-1921», собранные Абрахамом Эзельсоном [16]. Значительное число документов, касающихся внешней политики стран Европы по отношению к Ирану собраны З.С. Штайнером в сборнике «Тексты Министерства иностранных дел и внешней политики, 1898 – 1914» [17].

В развитии американо-иранских отношений были заинтересованы обе стороны, доказательством этого является секретное письмо Насер ад-Дин шаха президенту Соединенных Штатов с просьбой о помощи в развитии промышленности, в частности привлечение к Ирану внимание компаний, предпринимателей и промышленников [16, с. 39 – 40].

Для усиления в Персии экономического влияния США, своей первоочередной задачей дипломатические представители считали подрыв политических и экономических позиций Великобритании и России в Персии. К примеру, по свидетельству Эзельсона, американский посланник Бенджамин был одержим идеей борьбы против русских [16, с. 38 – 39].

Особый интерес представляет тема развития ирано-американских отношений с конца XIX до середины XX веков. В истории этого вопроса весьма ценными, на наш взгляд, являются сообщения русского консула в Турции А.М. Колюбакина о деятельности американских миссионеров в Персии и районах турецко-персидской границы [18].

Действия американских дипломатов и миссионеров вызвали озабоченность в русских дипломатических кругах. Правительство Российской империи в ультимативном порядке потребовало от Персии не приглашать иностранцев на службу без предварительного согласия России и Великобритании и возместить причиненный ущерб [19].

Публикуемые документы о нахождении русских военных кораблей в Персидском заливе, хранящиеся в фонде Главного морского штаба в Российском государственном архиве Военно-морского флота представляют интерес, поскольку они являются источником для изучения политической обстановки, сложившейся в первые годы XX в. в бассейне Персидского залива в связи с соперничеством европейских государств. Более того, эти документы содержат ценные свидетельства, характеризующие внешнюю политику России в этом регионе накануне русско-японской войны [20]. Из этих документов мы находим информацию о визите в декабре 1901 года в Персидский залив легендарного русского крейсера «Варяг», который навсегда войдет в историю военно-морского флота России. На наш взгляд, среди этих дипломатических источников необходимо подчеркнуть значение следующих документов: письмо В. Н. Ламздорфа П. П. Тыртову от 20 октября 1901 г. [21], письмо П. П. Тыртова В. Н. Ламздорфу от 27 апреля 1902 г. [22], донесение посланника в Персии П. М. Власова В.Н. Ламздорфу от 15 января 1903 г. [23], письмо Н. В. Богоявленского управляющему генеральным консульством России в Бушире (Персия) Г. В. Овсеенко от 16 июня 1902 года [24].

Для понимания событий, которые происходили в Персии в начале XX века, интерес представляют документы, собранные в «Военном сборнике» Ф. Чернозубова, где был представлен краткий очерк на основе персидских источников [25].

Источниками по данной теме могут служить сборник документов «Переписка о персидских делах», который в мельчайших подробностях дает описание событий в Персии с декабря 1906 по ноябрь 1909 годов [26]. Интерес также представляют «Дипломатические и консульские донесения» [27], «Отчет о положении и видах британской торговли в Персии» Маклина [28], «Отчет о торговле в северо-восточной Персии» Гринсиля [29].

Французское правительство не изобилует информацией об истории Персии в данный период, но достаточно обратиться к «Perse d'aujourd' hui» Эжена Обэна. Имя этого дипломата хорошо известно широкой публике, благодаря его блестящим книгам об Индии, Египте и Марокко. Его настоящая фамилия Дэко: он был французским посланником в Персии [30].

Для рассмотрения истории Персии в начале XX века необходимо обратиться к материалам периодической печати. Отметим, что публицистика и материалы газетных изданий были достаточно востребованы обществом в рассматриваемый период, что, на наш взгляд, было связано с развитием журналистики и популярности газет и журналов.

События в Персии вызывали живой интерес у населения Российской империи, поэтому журналисты анализировали действия дипломатов по дальнейшему развитию русско-персидских отношений. Особенно часто освящалась деятельность русских консулов в Персии, которые работали достаточно в сложной и опасной обстановке.

Важной составной частью работы русской консульской службы в Персии периодические издания считали содействие взаимной торговле и регулярно публиковали материалы о конкретных предметах русско-персидской торговли и о действиях русских дипломатов в этом направлении.

В целом русская пресса выражала поддержку русским дипломатам в их нелегком труде. Приведем для примера следующую цитату из «Биржевых ведомостей» за 3 июня 1908 года: «...Наша дипломатия дала Персии немало весьма почтенных деятелей, как, например, бывший поверенный в делах Сомов А.Н., бывший первый драгоман Батюшков Г. Д., ... Богоявленский П. Г. Служба же в Персии нелегка...» [31- 32].

О внутривосточной ситуации в Персии в начале XX века свидетельствуют записки русского военного корреспондента Н.П.Мамонтова, которые были изданы в 1909 году [33]. Также заслуживают внимания две книги Саркиса Атрпета «Имамат. Страна поклонников имамов» и «Мамед-Али шах» [34]. Говоря об истории Персии в начале XX века, необходимо обратить внимание на работу бывшего русского консула, а затем посланника в Иране и заведующего Азиатским департаментом Министерства иностранных дел России И. А. Зиновьева «Россия, Англия и Персия» [35].

Много интересного материала по истории Персии начала XX века можно найти на страницах российских газет «Биржевые ведомости» [36], «Голос Москвы» [37], «Новое время» [38], «Московские ведомости» [39], «Утро России» [40], «Вестник Европы» [41].

Информацию о событиях в Персии можно найти в британской брошюре «Краткое повествование о последних событиях в Персии» [42], где достаточно четко были описаны события, происходящие в этой ближневосточной стране в начале XX века.

Таким образом, в результате исследования можно сделать вывод о том, что существует большое количество письменных источников по рассматриваемой теме, которые представляют собой целую группу отдельных видов в общей классификации всех источников по истории Персии в начале XX века.

Отметим, что значимость письменных источников для формирования образа Персии и других стран в начале XX века крайне важна, что показал поэтапный анализ каждого из источников, как зарубежного, так и отечественного происхождения.

Следует отметить, что в документах самой актуальной была тема взаимоотношений Ирана с Россией, Великобританией, Германией, Францией и США. Также большое внимание уделяли вопросу Персидской революции 1905 – 1911 годов, настроению общества, событиям в других странах мира.

Большое количество письменных источников, представленных в виде личных переписок, мемуаров, писем, дневников имеют значительную информацию по истории Персии в указанном историческом времени.

Деловая переписка являлась одним из основных видов документальных источников, благодаря информационной достаточности, логике изложения, ясности и недвусмысленности сообщения.

Публицистика и материалы периодической печати способствовали формированию общественного мнения и давали точную информацию о том, как общество оценивает события и каковы дальнейшие перспективы их развития.

Письменные источники по истории Ирана в начале XX века отражают объективную картину исторических событий, произошедших в этой ближневосточной стране в начале XX века. На наш взгляд, письменные источники можно представить на следующие основные группы:

- 1) Конституция Персии 1906 года;
- 2) законодательные акты Персидской империи;
- 3) телеграммы, сообщения,
- 4) дипломатические документы, докладные записки дипломатических миссий;
- 5) сочинения, принадлежащие к жанру литературы путешествий и мемуарной литературы;
- 6) публицистика и материалы периодической печати.

Ссылки и примечания:

1. Конституция Персии 1906 года. URL: https://mashruteh.org/wiki/index.php?title=مطورشم_ی_ساسان_نوناق
2. Фонд библиотеки Тбилисского филиала ИМЭЛ, инв. № 40, перевод с грузинского. Там же имеется такая же листовка с подписью «Горийская центральная организация РСДРП». URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/1900-1920/Iran_rev_1905_11/text.phtml?id=7779
3. ЦАУ Грузинской ССР, ф. 3, д. № 100, 1908 г., л. 248-248 URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/19001920/Iran_rev_1905_11/text.phtml?id=7779
4. Там же. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/19001920/Iran_rev_1905_11/text.phtml?id=7779
5. Центральный исторический архив Аджарии, Ф. 1, д. № 223, лл. 40-41. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/19001920/Iran_rev_1905_11/text.phtml?id=7779
6. Там же. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/19001920/Iran_rev_1905_11/text.phtml?id=7779
7. В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 301-305. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/19001920/Iran_rev_1905_11/text.phtml?id=7779
8. Англо-русское соглашение (31 августа 1907). Конвенция по делам Персии. Режим доступа: <http://www.illuminats.ru/component/content/article/29-new/500-anglo-russian-agreement>
9. Hardinge, Ch. Old Diplomacy: The Reminiscences of Lord Hardinge of Penshurst / Ch. Hardinge. – L., 1947. – P. 60
10. АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Т. 1. Д. 496. Л. 90–241.
11. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2001. – 400 с.
12. Spring Rice C.A. The Letters and Friendships of C. Spring Rice / Ed. by S.Gwynn. – L., 1929
13. Grey of Fallodon. The Public Papers of Viscount Grey of Fallodon. National Archives of the Great Britain (далее – NAGB).
14. Власов П.М. Извлечение из отчета П.М. Власова, о поездке в 1892 г. по сев. окр. Хорасана: С приложением: Персия и персидский вопрос. Георга Кюрзона. – Санкт-Петербург: Воен.-учен. ком. Глав. штаба, 1893. – 250 с.
15. Shuster W.M. The strangling of Persia. – New York: The Century Co, 1912. – 423 p.
16. Yeselson A. United States – Persian diplomatic relations 1883 – 1921. – New Jersey, 1956. – P. 252

17. Steiner Z.S. The Foreign Office and foreign policy, 1898 – 1914. URL: <https://archive.org/details/foreignofficefor0000stei/page/n293/mode/2up>
18. Коллюбакин А.М. Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции / А. М. Коллюбакин. – Тифлис, 1888. - 33 с.
19. Международные отношения, 1938-1940, Т.19, Ч. 1, док. № 104.
20. РГАВМФ. Ф. 417. URL: <https://rgavmf.ru/fond/417>
21. РГАВМФ. Ф.417. Оп. Д. 2436. Л. 15-15.
22. Там же. Д. 2512. Л. 28-28.
23. Там же. Л. 10-10.
24. Там же. Л. 13-16.
25. Чернозубов Ф. Страна Льва и Солнца. Провинция Керманшахан. (Краткий географический очерк по персидским и армянским источникам) // Военный сборник, № 7. 1913. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/1900-1920/Cernozubov_F/text5.htm.
26. Берар В. Персия и персидская смута: С карт. Ирана и портр. шаха / В. Берар; пер. с фр. А. Павловича. – [Санкт-Петербург]: Брокгауз-Ефрон, 1912. – XII, 300 с., 1 л. фронт. (портр.), 1 л. карт.; 20.
27. Correspondence respecting the affairs of Persia. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/1900-1920/Berard/text1.phtml>
28. «Diplomatic and consular reports». URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/1900-1920/Berard/text1.phtml>
29. «Report on the Condition and prospects of British trade in Persia» by N.-W. Maclean. London, 1904.
30. «La Perse d'aujourd'hui», par Eugene Aubin. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/1900-1920/Berard/text1.phtml> –
31. Биржевые ведомости: политическая, общественная и литературная газета : [1-е изд.] / ред. П. М. Шкарин. – Петроград, 1879 – 1917. Биржевые ведомости. 1908. 3 июня.
32. Биржевые ведомости. 1908. 6 июня.
33. Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии / Н.П. Мамонтов. – Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума (отд-ние), 1909. – 205 с.
34. Атрпет С. Имамат: Страна поклонников имамов: (Персид. духовенство): Историческое исследование / Атрпет. – Александрополь: тип. скоропеч. «Ширак», 1909. – 208 с.
35. Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия: С прил. карты Персии / И.А. Зиновьев. – Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1912. – 176 с.
36. Биржевые ведомости: политическая, общественная и литературная газета : [1-е изд.] / ред. П. М. Шкарин. – Петроград, 1879 – 1917. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004907852>

37. Голос Москвы: [беспартийная прогрессивная газета]. – 1906, 23 дек – 1915, 30 июня. – 1906 – 1915. – Москва. – Ежедн. Прил.: Иллюстрированное обозрение. 1909 – 1912.
38. Новое время. – 1868, 2 янв. – 1917, 26 окт. (8 нояб – Петроград, 1868 – 1917. – Ежедневная газета. Новое время: Иллюстрированное приложение. – 1891, 4 янв – 1917, – Петроград, 1891 – 1917.
39. Московские ведомости / ред.- изд. В. В. Назаревский. – Москва, 1801 – 1917. Газеты за 1756 – 1800 гг. хранятся в фондах НИО РК (МК) Российской Государственной библиотеки.
40. Утро России: [ежедневная газета] – Москва, 1907 – 1918. В 1914 с 4 по 27 сент. параллельно с основным выходило вечернее. изд. Перерыв в изд.: 1907, 25 окт. – 1909, 14 ноября.
41. «Вестник Европы 1913 – 1918», Петроград. URL: https://archive.org/details/vestnik_evropy_ogl_1913_1918/Vestnik%20Европы%20-%20оглавления%20за%201917%20-%20OCR/
42. A brief narrative of recent events in Persia», by E.-G. Browne – London. 1909. URL: <https://archive.org/details/briefnarrativeof00browuoft>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.5+327.8

М.М. Кухтин

кандидат политических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА О. ШОЛЬЦА: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

Сегодня Германия вынуждена отстаивать свои национальные интересы в достаточно неблагоприятных конкретно-исторических условиях. Для правительства О. Шольца ситуация осложняется нарастающим американским давлением и очередным провалом немецкой «восточной политики». При этом проблемы военной и энергетической безопасности страны сегодня стоят не менее остро, чем в эпоху А. Меркель. Сейчас Москва и Берлин осмысливают последствия эрозии двусторонних отношений и адаптируются к ее последствиям.

Ключевые слова: *Россия, Германия, украинский кризис, Специальная военная операция, геоэкономика.*

Summary

Today, Germany is forced to defend its national interests in rather unfavorable concrete historical conditions. For the government of O. Scholz, the situation is further complicated by the growing American pressure and another failure of the German "Ostpolitik". At the same time, the problems of the country's military and energy security are no less acute today than in the era of A. Merkel. Moscow and Berlin are now reflecting on the consequences of the erosion of their bilateral relations and adapting to its consequences.

Keywords: *Russia, Germany, the Ukrainian crisis, the Special Military Operation, geoeconomics.*

Олаф Шольц стал главой немецкого правительства в декабре 2021 г. Возможно, будущие историки еще оценят по достоинству политическое чутье Ангелы Меркель, успевшей отойти в тень накануне решающих событий, многие из которых заставили Германию выбирать между плохим и очень

плохим решениями. С февраля 2022 г. структурные противоречия, долгое время определявшие логику внешней политики Берлина, беспрецедентно обострились. После окончания Холодной войны объединенная Германия оказалась в уникальном положении на геополитической карте Европы. Ее «западная интеграция» была дополнительно подтверждена созданием Европейского союза и развитием особых трансатлантических отношений. В 1998-2005 гг. Г. Шрёдер придерживался курса на «нормализацию» немецкой внешней политики. Соответственно, федеральный канцлер вел себя достаточно независимо по отношению к европейским наднациональным структурам и даже выступил против заокеанских партнеров во время иракского кризиса.

Однако с приходом к власти А. Меркель официальный Берлин вернулся к традиционной расстановке внешнеполитических приоритетов. С другой стороны, Боннская республика имела богатый опыт «восточной политики», отвечавшей ее национальным интересам и не укладывавшейся в логику атлантистского глобализма. После 1991 г. развитие российско-немецких отношений во многом определялось динамикой «модернизационного партнерства». Только такой формат отношений мог обеспечить немецкую экономику необходимыми энергоресурсами и дополнительными возможностями для зарубежных инвестиций: втягивание постсоветского пространства в мировую капиталистическую систему позволило на несколько десятилетий задержать закономерное нарастание ее противоречий. Таким образом, Германия, оставаясь частью Запада и, более того, введомой стороной в трансатлантических отношениях, не могла принимать американские интересы как свои собственные и самой логикой исторического развития была обречена на тихое сопротивление некоторым инициативам Вашингтона. Способность официального Берлина успешно лавировать в современной мировой политике всегда была обратно пропорциональна уровню международной напряженности. После августа 2008 г. российско-немецкие отношения достаточно быстро восстановились, после украинского государственного переворота они изменились необратимо, однако их новая специфика в принципе позволяла обеим сторонам ограничивать геополитические риски и продвигать свои экономические интересы. В феврале 2022 г. ситуация коренным образом изменилась, из чего напрямую вытекает актуальность заявленной темы исследования.

Приведенные рассуждения помогают сформулировать основную внешнеполитическую проблему, с которой столкнулось правительство О. Шольца. Десятилетиями Германия обеспечивала себе относительно комфортное международное окружение, разбавляя атлантистскую геостратегию элементами многовекторности. В последние годы системный кризис «американского мира» значительно углубился, и его архитекторы, стараясь замедлить данный процесс, все настойчивее требуют от младших союзников проявлений лояльности. Таким образом, сегодня Берлин вынужден более последовательно, чем раньше, отстаивать интересы американского глобализма,

оплачивая за это все больше и больше. Целесообразно выяснить, какие именно риски и возможности связаны с данной ситуацией.

Новизна исследования обусловлена конкретно-историческими особенностями современных российско-немецких противоречий, нередко не допускающих прямых аналогий с прошлым. Их геополитическое и геоэкономическое осмысление определяет теоретическую значимость статьи, приведенные прогнозы и рекомендации могут послужить ориентиром для практических дипломатических решений.

Цель работы – дать промежуточную оценку «восточной политики» действующего немецкого правительства, приняв во внимание как ее наличные результаты, так и потенциальные возможности и движущие противоречия.

Исследование основано на работах российских экспертов по Германии [1; 2; 3; 4; 5], также используется информация из официальных источников [6] и СМИ [7].

С учетом всего вышесказанного, нельзя отрицать и известную двойственность немецкой позиции, подспудное стремление администрации О. Шольца смягчить некоторые американские инициативы. Такое поведение объясняется комплексом причин. В отличие от США, Германия обладает весьма ограниченным военным потенциалом и сильно зависит от стабильности европейской геополитической архитектуры. Она уже столкнулась с миграционным кризисом, серьезными вызовами ее энергетической и продовольственной безопасности. Соответственно, Берлин не может отказаться от российских энергоносителей и готов приложить усилия для возобновления «зерновой сделки», а часть немецкой экономической элиты подспудно ностальгирует по довоенному уровню сотрудничества с российскими партнерами. Кроме того, Германия, не участвовавшая в крупных сухопутных операциях со Второй мировой войны, всеми силами стремится избежать полномасштабного вооруженного конфликта в «междуморье». Наконец, правительство О. Шольца может слегка тормозить реализацию тех или иных американских проектов, чтобы частично снять с себя ответственность и превратить их в предмет торга с Вашингтоном.

Проблему усугубляет неизбывная асимметрия западного неокOLONиализма, которую можно рассматривать как частный случай закона неравномерности капиталистического развития вообще. Германия взяла поздний старт в колониальной гонке XIX века, а потом ее заморские амбиции были надолго подорваны совокупным результатом двух мировых войн. В результате возникла ситуация, которую хорошо описал российский исследователь Т. В. Бордачев. Он резонно отмечает, что французская сфера влияния в Африке до сих пор позволяет стране «извлекать немалые экономические выгоды из монопольного доступа к весьма важным для современной экономики природным ресурсам. То, что второму европейскому гиганту – Германии – приходится покупать за солидные деньги, Франция берёт в Африке практически бесплатно» [8]. Сегодня данная система эксплуатации переживает тяжелый кризис, логика и перспективы которого во многом скрыты

и от политиков, и от экспертов: «...у Франции, как и всего Запада, нет готовых рецептов сохранения своего влияния в Африке. ...Проблемы Франции в Африке – это не закат международного или регионального порядка как такового, а сокращение могущества тех, кто мог до последнего времени оказывать на него решающее влияние» [9]. С процитированной осторожной оценкой трудно не согласиться, однако необходимо помнить и о трудном положении Германии, которая никогда не имела широкого доступа к обсуждаемым богатейшим ресурсам и вряд ли получит его в обозримом будущем. Соответственно, для Берлина цена ошибки в сфере энергетической безопасности гораздо выше, чем для Парижа, что требует от О. Шольца нетривиального дипломатического лавирования.

Таким образом, американо-немецкие разногласия относительно военной поддержки Украины не были непредвиденным сбоем во внутренней дипломатии евроатлантического сообщества. Они помогли Германии решить ряд важных политических задач. Она акцентировала хотя бы чисто внешние атрибуты своего суверенитета, постаралась дополнительно не провоцировать Москву и, по всей видимости, получила какие-то преференции, в итоге уступив американскому давлению. Вашингтон тоже извлек из ситуации немалую выгоду: разыграв многоходовую дипломатическую комбинацию в рамках НАТО, он подчеркнул известную дистанцию между собой и союзниками и, таким образом, снизил риск прямого вооруженного столкновения с Россией. Впрочем, контроль над «междуморьем» позволяет США в любой момент эффективно надавить на «европейское ядро», которое не в первый раз оказывается втянутым в международные конфликты помимо своей воли.

Берлин в большой степени осознает обсуждаемые риски, однако не располагает иными инструментами, кроме осторожных протестов, позволяющих модифицировать второстепенные детали американских планов. «Министр финансов Германии Кристиан Линднер заявил, что до того, как поставить Украине ракеты дальнего действия Taurus, немецкому правительству нужно было бы просчитать последствия для собственной обороноспособности и исключить вовлечение в конфликт с Россией» [10]. Военно-технические меры, на которые под американским влиянием идет правительство О. Шольца, не могут не сказаться на национальной безопасности ФРГ, которая неспособна регулировать степень своего участия в событиях. Данный факт достаточно тривиален, менее очевидны геоэкономические и геокультурные соображения, которые ограничивают масштабы российского ответа на немецкие действия. К началу специальной военной операции Россия не до конца решила некоторые насущные экономические задачи, что до известной степени сказалось на ходе боевых действий и, более широко, перестройке общества в соответствии с новыми вызовами. В частности, в отечественном экспертном сообществе не прекращаются дискуссии о продолжающемся влиянии МВФ, ВТО и Всемирного банка на ключевые геостратегические факторы, тесно связанные с национальной безопасностью Российской Федерации. Соответственно, Запад и сегодня сохраняет резервные возможности санкционной политики,

представляющие собой серьезный потенциальный вызов для российского государства и бизнеса, много лет хранивших значительную часть своих активов за пределами национальной юрисдикции.

Таким образом, долгосрочный прогноз развития российско-немецких отношений может быть достаточно положительным, хотя в свете текущих событий такую оценку можно считать контринтуитивной. Осторожность Берлина обусловлена вероятным российским военным ответом на резкий рост западного давления, российская сдержанность мотивирована, среди прочего, экономическими расчетами, неизбежными в эпоху глобализации: сегодня разрыв мирохозяйственных связей в ряде случаев не может быть вполне компенсирован геополитическими успехами.

Нельзя сбрасывать со счетов и геокультурные факторы. На протяжении нескольких веков исторические судьбы России и Германии были настолько тесно переплетены, что имеет смысл даже говорить о русско-германской системе. Отечественный исследователь А. В. Фененко, сыгравший ключевую роль в становлении концепции, отмечал: «История знает примеры, когда два государства возникали из распада единой социально-политической системы. Именно так произошло, например, с Англией и Францией. После Нормандского завоевания 1066 г. оба королевства были не разными государствами, а составляли единую политическую систему. ...Только к концу XV в., то есть по итогам Войны Алой и Белой розы, они окончательно разошлись на Англию и Францию, став двумя разными государствами в границах, напоминающих современные» [11]. Ученый доказывает, что существует прямая аналогия между Анжуйской империей и российско-немецкими отношениями от Петровских реформ до Первой мировой войны. Более того, «германский мир» существенно повлиял и на внутривнутриполитическую жизнь Российской империи, и на характерные для нее формы менталитета и быта. Значение обратного воздействия тоже не приходится отрицать [12]. Таким образом, сегодня Москва и Берлин не только решают актуальные проблемы двустороннего взаимодействия, но и заново определяют свое отношение к общей истории в новых международно-политических условиях. Для этого требуются немалые дипломатические компетенции и эффективные инструменты «мягкой силы».

Перспективы данных политических процессов можно оценивать по-разному. Отечественный исследователь В. Б. Белов резонно отмечает, что даже в современных условиях некоторые каналы двустороннего экономического сотрудничества продолжают активно функционировать. «Свою деятельность в РФ продолжают Германо-Российская внешнеторговая палата и её многочисленные члены. Россию, во многом под давлением общественного мнения, были вынуждены покинуть крупные концерны, в первую очередь, из списка DAX. Но костяк немецкого бизнеса – по-прежнему крупнейшего предпринимательского сообщества в РФ – остался и продолжает работать на отечественных рынках, несмотря на очевидные трудности...» [13]. Действительно, не следует судить о глубине отчуждения между двумя странами только по официальной риторике, рассчитанной на массовые

аудитории. Впрочем, российский эксперт достаточно сдержан в своих предсказаниях: «Мой прогноз: каких-либо позитивных сдвигов в двусторонних отношениях в последующие месяцы ожидать не стоит. Положительным фактором можно будет считать их неухудшение» [14]. При этом нужно помнить, что в данном случае «работа на удержание» – это не инерционный сценарий, а скорее своеобразная активная оборона. Обеим странам необходимо решить целый ряд нетривиальных прикладных задач, чтобы, по крайней мере, не сузить доступное им сегодня пространство возможностей, размерность которого уже определяется десятками разнообразных рамочных ограничений. Необходимость такой кропотливой и отчасти рискованной работы не вытекает прямо из актуальной новостной повестки, в которой доминируют совсем иные призывы и оценки. Действительно, современные российско-немецкие отношения несут на себе несомненную печать антагонистических (неразрешимых в текущих конкретно-исторических условиях) противоречий. Однако будущее восточноевропейское урегулирование потребует трудоемкого согласования интересов основных региональных и мировых игроков. Другое дело, что действующая немецкая администрация не готова продуктивно участвовать в такого рода процессах, причем данный факт отражает не только американскую внешнеполитическую повестку, но и весьма специфическую историю немецкой партийной системы.

Германская социал-демократия прошла сложную идейную эволюцию, которую с известной точки зрения можно считать перерождением. В эпоху Второго интернационала она постепенно отказалась от учения о диктатуре пролетариата и встала на путь реформизма. Данный процесс достиг кульминации в 1914 г. и в итоге привел к резкому размежеванию большевизма с западным марксизмом. Социал-демократы Боннской республики, изначально симпатизировавшие СССР, в ходе Берлинского кризиса 1958 – 1963 гг. радикально пересмотрели свою внешнеполитическую доктрину и поддержали «западную интеграцию» К. Аденауэра. Тогда они сохранили многое из своей социально-экономической программы, поскольку сам факт существования Восточного блока подталкивал западные элиты к уступкам в рабочем вопросе. После 1991 г. ожидаемо наступила третья смена курса: сегодня уже трудно уловить существенную разницу между социал-демократической и христианско-демократической трактовками многих мировоззренческих вопросов. Сейчас неолиберальный глобализм является общим знаменателем для большинства партий, активно представленных в немецком политическом поле. «Альтернатива для Германии» и Германская коммунистическая партия являются значимыми исключениями из данной закономерности.

Таким образом, во многом неутешительные промежуточные итоги правления О. Шольца нельзя исчерпывающе объяснить внешними структурными принуждениями. Сами немецкие социал-демократы в большой степени утратили проектность и сюжетность, ознаменовавшие зарождение их движения более полутора веков назад. Ценностный кризис неизбежно сказывается на прикладном политическом планировании. Инерционный

сценарий, предполагающий неопределенно долгое сохранение атлантического консенсуса в неизменном виде, не готовит немецкое общество к новым вызовам и угрозам национальной и международной безопасности. Кроме того, чистая «работа на удержание» плохо совместима с политическим предвидением и социальной мобилизацией. Во-первых, нередко о будущем доподлинно известно только то, что оно окажется непохожим на настоящее. Во-вторых, население страны трудно побудить приносить жертвы для достижения стратегических целей, если они, по сути, сводятся к формуле «оставить все как было».

Сделанные констатации не исключают осторожного оптимизма в долгосрочной перспективе. Отечественный исследователь В. К. Белозеров отмечает: «Россия и Германия воспринимают сложившуюся международную обстановку, мягко говоря, по-разному, а двусторонние отношения не просто конфронтационные, но и осложнены критическим отсутствием доверия и обвалом всех связей. Однако политики приходят и уходят, а немецкий народ остаётся» [15]. Как показано выше, говорить о деградации сотрудничества все же следует с известными оговорками, но главное здесь не это. Правление нынешней немецкой администрации, весьма далеко отошедшей от заложенных Г. Шрёдером традиций, можно рассматривать как относительно короткий эпизод в многогранной и полной неожиданных поворотов истории двусторонних отношений. Данный вывод сам по себе отнюдь не упрощает задачи, стоящие сейчас перед российскими военными и дипломатами, однако позволяет поместить их в более широкий контекст, лучше согласовать парирование текущих угроз с реализацией долгосрочных проектов. Уже сегодня постепенно проступают контуры будущей европейской архитектуры безопасности, а некоторые ключевые акторы мировой политики предлагают свои альтернативы неолиберальной модели глобализации. Все более глубокие и частые международно-политические кризисы, разумеется, многообразно препятствуют такого рода работе, однако и подчеркивают ее судьбоносный и безотлагательный характер.

Изложенные соображения получили распространение и в Германии. «В немецкоязычном экспертном сообществе в целом осознаётся необходимость следования курсу на обеспечение безопасности и формирование стратегической культуры, построенной на долгосрочных детерминантах, что позволит исключить ситуативность» [16]. Зависимость от американских партнеров создала противоречивую дипломатическую конфигурацию, в которой у Германии нет проектности и сюжетности, соответствующих ее геополитическому потенциалу и сложности стоящих перед ней задач. Такое положение вещей чревато появлением неприемлемых международно-политических рисков, и немецкие эксперты стараются привлечь внимание своего правительства к возможным негативным сценариям. Даже если они не будут услышаны, практическая неприменимость традиционных паттернов мышления заставит одну из последующих немецких администраций открыто или неявно отмежеваться от ранее принятых подходов. Нарастающий кризис

американского глобального влияния сделает такое развитие событий еще более вероятным.

Интересно сравнить приведенные соображения с оценкой российского эксперта А. П. Соколова: «Современная концепция *Zeitenwende* призвана совместить два, казалось бы, взаимоисключающих тренда: усилить внешнеполитическую самостоятельность ФРГ и укрепить её связь с западными интеграционными объединениями» [17]. Ученый отмечает, что такая политическая переориентация имеет высокую экономическую цену, вплоть до деиндустриализации страны, однако нынешнее поведение официального Берлина все же более рационально, чем может показаться. Он сместил центр тяжести своей «восточной политики» с России на страны Вышеградской группы, руководствуясь не только общеизвестными идеологическими установками, но и хозяйственными соображениями [18]. Таким образом, хотя в последние годы в российском академическом сообществе часто акцентируются некомпетентность и зависимость немецких элит, данную оценку не стоит абсолютизировать, что несколько не отменяет текущих российско-немецких антагонизмов. Во главе угла все же стоит вопрос о магистральном направлении исторического процесса, которое определяется через созревание и разрешение структурных противоречий на локальном, региональном и глобальном уровнях. Национальные элиты, неспособные найти ответы на актуальные вызовы времени, будут вынуждены сменить свои приоритеты и подходы или подвергнуться ротации. Возможна также комбинация данных вариантов в той или иной пропорции. Будущее восточноевропейское урегулирование, имеющее ключевое значение для международной безопасности, зависит, среди прочего, от способности «европейского ядра» принимать взвешенные самостоятельные решения и последовательно проводить их в жизнь. В текущей ситуации такие ожидания представляются завышенными, однако украинский кризис все еще далек от завершения, а альтернативные сценарии, предусматривающие полную эрозию международной субъектности европейских стран, могут оказаться гораздо хуже даже неоптимальных версий нового регионального равновесия. Впрочем, рассмотренные прогнозы относятся, как минимум, к среднесрочной перспективе. В наличных обстоятельствах не так просто разглядеть ростки нового. «В настоящее время межведомственное, межпарламентское и межрегиональное взаимодействие «заморожено» по инициативе германской стороны. Деятельность основных двусторонних форматов приостановлена» [19].

Не исключено, что в обозримом будущем Германию ожидает правительственный кризис. Отставка кабинета О. Шольца может неожиданным образом сыграть на руку немецким атлантистам: их новый ставленник будет продолжать прежнюю политику, переложив ответственность за провалы на предшественника и этим отчасти снизив социальную напряженность. Предпосылки для коренного пересмотра внешней политики ФРГ, вероятно, полностью сформируются еще нескоро, однако бесконечно откладывать данный процесс также не представляется возможным. Перспективы

дальнейшего исследования темы связаны как с грядущим разрешением назревших международно-политических противоречий, так и с эволюцией их теоретического осмысления (спор рационализма и рефлексивизма).

Ссылки и примечания:

1. Белов В. Б. Отношения России и Германии: пробивая одно дно за другим / В. Б. Белов // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/otnosheniya-rossii-i-germanii-probivaya-odno-dno-za-drugim/?ysclid=lmxrrm0sz479808005> (дата обращения: 08.09.2023).
2. Белозеров В. К. Германия конструирует стратегическую культуру / В. К. Белозеров // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 5. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strat-kultura-germanii/> (дата обращения: 18.09.2023).
3. Бордачев Т. В. Колониальные дилеммы Запада / Т. В. Бордачев // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/kolonialnye-dilemmy-zapada/?sphrase_id=106207788 (дата обращения: 30.08.2023).
4. Соколов А. П. Quovadis, Germania? / А. П. Соколов // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/quovadis-germania/> (дата обращения: 18.09.2023).
5. Фененко А. В. Взлет и падение русско-германской системы / А. В. Фененко // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/vzlet-i-padenie-russko-germanskoj-sistemy/> (дата обращения: 05.09.2023).
6. Современные российско-германские отношения // Посольство Российской Федерации в Федеративной Республике Германия. – URL: <https://germany.mid.ru/ru/rusger/bilateral-relations/present-state/> (дата обращения: 18.09.2023).
7. В ФРГ призвали не втягивать страну в конфликт при поставке ВСУ ракет Taurus // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20230903/konflikt-1893975525.html> (дата обращения: 04.09.2023).
8. Бордачев Т. В. Колониальные дилеммы Запада / Т. В. Бордачев // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/kolonialnye-dilemmy-zapada/?sphrase_id=106207788 (дата обращения: 30.08.2023).
9. Ibid.
10. В ФРГ призвали не втягивать страну в конфликт при поставке ВСУ ракет Taurus // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20230903/konflikt-1893975525.html> (дата обращения: 04.09.2023).

- 11.Фененко А. В. Взлет и падение русско-германской системы / А. В. Фененко // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vzlet-i-padenie-russko-germanskoj-sistemy/> (дата обращения: 05.09.2023).
- 12.Ibid.
- 13.Белов В. Б. Отношения России и Германии: пробивая одно дно за другим / В. Б. Белов // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otnosheniya-rossii-i-germanii-probivaya-odno-dno-za-drugim/?ysclid=lmxrrm0sz479808005> (дата обращения: 08.09.2023).
- 14.Ibid.
- 15.Белозёров В. К. Германия конструирует стратегическую культуру / В. К. Белозеров // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 5. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strat-kultura-germanii/> (дата обращения: 18.09.2023).
- 16.Ibid.
- 17.Соколов А. П. Quovadis, Germania? / А. П. Соколов // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/quovadis-germania/> (дата обращения: 18.09.2023).
- 18.Ibid.
- 19.Современные российско-германские отношения // Посольство Российской Федерации в Федеративной Республике Германия. – URL: <https://germany.mid.ru/ru/rusger/bilateral-relations/present-state/> (дата обращения: 18.09.2023).

УДК 339.92(47:56)

Л.Ю. Медовкина

кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: l.medovkina@donnu.ru

Г.В. Падалка

студент 2-го курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: dontreplygl@gmail.com

ЮЖНЫЙ ГАЗОВЫЙ КОРИДОР, КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ТУРЦИИ

Аннотация

В статье рассматривается важность проекта Южного газового коридора для энергетической политики Турции и ее будущего как газового хаба. Особое внимание уделяется TAP (Трансадриатический газопровод) и TANAP (Трансанатолийский газопровод), которые являются составными частями «Южного газового коридора». В работе сделан вывод что Турция, являясь ключевым участником проекта Южного газового коридора, активно участвует в формировании новой энергетической карты региона.

Ключевые слова: Турция, Азербайджан, TAP, TANAP, газ.

Summary

The article discusses the importance of the Southern Gas Corridor project for Turkey's energy policy and its future as a gas hub. Special attention is paid to TAP (Trans-Adriatic Gas Pipeline) and TANAP (Trans-Anatolian Gas Pipeline), which are components of the Southern Gas Corridor. The paper concludes that Turkey, being a key participant in the Southern Gas Corridor project, is actively involved in the formation of a new energy map of the region.

Keywords: Turkey, Azerbaijan, TAP, TANAP, gas.

До сегодняшнего дня Турция зарекомендовала себя как важнейший мост между Европой и Азией. Это представлялось хорошей альтернативой для прекращения зависимости от поставок газа из России, но теперь на энергетическом рынке появились новые конкуренты, бросающие вызов доминирующей роли Турции как поставщика газа. Такие страны, как Азербайджан, Туркменистан, Ирак, Иран, Израиль и Кипр, также являются крупными производителями газа и также могут стать потенциальными

поставщиками или возможными участниками Южного газового коридора. Хотя они, возможно, и не имеют такой политической близости к Европе, как Турция, они предлагают другие стратегические активы, которые способны изменить ситуацию энергетического доминирования, по крайней мере в среднесрочной перспективе.

Целью исследования является определение роли проекта Южного газового коридора в энергетической политике Турции.

Историография исследования заключается в анализе литературы, интернет-ресурсов, которые непосредственно относятся к теме исследования. Зарубежные исследования, в первую очередь, представлены научным трудом Aydın M., Ismael T.Y. «Turkey's Foreign Policy in the 21st Century» [1], где раскрываются все аспекты политики Турции (в том числе – энергетические). В работе Erşen E., Köstem S. «Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order» рассматривается роль Турции в новом миропорядке [2]. Исследование польского ученого Misiągiewicz J. «Turkey as an Energy Hub in the Mediterranean Region» детально раскрывает проект энергетического хаба в стране и является актуальным в наши дни [3]. Отдельно необходимо отметить работу Kirişçi K. «The transformation of Turkish foreign policy: The rise of the trading state», данный научный труд важен для понимания изменений в экономической политике Турции [4]. Исследование Roberts F. «The Turkish Gate» раскрывает в деталях видение Запада на турецкую политику [5].

Таким образом, актуальность данного исследования неоспорима в контексте современных глобальных энергетических вызовов и изменяющейся политической обстановки в регионе. В наше время энергетическая безопасность становится ключевым вопросом для большинства стран, и Южный газовый коридор представляет собой яркий пример стратегического подхода к обеспечению этой безопасности.

Турция, являясь ключевым участником этого проекта, активно участвует в формировании новой энергетической карты региона. Этот проект оказывает влияние на геополитические отношения, торговлю и экономическое сотрудничество, что делает его весьма актуальным для исследования. Развитие инфраструктуры Южного газового коридора также обладает потенциалом укрепить связи между странами региона и снизить зависимость от определенных поставщиков, что представляет интерес для анализа в современном контексте.

Кроме того, исследование актуально в свете последних изменений в политической и экономической обстановке мира, таких как климатические вызовы и переход к устойчивым источникам энергии. Южный газовый коридор может служить исходной точкой для анализа влияния таких факторов на энергетическую стратегию Турции и других стран региона.

Таким образом, исследование данной темы оправдано и актуально, поскольку оно позволяет понять сложные взаимосвязи между энергетической

политикой, экономикой и геополитикой, а также рассмотреть возможные перспективы развития региональных и мировых энергетических систем.

За последнее десятилетие Турция все чаще ассоциируется в международных политических и экономических дебатах с такими понятиями, как «энергетический коридор» и «энергетический узел». Очевидно, что такая характеристика Турции в основном обусловлена ее уникальным географическим положением на перекрестке Кавказа, Центральной Азии, Ближнего Востока и Европы. Кроме того, международные дебаты о будущей роли Турции с точки зрения транзита энергоносителей в последнее десятилетие были особенно сосредоточены на газе, что сделало Турцию горячей темой мировых – и особенно европейских – газовых рынков.

В частности, эта последняя тенденция была обусловлена главным образом стремлением Европы к созданию нового «Шелкового пути», направленного на диверсификацию импорта газа за пределы России. ЕС начал проводить эту политику в 2008 году в ответ на проблемы энергетической безопасности, возникшие в Европе после первого российско-украинско-европейского газового кризиса, произошедшего в январе 2006 года [1]. Таким образом, Европейская комиссия (ЕК) приняла двойную стратегию в целях повышения надежности архитектуры поставок газа в ЕС. С одной стороны, он был направлен на укрепление внутреннего энергетического рынка ЕС с целью стимулирования потоков газа между государствами-членами ЕС. С другой стороны, она стремилась расширить диверсификацию источников газа, в том числе путем запуска четвертого энергетического коридора (широко известного как Южный газовый коридор), направленного на доставку газа из каспийских и ближневосточных газодобывающих стран в Европу.

Реализация этой стратегии была ускорена после второго крупного газового кризиса между Россией и Украиной в январе 2009 года. На самом деле, этот кризис был даже хуже предыдущего, поскольку транзит российского газа через Украину был полностью прекращен на две недели, что привело к гуманитарным кризисам в нескольких странах Центральной и Восточной Европы, которые сильно зависели от поставок российского газа через Украину.

Российско-украинско-европейские газовые кризисы 2006 и 2009 годов не только стимулировали разработку новой стратегии газовой безопасности ЕС, но, более конкретно, также проложили путь к усилению поддержки ЕС проекта, уже запущенного в 2002 году консорциумом из пяти компаний: Nabucco, проектируемый трубопровод мощностью 31 млрд куб. м в год предназначен для транспортировки газа, добываемого в Азербайджане, Туркменистане, Ираке и Иране, в Юго-Восточную и Центральную Европу через Турцию [2]. Проект был поддержан не только ЕС, но и Турцией и Соединенными Штатами по нескольким причинам.

Для ЕС проект Nabucco представлял собой крупную возможность диверсифицировать поставки газа за пределы России. По этой причине Nabucco не только получил финансовую поддержку ЕС, но и быстро стал флагманским проектом Южного газового коридора. Для Турции проект

представлял собой уникальную возможность реализовать свою долгосрочную стратегическую цель – стать ключевым энергетическим коридором между богатыми углеводородами странами на Востоке и европейскими рынками-импортерами энергии на Западе. Для США этот проект представлял собой важный геополитический актив для снижения газовой зависимости ЕС от России, точно так же, как трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан в 1990-х годах служил для снижения нефтяной зависимости ЕС от России.

Nabucco не только получил финансовую поддержку ЕС, но и быстро стал флагманским проектом Южного газового коридора.

Несмотря на твердую политическую приверженность пяти транзитных стран и беспрецедентную политическую поддержку ЕС и США, проект Nabucco в конечном счете провалился, главным образом по коммерческим и финансовым причинам.

Принимая во внимание непреодолимые коммерческие и финансовые барьеры, с которыми столкнулся проект Nabucco, Азербайджан – газодобывающая страна, наиболее заинтересованная в развитии Южного газового коридора в связи с опережающей разработкой своих газовых месторождений – полностью изменил концепцию Южного газового коридора в 2011 году, быстро разработав концепцию собственного инфраструктурного проекта по транспортировке газа в Турцию и Европу: Трансанатолийский трубопровод (TANAP), проектируемый трубопровод мощностью 16 млрд куб. м в год, предназначенный для соединения существующего Южно-Кавказского трубопровода (SCP) с турецко-греческой границей для поставки 6 млрд куб. м в год в Турцию к 2018 году и 10 млрд куб. м в год в Европу к 2019 году. Вступление TANAP в гонку за Южным газовым коридором в декабре 2011 года стало решающим фактором для уже умирающего проекта Nabucco [3].

В июне 2013 года консорциум компаний, разрабатывающих азербайджанское месторождение «Шахдениз», определил окончательную форму Южного газового коридора, выбрав Трансадриатический трубопровод (TAP) в качестве недостающего звена между TANAP и европейским рынком. Таким образом, спроектированный трубопровод TAP мощностью 10 млрд куб. м в год транспортировал газ TANAP, предназначенный для Европы, от турецко-греческой границы в Италию через Албанию и Адриатическое море в 2023 году.

В дополнение к 10 млрд куб. м газа в год из Азербайджана, Южный газовый коридор доставил дополнительные объемы газа в Европу из Каспийского региона, Ближнего Востока и, возможно, также из Восточного Средиземноморья.

Газовый сценарий Ирака радикально меняется из-за запасов газа, которые в настоящее время обнаруживаются в полуавтономном регионе Курдистан. С запасами газа, оцениваемыми от 3 до 6 трлн кубометров, этот северный регион фактически прокладывает путь к превращению Ирака в газовую провинцию мирового класса (для краткого сравнения, Азербайджану принадлежит 1,3 трлн кубометров запасов газа). Обладая этими объемами,

Курдистанский регион потенциально мог бы удовлетворить свой внутренний спрос на газ, а также экспортировать значительные объемы газа в Турцию и ЕС [4].

В краткосрочной перспективе ключевым препятствием для быстрого освоения газовых ресурсов Курдистана, конечно же, является нестабильная политическая ситуация, возникшая в стране в результате неожиданной эскалации насилия с июня 2014 года. В дополнение к этой непредвиденной эскалации событий, продолжительный спор о государственном суверенитете между регионом Курдистан в Эрбиле и федеральным правительством Ирака в Багдаде также продолжает оставаться на повестке дня. Эти дебаты также затрагивают энергетический сектор, поскольку правительства Багдада и Эрбиля не смогли урегулировать свои разногласия по поводу федерального закона об углеводородах. Важное промежуточное соглашение по этому вопросу было достигнуто между двумя сторонами в ноябре 2014 года; теперь этот первый шаг должен быть воплощен в полноценную сделку, чтобы создать стабильную и устойчивую правовую базу для разработки и экспорта нефтяных и газовых ресурсов региона Курдистан.

Эти недавние события представляют собой ключевой элемент для будущих перспектив Южного газового коридора, поскольку Ирак – после Азербайджана, – по-видимому, является единственной газодобывающей страной, которая в среднесрочной перспективе может превратить наличие газовых ресурсов в возможность их доставки. Фактически, другие страны региона, традиционно рассматриваемые в качестве потенциальных поставщиков для Южного газового коридора, – Туркменистан и Иран, – похоже, очень далеки от того, чтобы в конечном итоге обеспечить этот коридор.

Туркменистан владеет четвертыми по величине запасами газа в мире после Ирана, России и Катара, и за последние несколько лет у него сложились «особые отношения» с Китаем по поставке основных объемов газа по трубопроводу. Эта связь, вероятно, будет еще более укреплена в будущем, но, учитывая размер своих газовых запасов, Туркменистан вполне может оказаться в состоянии также поставлять газ в Турцию и Европу в будущем.

Ключевым препятствием для быстрого освоения газовых ресурсов Курдистана, конечно же, является нестабильная политическая ситуация. Чтобы попытаться обойти эту проблему, в 2010 году европейская компания предложила транспортировать объемы туркменского газа через Каспийское море к побережью Азербайджана, используя СПГ (сжатый газ), но проект был остановлен Азербайджаном, который не хотел, чтобы туркменский газ конкурировал с его собственным газом.

Учитывая сложившуюся ситуацию, стремление Турции и ЕС поставлять значительные объемы туркменского газа в Южный газовый коридор, вероятно, нуждается в пересмотре, по крайней мере до тех пор, пока спор о правовом статусе Каспийского моря не будет окончательно разрешен.

Обладающий крупнейшими в мире запасами газа, Иран часто рассматривается как вечный «слон в посудной лавке» в международной торговле газом: страна, которая в один прекрасный день могла бы кардинально изменить правила игры на международных газовых рынках, но потенциал которой сегодня все еще остается принципиально неиспользованным по ряду геополитических и коммерческих причин.

Однако история международных отношений несколько раз показывала, что отношения между основными субъектами международной системы могут быстро измениться при наличии политической готовности к этому. На самом деле, после многих лет разочарования и тупика в переговорах между Ираном и «шестеркой+1» 24 ноября 2013 года в Женеве была достигнута первая временная ядерная сделка. Это событие, безусловно, представляет собой лишь первый шаг на пути к действительно полному урегулированию иранской ядерной проблемы, и продление крайнего срока ядерных переговоров до 24 ноября 2014 года подтверждает сложность такого мероприятия. Однако эти недавние события вполне можно рассматривать как позитивный знак на будущее, и если они будут иметь эффективное продолжение, в Иране могут открыться большие возможности, в том числе в отношении газового сектора.

С 2010 года Восточное Средиземноморье стало потенциально новой горячей точкой на международных газовых рынках. В частности, Израиль сыграл важную роль в этой области, поскольку он владеет крупнейшими запасами газа в этом районе. После долгой серии экономических и политических дискуссий в 2013 году правительство Израиля решило разрешить экспорт до 40 процентов газовых запасов страны. Это решение стало фундаментальной предпосылкой для определения стратегии экспорта газа для страны. Фактически, с момента открытия газового месторождения Левиафан в 2010 году было предложено более десяти экспортных проектов, от трубопроводов до решений для сжиженного газа.

В частности, две турецкие компании предложили разработать трубопровод мощностью 10 млрд куб. м в год, соединяющий израильское газовое месторождение «Левиафан» с южным побережьем Турции. Намерение организаторов состоит в том, чтобы трубопровод обеспечивал поставки не только на турецкий рынок, но и на европейский рынок через Турцию.

Этот проект, который часто рассматривается как наиболее коммерчески жизнеспособный вариант экспорта израильского газа, в том числе из-за его гибкости в поставках на европейский рынок, был временно снят с переговоров по политическим причинам после конфликта между Израилем и Газой в 2014 году и последующего ухудшения израильско-турецких отношений.

Парадоксально, но сама Палестинская администрация станет первым потребителем израильского газа благодаря достигнутой в январе 2014 года сделке о поставках 5 млрд куб. м газа в год в течение 20 лет с израильского газового месторождения Левиафан на Западный берег. Сделка с палестинцами – из-за ее ограниченных объемов, – конечно, недостаточна для того, чтобы партнеры «Leviathan» поддержали первую фазу разработки месторождения,

которая, как ожидается, обойдется примерно в 6 миллиардов долларов. Однако поиск дополнительных клиентов идет не так гладко. В 2014 году «Leviathan partners» провела переговоры с Египтом и Иорданией об экспорте газа, но они не получили горячей поддержки со стороны соответствующего общественного мнения [5].

Учитывая эти трудности с израильской стороны и долгосрочные энергетические интересы Турции (обеспечение поставок энергоносителей и развитие концепции энергетического хаба, а также обеспечение поставок израильского газа в Европу через ее территорию), нынешний тупик в проекте трубопровода Израиль – Турция может быть в конечном счете разрешен в ближайшем будущем.

Однако, даже если этот барьер будет преодолен, второй все равно бросит вызов проекту: кипрский спор. Фактически, трубопровод, идущий из Израиля к южному побережью Турции, неизбежно должен будет проходить через Исключительную экономическую зону Республики Кипр. Это станет серьезным геополитическим препятствием на пути развития трубопроводного проекта, поскольку, скорее всего, потребуется полное разрешение затянувшегося кипрского спора, чтобы разрешить транспортировку израильского газа в Турцию и, потенциально, в Европу через турецкую энергосистему.

Глядя на среднесрочный горизонт (до 2025 года), ответ на этот вопрос отрицательный: у Турции, вероятно, не будет потенциала стать региональным газовым хабом. Фактически, глядя на цифры, характеризующие Южный газовый коридор, в течение этого периода времени невозможно будет ожидать, что через Турцию в ЕС поступит более 10 млрд кубометров газа из Азербайджана. Эта сумма, безусловно, представляет собой исторический шаг, поскольку она откроет Южный газовый коридор, но, безусловно, радикально не изменит архитектуру поставок газа в ЕС. Фактически, 10 млрд куб. м к 2020 году в основном составят менее 3% потребностей ЕС в импорте газа.

Если будут решены долгосрочные геополитические проблемы в регионе Восточного Средиземноморья, проект по транспортировке израильского газа в Турцию по трубопроводу также может стать коммерчески жизнеспособным и политически осуществимым

Глядя на более долгосрочный горизонт (после 2025 года), ответ на этот вопрос весьма неопределен. Фактически, в эти временные рамки Азербайджан вполне мог бы поставлять больше объемов газа в ЕС, Ирак мог бы быть в состоянии поставлять газ в ЕС из КРИ, Туркменистан также мог бы быть в состоянии поставлять значительное количество газа в Турцию, а также в ЕС и Иран может иметь потенциал для улучшения поставок газа в Турцию. Кроме того, если будут решены долгосрочные геополитические проблемы в регионе Восточного Средиземноморья, проект по транспортировке израильского газа в Турцию по трубопроводу также может стать коммерчески жизнеспособным и политически осуществимым.

Как видно из гипотетического тона этих предложений, ряд факторов будет определять, сможет или не сможет Турция стать региональным газовым хабом после 2025 года. Что кажется несомненным, так это то, что реальная движущая сила этого развития будет исходить не со стороны предложения, а со стороны спроса. В долгосрочной перспективе газодобывающие страны, расположенные вокруг Турции, вероятно, будут обладать потенциалом для экспорта значительных объемов газа в ЕС, но этот потенциал станет реальностью – преодолев существующие инфраструктурные, коммерческие и политические барьеры – только в том случае, если рынок ЕС действительно будет нуждаться в увеличении поставок газа. Другими словами, как гласит старая английская поговорка, «Где есть желание, там есть и способ».

Ссылки и примечания:

1. Aydin M., Ismael T.Y. Turkey's Foreign Policy in the 21st Century. – Routledge. – 2020. – P. 105.
2. Erşen E., Köstem S. Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order. – 2019. – P. 35.
3. Misiągiewicz J. Turkey as an Energy Hub in the Mediterranean Region. – Spectrum: Journal of Global Studies. - 2012. - P. 107-126
4. Kirişçi K. The transformation of Turkish foreign policy: The rise of the trading state. – Cambridge University Press. – 2015. - P. 29-50.
5. Roberts F. The Turkish Gate. – Washington, DC. – 2021. - P. 289.

УДК 327:330((470+571)+510):616-036.21

Р.М. Мнухина

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: rimmavk1@gmail.com

РОЛЬ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РЕАЛИЗАЦИИ КРУПНЫХ СОВМЕСТНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ РОССИИ И КИТАЯ (2020-2021 Г.)

Аннотация

В статье рассматривается влияние пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 на российско-китайские отношения, в частности на российско-китайские проекты в экономической сфере. Автор ставил своей целью оценку роли пандемии в реализации крупных совместных экономических проектов России и Китая и исследовал, насколько изменился ход реализации уже существующих проектов, соблюдались ли договоренности по запланированным проектам, инициировались ли новые проекты.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, российско-китайский проект, экономика, инвестиции.

Summary

The article examines the impact of the pandemic of the new coronavirus infection COVID-19 on Russian-Chinese relations, in particular on Russian-Chinese projects in the economic sphere. The author aimed to assess the role of the pandemic in the implementation of major joint economic projects of Russia and China and investigated how the course of implementation of existing projects has changed, whether agreements on planned projects have been observed, whether new projects have been initiated.

Keywords: COVID-19 pandemic, Russian-Chinese project, economy, investment.

В городе Ухань центральной провинции Хубэй в Китае 31 декабря 2019 года была зафиксирована вспышка неизвестной пневмонии. В начале января эпидемиологи КНР уже установили, что возбудителем заболевания стал коронавирус нового типа. Впоследствии ВОЗ классифицировала его как COVID-19. Официально пандемия коронавируса была объявлена 11 марта 2020 года [1]. Стремительное распространение коронавируса и государственные меры по его сдерживанию привели к разбалансировке практически всех сфер жизни, в том числе политических и экономических отношений между государствами. Обрабатывающая промышленность и сфера услуг были закрыты, безработица резко возросла, а ВВП во многих странах упал на

рекордную величину. Начиная со второй половины 2020 года экономика набирала обороты по мере того, как страны постепенно ослабляли свою блокаду, но вызванное этим распространение эпидемии вновь привело к политике экономической блокады и ослабило импульс экономического восстановления.

Целью исследования – проанализировать влияние пандемии COVID-19 на ход и интенсивность реализации крупнейших совместных экономических проектов России и Китая, а также определить тенденции и перспективы развития российско-китайского экономического сотрудничества.

В последние годы, сталкиваясь с вызовами сложных изменений в международной ситуации, Китай и Россия постоянно укрепляли стратегическую координацию, поддерживая высокую степень близости стратегических позиций, частоту контактов на уровне глав государств и стремление к развитию двусторонних экономических и торговых отношений.

Некоторые вопросы российско-китайских отношений в период пандемии рассматриваются российскими и зарубежными учеными, среди которых хотелось бы выделить комплексное исследование А.А. Маслова, А.В. Кортунова, Чжао Х. «Российско-китайский диалог: модель 2021» и работу китайского ученого Cao Zhihong «Sino-Russian economic and trade cooperation and countermeasures an alysis under the new development pattern». Научная новизна данной статьи заключается в анализе причинно-следственной связи влияния пандемии COVID-19 на совместные экономические проекты стран, которые во многом формируют мировой порядок – России и Китая.

Экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и Россией в значительной степени дополняет друг друга. В дополнение к сельскохозяйственному сотрудничеству, две страны также сотрудничают в лесном хозяйстве, производстве строительных материалов, легкой промышленности, энергетике, полезных ископаемых, торговле и других областях. В последние годы местные обмены между двумя странами стали более тесными, особенно широкое сотрудничество между северо-востоком Китая и Дальним Востоком России и углубление сотрудничества между приграничными портовыми районами. Предприятия с обеих сторон принимали активное участие в Российско-Китайском ЭКСПО, Восточном экономическом форуме и Международной торговой выставке китайских товаров в Шанхае и подписывали ряд соглашений о сотрудничестве.

Пандемия спровоцировала нарушение привычного ритма взаимодействия между странами. В новых непростых условиях Россия и Китай предпринимали попытки не только удержания прежнего уровня сотрудничества, но и его наращивания в целом ряде областей – торговля, экономика, гуманитарное и политическое взаимодействие. Это в очередной раз демонстрирует мощную сопротивляемость стран негативным факторам и давлению извне. Реализация многих крупнейших российско-китайских инвестиционных проектов проходила под занавесом пандемии.

Одним из таких проектов стал завод по производству полимеров. Россия начала работу над одним из крупнейших в мире заводов по производству полимеров в августе 2020 года. Проект стоимостью 11 миллиардов долларов нацелен на китайский рынок по мере роста экономических связей между Пекином и Москвой. Масштабный завод будет производить пластиковые компоненты и будет способствовать дальнейшему развитию торговли между Китаем и Россией, что является не последним проявлением расширения двусторонних отношений, поскольку две страны налаживают экономическое и политическое партнерство после десятилетий соперничества. Завод, расположенный на Амуре, недалеко от границы с Китаем на Дальнем Востоке России, разрабатывается российской нефтехимической компанией «Сибур Холдинг» совместно с китайской гигантской группой Sinopec, которой будет принадлежать 40% акций этой инициативы. Производство на заводе планируется начать в 2024 году [2].

Незадолго до начала пандемии, в декабре 2019 года, Россия начала поставлять природный газ в Китай по 2 900-километровому трубопроводу «Сила Сибири». Проект в основном направлен на диверсификацию потребителей для России, но, как и другие проекты, она также направлена на контроль над своим природным газом, отказ от зависимости от транзитных стран и привлечение долгосрочных партнеров. Президент России Владимир Путин объявил о планах начать работы над вторым газопроводом «Сила Сибири-2» в марте 2020 года [3]. Восточный маршрут китайско-российского газопровода (так называют в Китае газопровод «Сила Сибири») на момент декабря 2019 года функционировал уже два года. По статистике китайской стороны, за этот период общий объем поставок газа по газопроводу составил 13,6 млрд кубометров. В том числе за январь-ноябрь 2021 года этот показатель составил 9,168 млрд кубометров (+196%). В декабре 2021 года объем двустороннего товарооборота составил 16,444 млрд долларов. В том числе на отгрузки из Китая в Россию приходилось 8,137 млрд долларов, на российские поставки в Китай – 8,307 млрд долларов [4].

Пандемия не могла не оказать влияния и на масштабный китайский проект «Один пояс – один путь», участником которого является и Россия. Одной из причин, по которой Китай инициировал «Один пояс – один путь», было поддержание высоких темпов экономического роста внутри страны за счет увеличения своей доли в глобальных производственно-сбытовых цепочках и расширения своих экспортных рынков. В то время, как пандемия привела к падению ВВП (сократился на 6,8% в первом квартале 2020 года), «Один пояс – один путь» может стать еще более важным для экономической стратегии Пекина по поддержанию долгосрочного роста [5].

Пандемия COVID-19 глубоко изменила расчеты затрат и выгод стран, участвующих в инициативе «Один пояс – один путь». Проекты, добавленная стоимость которых уже была неопределенной до пандемии, вероятно, больше не стоят для стран-участниц того, чтобы идти на дальнейшие риски. Однако некоторые страны уже так сильно инвестировали в масштабный проект и так

глубоко задолжали Китаю, что больше не могут выйти из него без потерь. Другие страны могут продолжать рассматривать «Один пояс – один путь» как свой единственный шанс на экономическое развитие. Шансы уговорить Китай на более выгодные условия сотрудничества никогда не были выше, чем в сложившейся ситуации, потому что проект стал слишком важным для Китая как во внешнеполитическом плане, так и в экономическом плане, чтобы терять партнеров по проекту. Несмотря на негативные последствия пандемии, Китай остается одной из немногих стран, у которой все еще достаточно резервов для инвестирования в развивающиеся страны. Это открывает возможности для установления новых отношений с ранее скептически настроенными режимами и может вынудить страны заключать сделки с Китаем просто потому, что в данный момент альтернативы нет.

Негативное влияние пандемии на российско-китайское сотрудничество можно оценить на примере автодорожного моста «Благовещенск-Хэйхэ». Реализация этого масштабного российско-китайского проекта затянулась в связи с пандемией. Еще в 2015 году, было подписано межправительственное соглашение, которое дало старт этой масштабному проекту – строительству автодорожного моста через реку Амур, связывающего Россию и Китай. Мост «Благовещенск-Хэйхэ» начали строить в декабре 2016 года. 29 ноября 2019 года объявлено о завершении строительства моста. Разрешение на ввод в эксплуатацию было получено 12 мая 2020 года. Однако глобальная пандемия заметно замедлила начало функционирования проекта – движение по мосту должно было начаться после снятия ограничений [6].

Одним из главных совместных проектов в области высокотехнологичного производства, о котором было объявлено еще во время визита В. В. Путина в Китай в 2014 году, стала разработка китайско-российского дальнемагистрального широкофюзеляжного пассажирского самолета, получившего название CR929. Этот проект был призван показать, что новая волна экономического сотрудничества между Россией и Китаем выходит далеко за рамки поставок сырья и распространяется на высокотехнологичные отрасли. Первоначально ожидалось, что программа развития стоимостью 13 миллиардов долларов приведет к первому полету в середине 2021 года и началу коммерческих поставок в 2024 году. Планы по созданию CR929 столкнулись с серьезными препятствиями из-за разрушительных последствий новой пандемии коронавируса для авиационной промышленности – большой вопрос в том, будут ли авиакомпании вообще заинтересованы в новом самолете. СМИ также сообщали о серьезном расколе между российской и китайской сторонами по поводу маркетинга самолета. Китайская сторона не хочет разрешать совместному предприятию продавать авиалайнер на внутреннем рынке Китая 50 на 50, а для России, участие в совместном предприятии без доступа к этому крупному рынку имеет мало смысла. Тем не менее, в сентябре 2021 года издание «Цзефан Жибао» сообщило, что производство самолета началось в Китае, реализация изначальных задач теперь запланирована на 2025-2027 год [7].

В то же время, подтверждений активности российско-китайского взаимодействия намного больше. Например, китайская компания Sichuan Golden-Elephant Sincerity Chemical планирует разместить завод удобрений в ОЭЗ «Алабуга» в Республике Татарстан. Сычуаньская компания планирует производить до 140 тысяч тонн карбамида и 120 тысяч тонн меламина в год. Кроме того, подобное предприятие позволит создать сотни рабочих мест в Татарстане. Инвестиции в данный проект составят 330 млн долларов. Как отметил президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, за последние годы между Китаем и Татарстаном происходит постоянный обмен делегациями, налажена кооперация и подписаны меморандумы, в Казани открыто Генеральное консульство Китая [8].

Сооружение южной ветки российско-китайского газопровода «Восточный маршрут» в пределах провинций Хэбэй, Шаньдун и Цзянсу было начато в январе 2021 года. После завершения строительства южной ветки из России в Шанхай будет поступать свыше 50 млн куб. м природного газа в день. Протяженность южной ветки составит 1509 км. Ожидается, что проект будет сдан в эксплуатацию в 2025 г. [9]

Сибур Холдинг и Sinopet в январе 2021 года заключили сделку по созданию совместного предприятия на Амурском газохимическом комплексе после получения всех необходимых разрешений от регулирующих органов обеих стран. Сибур и Sinopet будут владеть долями участия в совместном предприятии в размере 60% и 40% соответственно. В июне 2019 года стороны согласовали основные условия потенциального совместного предприятия. После принятия инвестиционного решения были получены все корпоративные и регулирующие разрешения, необходимые для закрытия сделки. После заключения сделки стороны получили совместный контроль над предприятием [10].

Позитивный результат российско-китайского сотрудничества явно виден на примере Амурского ССЗ, который должен стать крупнейшим в мире предприятием по производству базовых полимеров, будет иметь мощность 2,7 млн тонн в год, в том числе 2,3 млн тонн полиэтилена в год и 400 000 тонн полипропилена в год, и будет производить широкий ассортимент марок. Строительство Амурского газоперерабатывающего завода идет синхронно с постепенным выводом Амурского газоперерабатывающего завода «Газпрома» на полную мощность, чтобы последний мог поставлять этан и сжиженный газ на Амурский газоперерабатывающий завод для переработки в продукты с высокой добавленной стоимостью. Завершение строительства и ввод в эксплуатацию запланированы на 2024 год [10].

Особое место в российско-китайских отношениях занимает деятельность Межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству, в задачи которой входит содействие реализации инвестиционных проектов в неэнергетическом секторе. Шесть новых проектов на сумму около 20 миллиардов долларов были рассмотрены в ходе заседания рабочей группы секретариата российско-китайской межправительственной

комиссии по инвестиционному сотрудничеству в июле 2020 года. В ходе встречи были изучены заявки от компаний, которые являются участниками реализации инвестиционных проектов. В рамках одного из таких проектов предлагается создать технологию и наладить серийное производство в Ставрополе полированных сапфировых пластин, которые будут использоваться при изготовлении светодиодов повышенной яркости и микросветодиодов. Ожидается, что экспортная выручка превысит 75 миллионов долларов в год [11].

Еще одним совместным проектом, вступившим в стадию активной реализации во время пандемии, стала канатная дорога через реку Амур. В апреле 2021 года в Благовещенске началось строительство канатной дороги через реку Амур, которая соединит российский Благовещенск и китайский город Хэйхэ. Согласно проекту, длина канатной дороги через Амур между Россией и Китаем составит 973 метра. Он будет состоять из четырех линий и работать по принципу маятника. Вместимость одной гондолы составит до 110 человек. Строительство планируется завершить во второй половине 2022 года [12].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что, как и в случае с кризисом 2014 года, пандемия помогает переориентировать российскую торговлю с запада на восток, постепенно сокращая долю экспорта в ЕС и медленно, но верно увеличивая количество совместных проектов с Китаем. Безусловно, резкий скачок физических объемов поставок нефти из России в Китай может быть недолгим. Тем не менее, поведение ведущих российских игроков, таких как «Роснефть», «Газпром» и РЖД, свидетельствует о том, что посткоронавирусные решения по расширению наземной трубопроводной и железнодорожной инфраструктуры, которые связывают экспорт российских товаров с китайским рынком, определяют новый стратегический императив. Вполне разумно рассматривать такие решения просто как ускорение существующих тенденций.

Положение и статус Китая в мире из-за обвинений властей в сокрытии информации о новом заболевании стали не такими стабильными, как раньше. Это привело к тому, что Китай изменил свое отношение к России и стал более «сговорчивым» в сотрудничестве. Это можно объяснить тем, что в то время, как пандемия сделала Китай еще более важным экономическим ресурсом и рынком для России, Москва стала более необходимым партнером для Пекина, поскольку Китай сталкивается с США по широкому кругу вопросов: от торговой войны до проблем, связанных с Гонконгом и правами в Южно-Китайском море. Также Россия играет роль в достижении одной из важнейших целей внешней политики Пекина: энергетической безопасности.

Пекин и Москва также откровенно признают, что нельзя ожидать полного согласия по всем вопросам политики и не следует стремиться к симметрии между двумя странами. Стороны не должны ждать друг от друга безоговорочной поддержки или идеальной координации по всем ключевым вопросам. Наконец, это предполагает более твердое осознание того, что обе

страны нуждаются во множестве разных отношений и действуют во всё более «многостороннем» мире.

Пандемия COVID-19 действительно стала серьезным испытанием на прочность для российско-китайских отношений и сделала более заметными существующие и до нее проблемы в различных сферах. Все еще существует большое недоверие и конкуренция между политическими элитами двух стран, что является серьезным препятствием для построения полномасштабного процветающего экономического союза. В Китае также с недоверием относятся к российскому инвестиционному и деловому климату, в этом причина медленного роста прямых иностранных инвестиций из Китая в Россию. Однако мировой кризис создал и импульсы к решению вопросов, препятствующих плодотворному сотрудничеству. Особого внимания по-прежнему требуют объекты транспортной и таможенной инфраструктуры, а также логистические мощности в приграничных регионах, особенно с российской стороны. Модернизация инфраструктурных объектов и повышение эффективности таможенного оформления внесут значительный вклад не только в обеспечение бесперебойных поставок между РФ и КНР, но и в реализацию транзитного потенциала России в китайско-европейском сообщении.

Учитывая совпадение целей и интересов развития Китая и России и бесперебойную реализацию крупных проектов, основы и долгосрочная положительная тенденция китайско-российской торговли остаются неизменными, и двустороннее экономическое и торговое сотрудничество будет продолжать расти устойчивым образом. В настоящее время Китай активно выстраивает новую модель развития, и китайско-российские экономические и торговые отношения находятся на решающем этапе углубленного развития. Общей целью двух стран является ускорение модернизации китайско-российского экономического и торгового сотрудничества и переход к высококачественному развитию. Несмотря на все сложности, 2020 и 2021 годы были насыщенными на инвестиционные проекты. Некоторые из них уже активно реализуются, другим был дан старт в течение 2022 года, когда влияние пандемии на международные отношения пошло на спад. Исходя из заданного темпа сотрудничества, в будущем Россия и КНР не сдадут своих позиций и продолжат плодотворное сотрудничество, реализуя свои внутренние потенциалы.

Ссылки и примечания:

1. Пандемия коронавирусного заболевания (COVID-19) // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19> (датаобращения: 02.09.2023).
2. Китай и Россия совместно построят один из крупнейших в мире заводов по производству полимеров // «Жэньминь жибао» онлайн. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0831/c31518-9740085.html> (дата обращения: 10.09.2023).

3. Газпром хочет нарастить экспорт в Китай по Сила Сибири-2 // REUTERS. – URL: <https://www.reuters.com/article/orubs-gazprom-china-gas-idRUKBN2B316D-ORUBS> (дата обращения: 10.09.2023).
4. Товарооборот между Китаем и Россией в 2021 году // Информационно-аналитическое агентство Sea News. – URL: <https://seanews.ru/2022/01/17/ru-tovarooborot-mezhdu-kitaem-i-rossiej-v-2021-godu/> (дата обращения: 10.09.2023).
5. Górnikiewicz M., Zelkowski J. Belt and Road Initiative in the Age of COVID-19 Pandemic: Implications for the Development of the Strategic Project of the People’s Republic of China - European Research Studies Journal – Special Issue 3 – 2020 – P. 302-310.
6. Стало известно, когда откроют международный мост Благовещенск – Хэйхэ // Новости Благовещенска БезФормата. – URL: <https://blagoveshensk.bezformata.com/listnews/mezhdunarodniy-most-blagoveshensk-heyhe/100452754/> (дата обращения: 10.09.2023).
7. СМИ: в Китае началось производство российско-китайского самолета // РИА Новости, URL: <https://ria.ru/20210902/kitay-1748292708.html> (дата обращения: 10.09.2023).
8. Инвестор из КНР вложит \$330 млн в создание завода по производству удобрений в Татарстане // DairyNews.today. – URL: <https://dairynews.today/news/investor-iz-knr-vlozhit-330-mln-v-sozdanie-zavoda-.html> (дата обращения: 15.09.2023).
9. Началось сооружение южной ветки китайско-российского газопровода // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20210107/gazoprovod-1592222933.html> (дата обращения: 15.09.2023).
10. Woodroof N. SIBUR and Sinopec create JV at Amur Gas Chemical Complex // Hydrocarbon Engineering. - USA, 2021. – URL: <https://www.hydrocarbonengineering.com/petrochemicals/04012021/sibur-and-sinopec-create-jv-at-amur-gas-chemical-complex/> (дата обращения: 15.09.2023).
11. Россия предложила Китаю инвестиционные проекты на \$20 млрд // Мультиязычный каталог российских брендов, компаний, экспортеров и экспертов «Сделано в России». – URL: <https://madeinrussia.ru/ru/news/2001> (дата обращения: 15.09.2023).
12. Russia-China Cable Car Link to Be Built Over the Amur River Border // Russia Briefing. – URL: <https://www.russia-briefing.com/news/russia-china-cable-car-link-to-be-built-over-the-amur-river-border.html/> (дата обращения: 15.09.2023).

УДК 94: 327((470+571):439)

А.Ю. Козловский

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

e-mail: a.kozlovskiy@donnu.ru

ИЗУЧЕНИЕ И ЗАЩИТА РУССКОГО И ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ВЕНГЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация

В рамках данной научной статьи автором рассмотрена проблематика изучения русского языка в Венгрии, а также венгерского и других финно-угорских языков в России. Автором рассмотрены ключевые факты прошлого и настоящего, связанные с изучением данных языков в двух странах. Автором сделан вывод о том, что благожелательное отношение к русскому языку в Венгрии, венгерскому и другим финно-угорским языкам в России является основой сохранения приемлемых межгосударственных отношений между двумя странами и их улучшения в будущем.

***Ключевые слова:** русский язык, венгерский язык, финно-угорские языки, Россия, Венгрия, российско-венгерское культурное сотрудничество.*

Summary

Within this scientific paper the author considered the issue of studying Russian language in Hungary, and Hungarian and other Finno-Ugric languages in Russia as well. The author considered the key-stone past and present facts connected with studying these languages in both states. The author concluded that friendly attitude to Russian in Hungary, and Hungarian and other Finno-Ugric languages in Russia is a basis for preserving acceptable interstate relations between two countries and its improvement in future.

***Keywords:** Russian language, Hungarian language, Finno-Ugric languages, Russia, Hungary, Russian-Hungarian cultural cooperation.*

Актуальность темы данной научной статьи обусловлена непреходящим значением взаимного уважения культур в рамках двухсторонних межгосударственных отношений. Речь идет о том, что как бы ни были осложнены политические и социально-экономические отношения между отдельными странами в тот или иной период, посягательства на социокультурные основы этноса, например на национальный язык, представляют собой ту «красную линию», пересечение которой может привести к достаточно трагическим последствиям. И напротив, мудрое, бережное, уважительное отношение к культурному наследию страны-партнера

является залогом восстановления и дальнейшего развития двухсторонних отношений.

На наш взгляд, ярким примером сказанного могут служить исторически сложившиеся отношения между Россией и Венгрией. Причем речь идет не только о межправительственных связях, но и о непосредственных контактах между российским и венгерским народами.

История изучения русского языка в Венгрии и, в свою очередь, венгерского и других финно-угорских языков в России является длительной, насчитывающей не менее ста семидесяти лет, несмотря на осложнения военно-политических отношений между двумя народами на рубеже первой и второй половин XIX в., а также в годы Великой Отечественной войны и затем в 1956 г. Важность взаимного изучения русского и финно-угорских языков, в частности венгерского, обусловлена широкой представленностью в нашей стране граждан, принадлежащих к многочисленным финно-угорским народам. Относительно многочисленными являются и нынешние носители русского языка в Венгрии, обосновавшиеся там еще в первой половине XIX в.

Российская и венгерская историография данной проблематики, не будучи чрезвычайно обширной, является, тем не менее, очень предметной по своему содержанию, основанной на конкретном, верифицируемом эмпирическом материале. Так, актуальными работами в данном тематическом ключе являются научные статьи С.А. Хашмовски, Р. Хасановой, Д. Будаи, Н.Д. Афанасьевой, Н.Н. Колпаковой и других исследователей.

Изучение русского языка в Венгрии всегда было относительно востребованным. На сегодняшний день, в свете несправедливых, крайне политизированных гонений на русскую культуру в различных странах Европы, популярность русского языка в этой стране хотя и несколько снизилась, однако стремление к его изучению продолжает иметь место в венгерском социуме. Так, речь идет об изучении русского языка венгерскими школьниками, студентами, представителями деловых кругов, в частности в рамках внешнеэкономической деятельности и туристической индустрии. Причем представители данных профессиональных отраслей стремятся самостоятельно овладеть «прикладным» русским языком, чтобы не прибегать к оплачиваемой помощи профессиональных переводчиков [1].

В Венгрии издавалась и продолжает издаваться соответствующая фундаментально-теоретическая и методически-прикладная литература: монографии по истории русского языка и русистики, учебники, самоучители русского языка, русско-венгерские и венгерско-русские словари [2]. В мировой сети Интернет активно развиваются он-лайн курсы по изучению русского языка. Русский язык по своей международной значимости продолжает восприниматься в Венгрии наряду с другими мировыми языками — например, английским, французским, испанским.

Фундаментальная и прикладная русистика в Венгрии опирается на определенные, многовековые традиции. Ее начало было положено еще в XIX в. Причем интерес венгерских лингвистов к русскому языку не ослабевал,

несмотря, например, на вмешательство России эпохи Николая I в венгерскую Войну за независимость 1848 – 1849 гг. Начальная популяризация русского и других славянских языков в Венгрии была связана и с необходимостью либерализации национально-языковой политики в Австрийской и Австро-Венгерской империях, в которых проживали многочисленные славянские народы (чехи, словаки, поляки, словенцы, сербы, хорваты, босняки, русины). Изучение и преподавание русского языка в Венгрии началось с основания кафедры славянских языков в Пештском университете в 1849 г. [3].

Естественно, что пик изучения русского языка в Венгрии пришелся на годы социалистической Венгрии, то есть Венгерской Народной Республики (ВНР), существовавшей с 1949 по 1989 гг., бывшей страной-участником «советского блока» — Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского Договора (ОВД). Причем именно русский был рабочим языком межгосударственного общения в рамках СЭВ (ст. XIV) [4].

В те годы русский язык был строго обязательным предметом в рамках учебных программ всех венгерских общеобразовательных школ и высших учебных заведений [5]. В это время, в 1951 г., после «Венгерско-русского словаря», изданного в 1946 г. в СССР, в Венгрии были изданы первые профессиональные «Русско-венгерский словарь» и «Учебник русского языка для начинающих» [6]. Во всех вузах этой европейской страны, в частности в педагогических институтах, создавались многочисленные кафедры по изучению русского языка, на которых работало несколько десятков виднейших венгерских русистов. В 1973 г. в Будапеште был открыт Дом советской науки и культуры.

Важно отметить, что ставшие традиционными интерес и потребность венгров в изучении иностранных языков в целом берет свое начало именно в годы ВНР. Так, тамошний социалистический режим во многих отношениях был более либерален, чем в других европейских странах «народной демократии». В Венгрии, например, имел место свободный выезд граждан за рубеж, в частности в капиталистические страны. После же 1968 г. руководством ВНР начала проводиться политика, направленная на развитие внешнеэкономического сотрудничества Венгрии со странами Запада, прежде всего Европейского экономического сообщества. Это обусловило тенденции большей популяризации английского, французского и немецкого языков.

Впоследствии же, в 90-е гг. XX в., то есть после венгерской «Бархатной революции» 1989 г., русский язык несколько утратил свои общественные позиции, перестав быть насаждаемым административно в венгерских школах и вузах, уступив место вышеупомянутым языкам. Несмотря на это, профессиональная венгерская русистика продолжала свое развитие. В вузах Венгрии сохранялись и развивались кафедры русского языка и литературы.

Так, например, в 1990 г. были основаны Венгерская ассоциация преподавателей русского языка и литературы и Венгерское общество русистов. До сих пор они поддерживают связи с венгерским филиалом Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Российским культурным центром

в Будапеште и различными региональными ассоциациями венгерских русистов (МАПРЯЛ, РОПРЯЛ, ВАПРЯЛ) [7].

Отправной точкой к определенному усилению позиций русского языка в Венгрии стал 2007 г. – Год русского языка, а также год учреждения Фонда «Русский мир». Тогда же в Будапеште был открыт Первый Русский Центр этого Фонда, ставший, однако, преемником вышеупомянутого Дома советской науки и культуры. Затем в 2011 и 2017 гг. такие же центры были открыты в Печском и Дебреценском университетах соответственно.

Ввиду сдержанной позиции официального Будапешта, прежде всего действующего Премьер-министра Виктора Орбана, деятельность этих центров не подверглась осуждению и гонениям в свете современной сложной международной обстановки. Так, например, совместными усилиями Ирины Осиповой, Нины Секей и Андраши Секей в Венгрии издается и популяризируется линейка учебников по изучению русского языка «Ключ» и «Шаг за шагом». Собственно, широкомасштабные российско-венгерские студенческие обмены были начаты еще в 2017 г. благодаря личным усилиям Президента России В.В. Путина и Премьер-министра Венгрии Виктора Орбана.

На сегодняшний день русский язык на факультативной основе преподается приблизительно в 150 гимназиях Венгрии (города Домбовар, Кишкунхалаш, Мако, Мартфю, Тата, Вац, Будапешт, Дебрецен, Печ и Сегед) для 4000 учащихся [8]. Неоднократно учащиеся венгерских школ и высших учебных заведений становились победителями-финалистами международных олимпиад по русскому языку, проводившихся Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина. Естественно, что после февраля 2022 г. таковые межкультурные контакты пошли на спад.

Русскоязычные культурно-просветительские сообщества действуют в городах Дьер, Капошвар, Пакш, Печ, Дебрецен. В стране действуют Фонд «Алфавит», газета «Российский курьер», Клуб русского языка в г. Эгер, Клуб россиянок, Русский театр-студия, Фонд молодежного творчества «Пилланго» [9]. Эти данные представляются красноречивыми в свете того, что в настоящее время русскоязычные жители и граждане Венгрии составляют около 200 000 чел. [10].

Что же касается современного положения венгерского языка в России, то его изучение в нашей стране широко приветствуется. Однако речь идет не только о венгерском, но и о других финно-угорских языках. Как известно, гражданами России являются представители многочисленных финно-угорских народов: венгры, бессермяне, вепсы, водь, финны, финны-ингерманландцы, карелы, ижора, коми, коми-пермяки, марийцы, мордва, нганасаны, ненцы, саамы, ханты, манси, энцы, селькупы, эстонцы, сету, удмурты [11]. Согласно же итогам официальной Всероссийской переписи, проводившейся с 15 октября по 14 ноября 2021 г., число этнических венгров среди граждан России составляет 1 460 чел. Наиболее же многочисленным финно-угорским народом России являются мордвины – 484 450 чел. [12]. Так, по примеру русских центров в Венгрии, в России были учреждены Венгерские кабинеты. Это

культурно-просветительские центры, действующие в Санкт-Петербургском, Удмуртском, Мордовском и Марийском государственных университетах. В свою очередь, профессиональные-отраслевые финно-угорские кафедры действуют в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, Институте удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики (г. Ижевск), Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова и т.д. Например, в 2016 г. исполнилось 70 лет с начала преподавания венгерского языка в СПбГУ [13].

Чрезвычайно важно отметить, что граждане России финно-угорского происхождения и их законные представители идентифицируют себя в качестве неотъемлемой части многонационального российского народа. Так, в докладе Председателя Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации (АФУН РФ) П.Н. Тултаева, зачитанном на II-м Всероссийском форуме финно-угорских народов РФ «Этнокультурное многообразие России: современные вызовы и перспективы развития», состоявшемся 16 августа 2023 г. в г. Саранске, подчеркивается: «Все мы, вне зависимости от национальной принадлежности и религиозной конфессии, являемся частью российского многонационального народа. Сегодня наша страна столкнулась с новыми внешними и внутривнутриполитическими вызовами. Отмечу, что финно-угорские народы России заняли позицию, подтверждающую свою приверженность на укрепление единства российской нации, солидарность с политическим курсом Президента страны Владимира Владимировича Путина» [14].

Однако проблематика употребления финно-угорских языков на территории России имеет, к сожалению, свой международно-конфликтологический контекст. Так, действительно, языки финно-угорских народов России совершенно недостаточно представлены в российском Интернет-пространстве, что провоцирует регулярные враждебные выпады со стороны деструктивных националистических сил Финляндии, Эстонии и, как ни странно, более «сдержанно» настроенной по отношению к России Венгрии [15]. Однако и 200-тысячное русскоязычное население Венгрии не имеет своих представителей в общегосударственном парламенте и местных органах власти [16].

Если же обратиться к будущему российско-венгерского культурного сотрудничества, то его перспективы пока что остаются весьма непростыми, неопределенными, прежде всего в свете международной обстановки, обострившейся в конце февраля 2022 г. Общие российско-венгерские культурные проекты, реализация которых планировалась на 2023 г., были отменены/«заморожены». Так, речь идет о празднованиях в честь 183-летия со дня рождения П.И. Чайковского, 150-летия со дня рождения С.В. Рахманинова и т.д.

В свою очередь, скромный характер указанных перспектив обусловлен и другим фундаментальным фактором — усилившимися внутривенгерскими дискуссиями о происхождении и макроэтнической идентичности венгерского народа. Содержанием современного венгерского идентитарного тренда

является обоснование того, что венгры – это вовсе не один из многочисленных финно-угорских народов, а представители тюркского суперэтноса — тюрки-христиане, кыпчакские тюрки. Сам действующий Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан является ярким сторонником тюркской, а не финно-угорской версии происхождения венгров. Поэтому на сегодняшний день одной из ключевых целей внешней политики Венгрии является её «культурное возвращение» в тюркский мир, включая международно-правовое приобщение к нему. Так, например, Венгрия стремится стать полноправной страной-участником, а не только наблюдателем в Организации тюркских государств, не довольствуясь спорадическим проведением на территории Венгрии Большого курултая гуннских и тюркских народов.

Возвращаясь к проблематике изучения русского языка в Венгрии в будущем, следует отметить следующее. В условиях даже самых сложных двухсторонних политических и экономических отношений доброжелательное или же нейтральное отношение к этносу и его культуре, в частности к его родному языку, является фактором, способствующим их нормализации. История, например, второй половины XX – первой четверти XXI вв. не знает случаев российско-венгерского этнокультурного, лингвистического антагонизма, чего нельзя сказать о прошлом и современном состоянии достаточно напряженных венгерско-румынских отношений в румынской Трансильвании. Как известно, румынское государство проводит политику «мягкой», но очень настойчивой этно-идентитарной гомогенизации Трансильвании, в которой этнические венгры всегда были представлены достаточно широко. На сегодняшний же день венгры уже не представляют этнического большинства этой половины Румынии. Многочисленные венгерские общины сохранились лишь в центрально-восточной части румынской Трансильвании. На протяжении всей второй половины XX – первой четверти XXI вв. Венгрия выражала и выражает ожесточенные протесты в адрес Румынии в связи с положением венгерского меньшинства в Трансильвании [17].

Таким образом, изучение русского языка в Венгрии и, в свою очередь, венгерского и других финно-угорских языков в России имеет давнюю и богатую историю. Основой для сохранения и приумножения этих социокультурных достижений двух стран являются люди: представители венгерской русистики, носители русского языка в Венгрии, многочисленные финно-угорские народы России, российские специалисты в сфере финно-угроведения. Традиции благожелательного отношения народов двух стран к друг другу не были потрясены военно-политическими катаклизмами прошлого. Аналогичная ситуация имеет место и на сегодняшний день, несмотря на формальную принадлежность Венгрии к враждебному России западному блоку государств. Однако обе страны не являются конкурентами в социокультурно-ценностном поле. Поэтому преемственность бережного отношения к национальным языкам двух стран послужит основой для стремительного восстановления и широчайшего развития их двусторонних

социально-экономических и культурных отношений после нормализации современной международной обстановки.

Ссылки и примечания:

1. Хашмовски С.А. Русский язык в Венгрии: от прошлого к будущему // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 1. – С. 9.
2. Будаи Д. Преподавание русского языка в Венгрии: история культурного взаимодействия / Д. Будаи, Н.Д. Афанасьева // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 129.
3. Там же. – С. 123.
4. Устав Совета Экономической Взаимопомощи // Предпринимательское право. – URL: https://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_36 (дата обращения: 27.08.2023).
5. Хашмовски С.А. Указ. соч. – С. 9.
6. Там же. – С. 13.
7. Будаи Д. Указ.соч. – С. 129.
8. Хасанова Р. Русский язык в Венгрии // Альманах «ЭТНОДИАЛОГИ». 2017. № 1 (52). – С. 86.
9. Русскоязычная община в Венгрии // Координационный совет российских соотечественников Венгрии. – URL: <https://russkie.hu/ruskoiazycznaia-obshchina-v-vengrii/> (дата обращения: 27.08.2023).
10. Там же.
11. Народы // Общероссийское общественное движение «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». – URL: <https://afunrf.ru/narodyi/> (дата обращения: 27.08.2023).
12. Итоги Всероссийской переписи населения-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 27.08.2023).
13. Колпакова Н.Н. У истоков отечественной унгаристики: опыт первого научного русскоязычного описания венгерского языка // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 160.
14. Доклад Председателя АФУН РФ П.Н. Тултаева на II Всероссийском форуме финно-угорских народов «Этнокультурное многообразие России: современные вызовы и перспективы развития», 16 августа 2023 г., Саранск // Общероссийское общественное движение «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». – URL: <https://afunrf.ru/narodyi/> (дата обращения: 27.08.2023).
15. Там же.
16. Русскоязычная община в Венгрии.

17. Биткова Т.Г. Этнонациональные проблемы в Румынии // Национальные меньшинства в странах Центрально-Восточной Европы. Сб. обзоров и реф.. Сер. "Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России" Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем; Редкол.: Биткова Т.Г.. Москва, 2007. – С. 44-51.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 328.182

Ю.А. Скворцов

*старший преподаватель кафедры политологии,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»*
e-mail: yu.skvortsov@mail.ru

Н.Э. Шандро

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: shandro.nikita2016@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА США

Аннотация

В статье исследуется влияние политического релятивизма на формирование и интерпретацию исторического нарратива в Соединенных Штатах. Авторы анализируют, как политические изменения, культурные сдвиги и социальные конфликты влияют на взаимоотношения США и Европы. В статье рассматриваются основные течения и тенденции в политическом дискурсе, оказывающие влияние на формирование повелительного тона штатов по отношению к странам ЕС. Исследование призвано расширить понимание динамики и взаимосвязей между политикой и историографией в контексте американской истории, предлагая новые перспективы для анализа политических и культурных аспектов формирования и интерпретации исторического нарратива.

Ключевые слова: *Североамериканское государство, Соединённые Штаты Америки, Европейский Союз, демократическое государство.*

Summary

The article examines the influence of political relativism on the formation and interpretation of the historical narrative in the United States. The authors analyze how political changes, cultural shifts and social conflicts affect the relationship between the United States and Europe. The article examines the main trends and trends in political discourse that influence the formation of the imperative tone of the states in relation to the EU countries. The research aims to expand the understanding of the dynamics and interrelationships between politics and historiography in the

context of American history, offering new perspectives for the analysis of political and cultural aspects of the formation and interpretation of historical narrative.

Keywords: *North American state, United States of America, European Union, democratic state.*

Североамериканское государство, образованное 13 британскими колониями, играет исторически значимую роль. В настоящее время США являются ядерной сверхдержавой и оказывают влияние на своих «бывших хозяев». Однако, это влияние не всегда является благоприятным для стран Европы, или, рассматривая вопрос шире, для Европейского Союза.

Цель данной работы – расширить понимание динамики и взаимосвязей между политикой и историографией в контексте американской истории, предлагая новые перспективы для анализа политических и культурных аспектов формирования и интерпретации исторического нарратива.

Колониальный период в истории США охватывает период с момента, когда европейские страны начали колонизировать североамериканский континент, до провозглашения Декларации Независимости в 1776 году. В конце XV века Англия, Франция, Испания и Голландия начали исследовать и заселять земли Северной Америки. Некоторые колонии не смогли устоять долго по разным причинам, но те, которые остались, заложили основу будущего государства. Однако этот процесс не проходил без пролития крови местных жителей – коренных американцев. После создания Соединенных Штатов, состоящих из 13 бывших британских колоний, страна начала активно расширяться на еще неисследованные и малоисследованные территории внутри материка.

Изначально, они были закрытым государством, придерживающимся политики изоляционизма и ориентированным на внутренний рынок. Но с момента своего открытия миру США начали проявлять себя как международная организация.

Развитию США способствовало географическое расположение (прежде всего, это выход к двум океанам – Тихому и Атлантическому), множество полезных ресурсов и отсутствие враждебно настроенных соседей. Рост числа предприятий начал эру прогрессивизма, позже – инвестиционный потенциал Европы, начал перетекать в Америку. Что ускорило и без того бурный рост экономического развития США. Вскоре, началась перекачка «умов» из Европы и Азии в Штаты. Что дало новый толчок для развития науки и технологий в относительно новой стране [1].

До того, как США стали мировой сверхдержавой, пройдет еще около 50 лет. Прежде чем это произойдет, американским солдатам будет необходимо сражаться за пределами своей страны. В 1898 году между США и Испанией произошел вооруженный конфликт, в результате которого США аннексировали такие земли испанской империи, как Куба, Пуэрто-Рико и Филиппины. Все эти территории скоро стали независимыми от Испании [2].

В Первую мировую войну (1914 – 1918 гг.), вооруженные силы США вступили с апреля 1917 года на стороне Антанты. Начали активно участвовать в Гаагской конференции.

В межвоенное время, в особенности вскоре после окончания Первой мировой войны, США начали снова выходить в лидеры по темпам экономического роста, благодаря этому еще более укрепила свое место на мировой арене. К концу 1920-х годов, производимой промышленной продукции США было практически столько же, сколько её производили во всем остальном мире. Стабильно росла заработная плата, популяризовались потребительские кредиты, был крайне низким уровень безработицы.

США стали родиной PR (Public Relations). Здесь начали открываться школы и университеты по изучению PR- технологий. Не только в теории, но и на практике, PR показал, что он представляет себя уже в более классическом понимании.

Однако период экономического расцвета в США начался с неблагоприятных событий. Это включало уменьшение правительственных заказов, спад спроса на американские товары за рубежом и введение «Сухого закона». Большое количество возвращенных с фронта солдат столкнулось с проблемой безработицы. В результате этого, в начале 1930-х годов, экономический рост США замедлился.

Чтобы преодолеть это положение дел, политологи предлагали, чтобы США заняли лидирующую позицию в мировой политике и стали финансовым центром мира. Американские монополии успешно привлекли новые капиталы. Банки США начали выдавать займы европейским странам, включая Германию.

Правительство США снизило налоги для деятельности американских предприятий, прекратило антимонопольную политику и отменило военные законы, которые регулировали цены на товары в стране. Все это способствовало необычайному развитию различных секторов экономики. Этот экономический бум и привел США в экономический упадок, который назвали «Великой депрессией». Жизнь в кредит не принесла счастья. Европа не смогла вовремя отдать данный им кредит американскими банками, начался спад спроса на американские товары, большие трудности в сельскохозяйственной отрасли. И такой упадок продолжался до начала Второй мировой войны. Хотя и были до этого приняты меры Президентом США Франклином Рузвельтом по выходу США из экономической ямы. Но и это не сильно помогло [3].

С началом Второй мировой войны, американское производство переключилось на «военные рельсы», начались массовые поставки техники и оружия нуждавшимся странам Европейского континента. И сами США были втянуты в эту войну после атаки Императорских ВВС Японии на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор в Тихом океане. Но, несмотря на это, после окончания войны, США стали ядерной сверхдержавой.

После этого, возросли амбиции самих Соединённых Штатов. Для противостояния коммунистическому гегемону в лице СССР, США принялись во всю восстанавливать Западную Европу и делать её своим манипулятивным

игроком. Для этого, США вложили огромные средства в восстановление разрушенной после войны Европы. Началось формирование в Европе антикоммунистической (и антирусской) идеологии.

Началась Холодная война, как ее назвал Уинстон Черчилль в своей знаменитой Фултонской речи 5 марта 1946 года. Вскоре США начали формировать блок из западноевропейских государств во главе с самими США. Его название НАТО (North Atlantic Treaty Organization) – что в буквальном переводе означает «Организация Североатлантического Договора». Этот военно-политический блок был создан с целью противостояния коммунизму и ограничению его сферы влияния в Европе [4 – 5].

В период Холодной войны, Соединенные Штаты ведут активно пропаганду того, насколько демократия способна «творить чудеса» и как ужасно чувствует себя человек под «колпаком коммунизма». Ни смена президентов, ни чередование партий в управлении страной, не сменили этого курса Соединенных Штатов в противостоянии «угрозы с Востока».

Параллельно США начали прививать антикоммунистические ценности и в азиатском регионе. Попытка во Вьетнаме, частичный успех в Корее, экономическое сотрудничество с Китаем в период правления Дэна Сяопина. И в это же время, Латинская Америка началась поддаваться на антикоммунистическую пропаганду США.

В это время, в Европе демократические принципы и идеи либерализма полностью «окутали» европейцев уже не в первых поколениях. Во власти начали закрепляться полностью проамериканские лидеры.

После окончания холодной войны в 1991 году, с момента развала СССР и победы США и их союзников, соединённые штаты стали единственным крупным игроком на мировой арене [6].

1 ноября 1993 года, крупнейшие европейские державы решили создать союз. ЕС был создан с целью координации экономического и социального развития стран Европы. К тому времени, практически каждый политический актер в Европе, был полностью проамериканским или же частично проамериканским. Поэтому все институты ЕС возглавляли в основном сторонники Америки. Хотя к тому времени СССР уже не было, но в то же время продолжались антироссийские действия со стороны ЕС, НАТО и самих США, на российскую федерацию. Ведь, нужно ж было как-то сохранить своё влияние на Европейские страны [7 – 8].

С начала 1990-х годов Соединенные Штаты активизировали свои усилия на расширение влияния на Восток из-за отсутствия достойных соперников. Именно по этой причине они принялись за осуществление демократизации региона Ближнего Востока. Данный подход вызвал значительные дискуссии и разногласия. В начале этого процесса Европейский союз выразил свою поддержку инициативе США. Однако, впоследствии, последствия этой стратегии стали для Евросоюза более трагическими. К таковым относятся обширные миграционные потоки, террористические инциденты, происходящие в различных странах и городах Европы, а также экономический кризис,

который начался в 2008 году и последующие, хотя и менее значительные по масштабам. Это лишь несколько примеров проблем, с которыми Европейский союз столкнулся в результате действий Соединённых Штатов.

Уже в указанный период времени высказывались определенные научные замечания по отношению к стратегиям Евросоюза и Соединенных Штатов. Европейский союз стал сталкиваться с утратой своей промышленной мощи в пользу экономических успехов в США, что вызвало недовольство некоторых экспертов [9 – 10]. Увеличение цен на энергоресурсы, хотя и укрепило экономическую ситуацию в США, оказало значительное негативное воздействие на экономику Европейского союза.

Активная позиция США в поддержке и призывах к помощи для мигрантов, прибывающих в Евросоюз, а также постепенное внедрение антитрадиционных ценностей, включая поддержку различных меньшинств и поощрение миграции, а также отход от традиционных ценностей, придерживавшихся в Европе до этого момента, оказали влияние на общественное сознание европейцев. Все эти факторы способствовали более легкому воздействию на «подчинение масс» в странах Европы.

Главный способ для выхода из кризисной ситуации, ЕС видел покупке более дешевого сырья из России. Это означает, что США теряют львиную долю сырьевого рынка на территории ЕС.

Позднее, политический кризис на Украине, связанный с действиями США и Великобритании, привел к ухудшению общей обстановки в Европе. Вместо этого, американский военный комплекс начал получать значительные финансовые выгоды. Это стало частью усилий по попытке стабилизировать экономику Соединенных Штатов путем продажи вооружений и последующего восстановления разрушенных рынков сбыта.

Однако государственный переворот 2014 года на Украине не развился согласно заранее разработанным планам. Вместо этого началась долгосрочная гражданская война, продолжительность которой значительно превзошла ожидания. Это вынудило Соединенные Штаты принимать более радикальные и оперативные меры с целью приблизиться к границам Российской Федерации [11].

Специальная военная операция (СВО) Российской Федерации помешала планам США, ЕС и всего НАТО исполнить этот план. Началась санкционная война США и ЕС против РФ.

Последствия санкционной войны крайне пагубно сказываются на Европейском Союзе. Хотя и Соединенные Штаты в большом убытке. Но, чтобы не потерять «лица» перед союзниками, а именно в Европе, США приходится и дальше продавливать этот план и активно подключать Евросоюз к его исполнению, уверяя в правильности их действий.

Но, экономика всего ЕС, в особенности его экономических лидеров в лице Германии и Франции, показывает, что они становятся не конкурентоспособными. Их продукция становится слишком затратной, энергоресурсов не хватает, чтоб вернуть былые мощности. Жизнь во всем

Евросоюзу становится невероятно дорогой. Плюс еще гендерная и миграционная повестка. Все это заставляет задуматься простых жителей Европейского Союза о правильности своих действий. Действительно ли они встали на правильную сторону?

К этому ко всему, «открывает глаза» европейцам и вооруженный конфликт на Ближнем Востоке, конфликт в Секторе Газа. США активно ведут политику поддержки властей Израиля, о чем говорят военные поставки армии Израильского государства. Лидеры стран ЕС так же поддерживают Израиль, но вскрывшиеся детали чудовищного геноцида палестинцев израильянами, подталкивает европейский народ к сомнениям: кто прав, и кто виноват?

Сейчас по территории ЕС можно наблюдать масштабные протестные акции в поддержку Палестины и признания действий армии Израиля тяжелым военным преступлением. И снова здесь происходит раскол мнений о правильности своих деяний. Евросоюз начинает «просыпаться» после долгого гипноза со стороны США. Все больше стран – участниц ЕС начинают понимать, что не все, что выгодно США – выгодно и ЕС. Европейский Союз, это союз на благо Европейских стран и европейцев, а не Америки.

Дальнейшее продолжение этих действий в большей степени создает пропасть между Европейским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

Американская «империя» или же неоимперия рушится с достаточно хорошей скоростью. И вскоре ЕС придется выбирать, либо дальше придерживаться проамериканского настроя и все глубже и глубже погружаться в кризис во всех сферах, либо же встать на собственный путь развития и придерживаться того, что будет в интересах самой Европы и европейских граждан [12].

История развития Соединенных Штатов Америки представляет собой бурный и волнообразный процесс. Несмотря на молодость государства, США за короткое время смогли сформировать собственные ценности и убедить в их важности все мировое сообщество, особенно Европейский Союз.

Америка успешно применяет свою технологию «мягкой силы» в отношении всех стран, входящих в состав ЕС, а также за его пределами. В период искусственного кризиса, инициированного США, страна старается поддерживать свою экономику за счет взаимодействия с Евросоюзом.

Перевод активов и предприятий из ЕС в США, ослабление производственных мощностей Евросоюза, вывод «союзника» (соперника) с мировой арены, а также продажа сырья и энергоресурсов в Европу по более высоким ценам, чем у России, – все эти факторы заставляют Европейский Союз задуматься об эффективности и честности своих отношений с американским партнером.

Таким образом, воздействие США на Евросоюз приводит к размышлениям о том, насколько справедливы и выгодны союзные отношения с этим заокеанским государством.

Ссылки и примечания:

1. Cooke R. G. North America in Colonial Times / Cooke R. G. – New York : Charles Scribner's Sons, 1998. – 911 p.
2. David J. Weber. The Spanish Frontier in North America / David J. Weber. – New Haven: Yale University Press, 2009. – 298 p.
3. Richard Middleton, Colonial America: A History, 1565- 1776 (3rd ed) ch 2 / Richard Middleton. – Wiley, 2002. – 576 p.
4. Там же.
5. Cooke R. G. North America in Colonial Times / Cooke R. G. – New York : Charles Scribner's Sons, 1998. – 911 p.
6. Richard Middleton, Colonial America: A History, 1565 – 1776 (3rd ed) ch 2 / Richard Middleton. – Wiley, 2002. – 576 p.
7. Cooke R. G. North America in Colonial Times / Cooke R. G. – New York : Charles Scribner's Sons, 1998. – 911 p.
8. Энтони Л.Г. Звезды в полосу: важнейшее партнёрство между Европейским Союзом и Соединёнными Штатами / Л.Г. Энтони. – Springer Nature, 2020. – 468 с.
9. Там же.
10. Ананьева Л.Ю. ЕС и США: основные аспекты сотрудничества [Электронный ресурс] / Л.Ю. Ананьева. – Образовательный портал «Справочник». – Режим доступа https://spravochnick.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/es_i_ssha_osnovnye_aspekty_sotrudnichestva/ (дата обращения: 12.10.2023).
11. Там же.
12. Энтони Л.Г. Звёзды в полосу: важнейшее партнерство между Европейским Союзом и Соединёнными Штатами / Л.Г. Энтони. – SpringerNature, 2020. – 468 с.

НАША ПОЧТА

УДК 94:78

В.С. Ешпанов

*доктор исторических наук,
Казахский университет технологии и бизнеса,
Республика Казахстан
e-mail: WS-282@mail.ru*

К.Б. Омарова

*Школьный музей КГУ «ООШ села Старый Колутон»
e-mail: WS-282@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НА БАЗЕ СЕЛЬСКОГО ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ НА МАТЕРИАЛАХ: (КГУ «ООШ СЕЛА СТАРЫЙ КОЛУТОН» АСТРАХАНСКОГО РАЙОНА АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация

Уважение к историческому прошлому, побудили авторов в рассматриваемой статье предпринять попытку освещения основных подходов к историческому наследию, средствами сельского школьного музея. В труде раскрыт опыт работы школьного музея и возможности его работы в образовательном учреждении. В работе рассматривается актуальная для современной молодежи проблема наследия прошлого, восстановление культурно-исторических связей с родным краем. Поднимается вопрос статуса музея в сельской местности. Представлена динамика функционирования сельского школьного музея в его предназначении. Авторами отмечена роль школьного музея в воспитании учащихся на основе истории своего края. Рассмотрены возможности использования ресурсов школьного музея при формировании у учащихся исторического наследия. Показан опыт поисковой и экскурсионной деятельности сельского школьного музея.

Ключевые слова: *школа, село, музей, учащиеся, образование, общество, наследие, история.*

Summary

Respect for the historical past prompted the authors in this article to attempt to highlight the main approaches to the historical heritage, using the means of a rural school museum. The work reveals the experience of the school museum and the

possibilities of its work in an educational institution. The paper deals with the problem of the legacy of the past, which is relevant for today's youth, the restoration of cultural and historical ties with their native land. The question of the status of the museum in rural areas is raised. The dynamics of the functioning of the rural school museum in its intended purpose is presented. The authors noted the role of the school museum in the education of students based on the history of their region. The possibilities of using the resources of the school museum in the formation of students' historical heritage are considered. The experience of search and excursion activities of the rural school museum is shown.

Keywords: *school, village, museum, students, education, society, heritage, history.*

За последние десятилетия в Казахстане были предприняты значительные усилия по укреплению и развитию исторического наследия. Современная система образования в Республике Казахстан, как школьного, так и дополнительного неотрывно связана с понятием исторического наследия. Роль и значение исторического наследия в области знаний долгое время недооценивалось и редко рассматривалось в контексте формирования культуры в целом. Изучение истории родного края, истории Отечества, боевых, трудовых и культурных традиций, является важнейшим направлением исторического наследия. Историческая память имеет большое значение в жизни человека. Мы часто задаем себе вопрос, может ли школьный музей влиять на будущее молодого поколения? Музей и история неразрывно связаны, а история – это память. Музей в силу своей специфики обладает значительными потенциальными возможностями. Школьный музей является актуальным средством духовного и нравственного воспитания [1, с.26]. Это один из действенных средств расширения общеобразовательного кругозора. Фундаментальным свойством исторического наследия является способность индивида и общества в целом воспринимать прошлое и связывать его с будущим. Сегодня музей неизбежно затрагивает историю социального, культурного, экономического и технологического развития.

Одним из условий успешного воспитания сельской молодежи является школьный музей. Сделать более интересным изучение истории, наглядно и убедительно рассказать о многих фактах помогает школьный музей. Школьный музей – это кладовая истории, где хранится накопленный опыт предыдущих поколений. Его открытие вызвано необходимостью духовно-нравственного и культурного наследия. Музей является источником популяризации знаний об истории Родины [2, с.266]. В территориальные рамки нашего исследования включены географические границы села Старый Колутон. Школьный музей содержит знания об исторических событиях, жизни и творческой деятельности родного края. Музей имеет большую возможность для формирования личности учащихся в соответствии с требованиями современного общества. Только в музее возникает чувство подлинности о прошлом истории родного края. История Старо-Колутонского музея еще невелика, но заложен фундамент

формированию достойного наследия прошлого. Музей расположен в здании школы, двери его всегда открыты, имея возможность зайти в любое удобное время. Школьники любят приходить в музей. Он сравнительно небольшой по размерам, но весьма интересен. Он создал синтез творческого сотрудничества учителей и учеников. В музее школьники усваивают разноплановый материал. Материалы музея широко используются на различных школьных уроках, классных часах, круглых столах, тематических встречах. Уроки в школьном музее четко ориентированы на школьную образовательную программу. Также следует отметить, что проведение уроков в школьном музее, способствуют повышению престижа образовательной системы.

Использование музейной экскурсии, как метода способствует развитию этнокультурной компетенции обучающихся [3, с. 47]. В работе нашего школьного музея мы, конечно, используем традиционные формы, такие как экскурсии, выставки. Созданный музей начал активные поиски в масштабе всего села. Основными спонсорами сельского школьного музея являются ученики, педагогический состав школы, родители и выпускники прошлых лет, а также сельская общественность. Которые постоянно пополняют и обновляют фонды и экспозиции родного музея. Комплектование фондов музея осуществляется за счет добровольного безвозмездного дарения материалов мемориального характера. Старо-Колутонский школьный музей осуществляет образовательно-воспитательную работу на основе социального заказа образовательного учреждения, которые поступают от общественности. Он стал школой поиска, школой творчества и человеческого преобразования сельской молодежи.

Важно сохранять память о нашем прошлом. С начала основания музея стали собираться материалы историко-краеведческого характера: вещи, документы, фотографии, посвященные событиям Великой Отечественной войны. Фронтовые письма в настоящее время являются основой музейной коллекции. История нашей родины богата различными страницами, и чтобы стать достойными наследниками такой великой истории, нужно, прежде всего знать и помнить ее. Мощным средством воспитания будущего гражданина – патриота является краеведение. Именно поэтому краеведение обладает большими возможностями для привлечения внимания школьников к необычным историческим фактам малой родины. Один из методов исторического наследия является поисковая деятельность [4, с. 84]. В основе краеведения, как науки, лежит исследовательский метод. Историческое краеведение в Старо-Колутонском музее развивается в трех формах: на уроках, факультативных занятиях, во внеклассной и внешкольной работе. Школьное краеведение занимает большое место в образовании и воспитании сельских школьников.

В настоящее время руководителем музея школы является Омарова Куляш Багжановна. С ее слов, музей сельской школы, который не имеет возможности выезжать в дальние экспедиции, занимается поисково-собирательской работой на местах. Мы искали следы прошлого в настоящем,

учились знать, понимать и чувствовать пространство родного села. Краеведческое направление, как правило, является основным направлением работы школьного музея. Собранный по крупицам школьный музей, до сих пор приятно радуется своих посетителей экспозициями. Музейные коллекции хранят уникальные экспонаты, многие из которых сложно увидеть в государственных музеях. Музейная деятельность – это те механизмы, которые активизируют школьника, делая его наследником многовековой культуры. Школьный музей органично вписался в систему проводимых мероприятий, стал местом осуществления культурно-исторической идентификации. Система работы музея – это годовой цикл традиционных мероприятий и экскурсий, в основу которых положены государственные праздники. Активисты школьного музейного движения участвуют в подготовке и проведении массовых мероприятий. Основной контингент посетителей исторического парка, безусловно, – это школьники и сельская общественность. Сегодня наш сельский Старо-Колутонский музей стал важной составной частью образовательного процесса.

На базе Старо-Колутонского школьного музея будут созданы многие проекты, обращенные в будущее. Так как, проблема изучения исторического прошлого волнует сегодня все общество, во главе с учеными [5, с.16]. Старо-Колутонский школьный музей работает в тесном сотрудничестве с учеными разных направлений. Подтверждением является совместная научная деятельность руководителя школьного музея Омаровой Куляш Багжановны с доктором исторических наук, профессором Казахского университета технологии и бизнеса, Ешпановым Владимиром Сарсембаевичем. На их счету несколько совместных научных статей о работе и деятельности школьного музея. Кроме того разработана идея организации исследовательской деятельности через экскурсионно-экспедиционную работу. Запускается проектно – исследовательская деятельность учащихся на базе музея, станет побудителем исследовательской активности детей и средством обогащения учебного процесса. Школьный музей даст возможность учащимся попробовать свои силы в разных видах научной, технической и общественной деятельности. Такая работа способна расширить исследовательскую деятельность школьников. Экспозиции музея успешно инициируют школьников к научно-исследовательской деятельности. Школьный музей стал средством реализации творческих способностей школьников. Увеличить количество материалов для наполняемости музея и организации его дальнейшего развития.

Сотрудничает музей и с общественными организациями. Одной из таковых являются ветераны военных действий, выполнявших интернациональный долг в Афганистане [6, с.312]. В нашем музее есть материалы, посвященные нашим землякам – участникам локальных войн, встречи с которыми регулярно проходят в школе. Силами активистов музея проведена акция «Ветеран живет рядом с нами», в результате которой составлена картотека ветеранов с материалами их боевого пути.

Подводя итоги нашего труда, мы подтверждаем, что на сегодняшний день проблема исторического наследия в среде школьников остается актуальной.

Любовь к родному краю, знания его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Таким образом, сельский школьный музей заставил школьников по-новому взглянуть на прошлое. Сельский школьный музей стал центром и хранителем историко-культурного наследия и традиций школы, в современных условиях. Сохраняя традиции, музей успешно отвечает на вызовы времени [7, с .91]. Школьный музей является активным реализатором всестороннего образования у учащихся Старо-Колутонской школы. Кроме того, музей по праву приобретает статус наставника и надежного партнера для педагогического сообщества.

Ссылки и примечания:

1. Бодунов Г.Н. Музей в образовательном учреждении / Г. Н. Бодунов, Н. Сайкова // Справочник руководителя образовательного учреждения. – 2005. – № 9. – С. 25-27.
2. Зиновьева Ю.В. О функциях музея // Музей в современной культуре. СПб.: СПб ГАК, 1997. – С. 259 – 269.
3. Веселова Е.Г. Школьный музей как уникальная развивающая среда и воспитательная система образовательного учреждения // Мир современной науки. – 2013. – № 16. – С. 44 – 49.
4. Шляхтина Л.М. Основы музейного дела. – М., 2009. – С. 163.
5. Никитина, Е. Е. Взаимодействие школы и музея в образовательном пространстве личности // Ценности и смыслы. – 2013. – № 4(26). – С. 16 – 18.
6. Ешпанов В.С., Омарова К.Б. Школьный музей как центр нравственно-патриотического воспитания (на примере КГУ «ООШ села Старый Колутон» Астраханского района Акмолинской области): сборник трудов конференции // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием – Чебоксары. 2023. – С. 311 – 313.
7. Школьные музеи. Сборник документов. – М., 1987. – 123 с.

УДК 94:355.422.1

П.И. Кайгородов,

кандидат психологических наук,

Ростовский государственный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

**ШАГ В БЕССМЕРТИЕ.
ШТУРМ ВЫСОТЫ 101,0 КУРСАНТАМИ И КОМАНДИРАМИ ЧВВМУ
8 МАРТА 1942 ГОДА**

Аннотация

Материал основан на подлинных исторических документах Матвеево-Курганского краеведческого музея, на исследованиях 2009 – 2010 годов, проведенных учеными Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, и рассказах очевидцев событий. Подвиг курсантов ЧВВМУ им. П.С.Нахимова, которые составляли основной контингент 76-ой морской стрелковой бригады, 3-го гвардейского стрелкового корпуса, 56-й армии.

Ключевые слова: *Миус-фронт, Матвеев курган, курсанты ЧВВМУ.*

Summary

The material is based on original historical documents of Matveev Kurgan local history museum, on researches which were carried out by scientists of the Institute of Socio-Economical and Humanitarian Studies of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, on stories of the eyewitnesses of the events. The heroic deed of the cadets of Black Sea HNI named after P.S. Nakhimov, who were the main contingent of 76-th marine rifle brigade, the 3-rd guards rifle corps, 56-th army.

Key words: *Mius-front, Matveev kurgan, cadets of ChVVMU.*

Восемьдесят один год прошел с марта 1942 года после бессмертной атаки-штурма курсантами и сотрудниками ЧВВМУ имени П.С. Нахимова (тогда ЧВВМУ) высоты 101,0, что под Матвеев-Курганом. В годы Великой Отечественной войны на этой донской земле шли жестокие бои – противостояние советских войск Южного фронта и войск Вермахта на миусском рубеже, обозначающим новые границы Третьего рейха.

Расположение немецких рубежей обороны новой границы Третьего рейха, проходящей по реке Миус

Полтора года стоял так называемый Миус-фронт, держал это противостояние.

Исходя из необходимости перспективных угольных разработок Донецкого края, эти площади были включены в состав новой Германии, границы которой не просто укреплялись, а создавалась глубоко эшелонированная оборонительная система, внешняя сторона которой имела не менее трех современных для тех лет линий обороны. Это хорошо видно на приведенных ниже схемах и картах.

Так сложилась историческая ситуация того времени, что именно нашим курсантам, курсантам ЧВВМУ, волею судьбы, в марте сурового 1942 года, пришлось быть участниками боевых действий на миусском рубеже Южного фронта в составе 76-й отдельной морской стрелковой бригады 3-го гвардейского стрелкового корпуса 56-й армии.

76-я морская стрелковая бригада начала формироваться в ноябре 1941 в г. Минеральные Воды из курсантов и командиров ЧВВМУ, в феврале 1942 прибыла в г. Ростов-на-Дону. Командиром бригады был начальник ЧВВМУ капитан 1-го ранга Апостоли Борис Николаевич. Военным комиссаром – полковой комиссар Стогов С.А. Начальником политотдела – батальонный комиссар Михайлов. Начальником штаба – капитан 2 ранга Цветков А.И.

Численность бригады на 7.03.1942: командного начсостава – 420, рядового и младшего начсостава – 4023. Всего 4443 человека. Из них: моряков – 1435 человек, участников боев – 1174 человека.

Вооружение: автомашин – 44, лошадей – 833, 76-мм пушек – 8, 120-мм минометов – 8, 82-мм минометов – 24, 50-мм минометов – 24, противотанковых ружей – 46, станковых пулеметов – 30, ручных пулеметов – 92, ППД – 213. (Архив ЦАМО, фонд 832, опись 0000001, дело 0016, лист 131. Авторы документа: 3 гв. ск, гв. полковник Гладков. 07.07.1942 г.)

76-я морская стрелковая бригада укомплектовывалась за счет:

а) командного и курсантского состава Черноморского высшего военно-морского училища;

б) краснофлотцев и младших командиров из состава Черноморского флота и Каспийской военной флотилии;

в) рядового и младшего комсостава, прибывшего из госпиталей после выздоровления, из запасных стрелковых полков и по мобилизации из запаса.

(Архив ЦАМО, фонд 1881, опись 0000001, дело 0006, лист 148. Авторы: 76 морсбр, полковник Долганов, капитан 3 ранга Цветков. 20.11.1942 г.)

В конце января 1941 г. бригада передислоцирована в г. Ростов-на-Дону. Здесь, вместе с другими бригадами, она проходила обучение и подготовку для ведения сухопутного боя.

В ночь на 1 марта бригада была поднята по боевой тревоге. В походном порядке моряки совершили марш к миусскому оборонительному рубежу в районе Матвеев-Кургана и заняли оборону на участке Колесниково Матвеев-Курган. Бригада была включена в состав 3-го гвардейского корпуса 56-й армии.

Перед 56-й армией была поставлена задача провести операцию по разгрому таганрогской группировки противника. При этом главный удар наносил 3-й гвардейский стрелковый корпус генерала А.З. Акименко.

Противостояла 56-й армии группировка войск вермахта, в составе: дивизия СС «Викинг» и «Адольф Гитлер», две пехотные дивизии, механизированная бригада, мехполк, до 30-ти артиллерийских батарей, мехдивизия словаков и до сорока танков, частично закопанных в землю; неподалеку расположились четыре кавалерийских полка, а в Мариуполе авиадесантная дивизия.

В этой работе мы покажем некоторый анализ сил и средств противника и наших войск на примере 76-й морской стрелковой бригады и противостоящей ей на 101,0 высоте Миус-фронта немецкой 125-й пехотной дивизии.

Противник занимал командные высоты вдоль западного берега Миуса, крутого и обрывистого. Систему своей обороны гитлеровцы совершенствовали более 3-х месяцев. Враг просматривал пространство на восточном, левом берегу до 2–3-х километров, мог простреливать предполье – полосу местности перед главной полосой своей обороны – и передний край оборонительного рубежа перекрестным автоматным и пулемётным огнем. Его артиллерия пристреляла все подступы. Узлы вражеской обороны включали долговременные и деревоземляные огневые точки, способные выдержать обстрел дальнобойными орудиями и вес тяжелых танков.

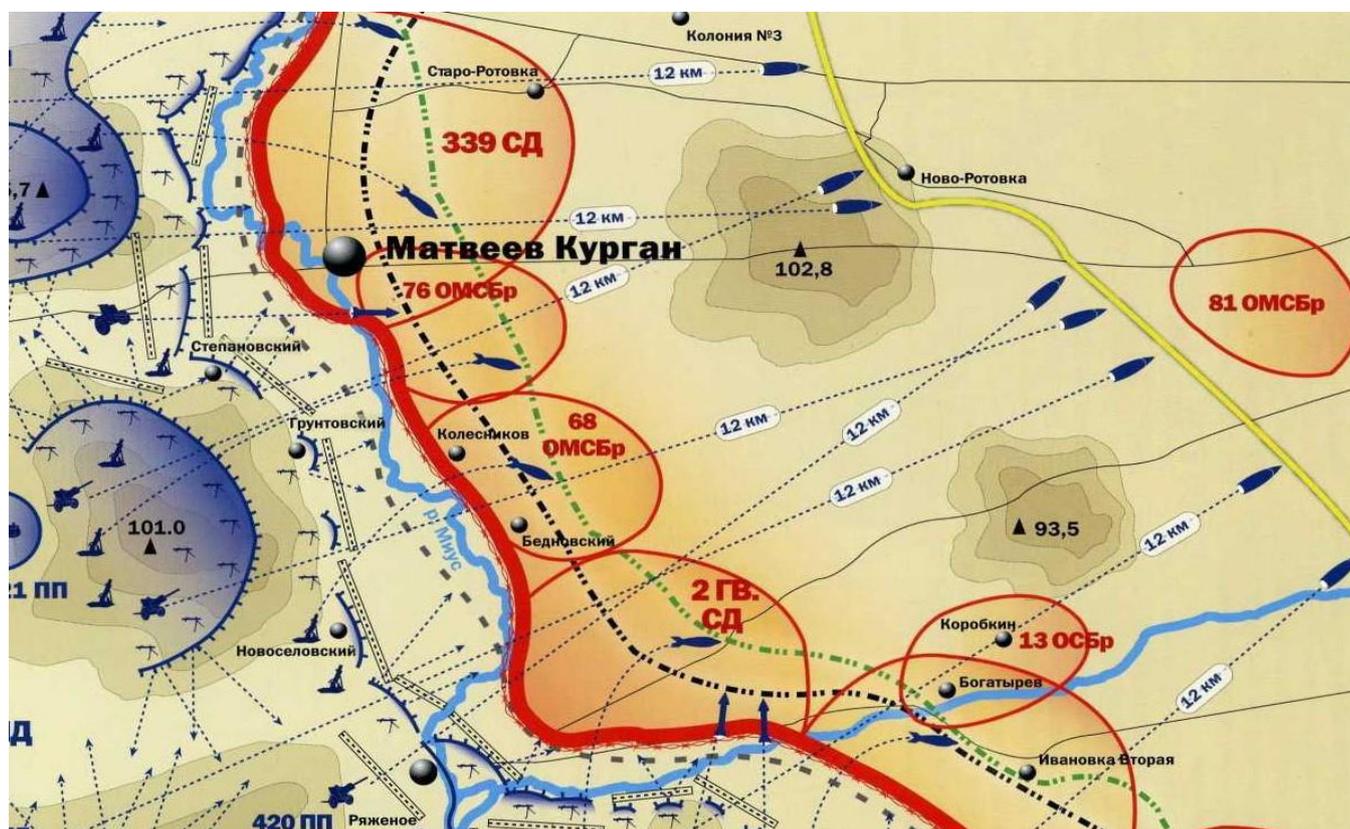
На подступах к ним были установлены проволочные заграждения, другие противопехотные, а также противотанковые препятствия.

Передний край оборонительного рубежа опоясывали минные поля, колючая проволока в четыре ряда и спирали Бруно. Расположение укреплений показано на карте-схеме.

Рассмотрим сопоставимость сил и средств противоборствующих сторон. Анализ показывает, что подразделения вермахта имели существенное преимущество по огневым средствам (см. карту-схему 1, таблицы 1, 2).

Особенности рельефа местности также играли исключительно важную роль в пользу немцев. Их укрепления находились не только на крутом обрывистом берегу реки Миус, но и на господствующих возвышенностях высотой не менее 100 метров над левым берегом реки, откуда начинался штурм 101,0 высоты.

По значимости и масштабам эти бои были сопоставимы лишь с Курской и Сталинградской битвами, сражением за Ржев. За время противостояния советские войска потеряли здесь, на миусском рубеже Южного фронта, 833 тысячи бойцов.

Карта-схема 1— Оборона противником 101,0 высоты, 125 пехотной дивизией вермахта на Миус-фронте в марте 1942 года

Таблица 1

Соотношение сопоставимых сил и огневых средств (усредненные данные на март 1942 г.)

Силы и средства	Вермахт (421-й пехотный полк <u>125-й пехотной дивизии</u>)	РККА (76-я отдельная морская <u>стрелковая бригада</u>)
Личный состав(чел.)	3600	4400
Ручных пулеметов	108	72
Станковых пулеметов	12	36
Минометов 50–51мм	27	32
Минометов 81–82 мм	6	16
Орудий ПТО (37,45,50 мм)	12	12
Полевых орудий (75–105 мм)	6	8
Полевых гаубиц (105–120 мм)	2	8
Тяжелых гаубиц (152–155 мм)	12	

Таблица 2

Огневая плотность боевых порядков немецких войск на 1 км фронта на Миусе (март 1942 г.)

Дотов и дзотов	3–5
Пулеметов МГ-34 (МГ-42)	19–21
Карабинов	250–280
Орудий ПТО	6–8
Минометов (51–81 мм)	4–5
Орудий 75 – 100 мм	3–4
Гаубиц 155 мм	2–3
Противопехотных мин	1200
Противотанковых мин	600
Траншейходов сообщения	2500–2700 погонных метров
Плотность стрелкового огня	20–25 тыс. пуль в минуту
Плотность артиллерийско-Минометного огня	1400–1500 снарядов в час

Представленный материал основан на подлинных исторических документах Матвеево-Курганского краеведческого музея, на исследованиях 2009–2010 годов, проведенных учеными Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, и рассказах очевидцев событий.

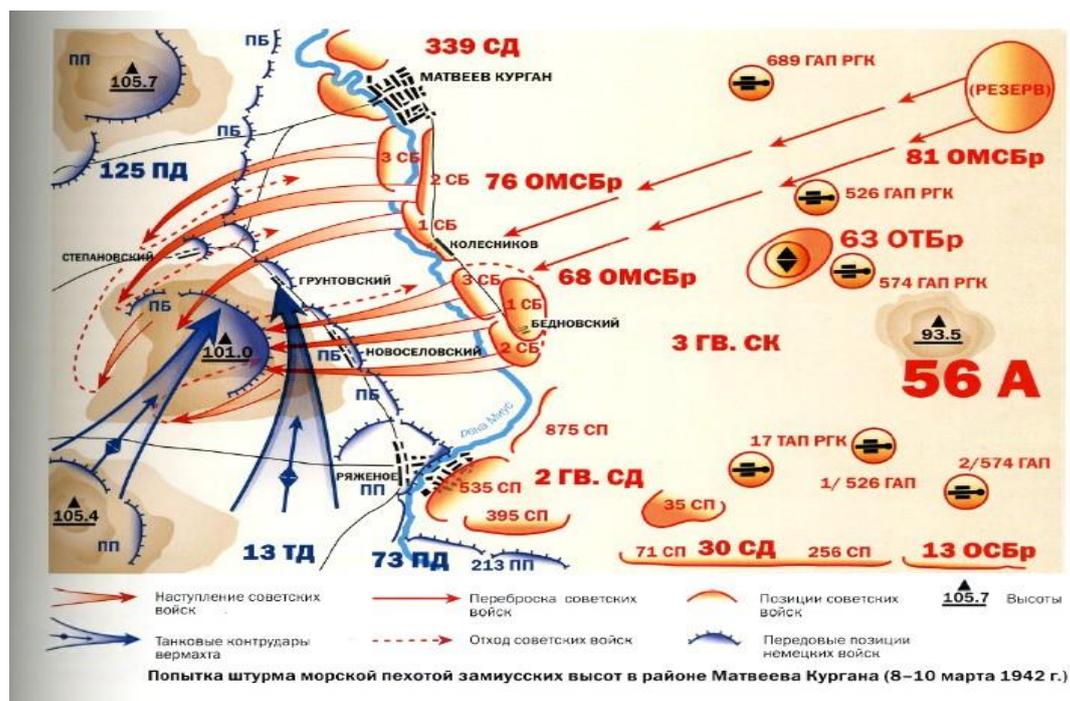
Изложенное выше позволяет объективно оценить всю тяжесть ситуации, в которой происходило боестолкновение 76-й МСБ с подразделениями 125-й ПД Вермахта при штурме 101,0 высоты и попытке прорыва Миус-фронта. История всего лишь одной атаки 8 марта 1942 года рассказывает нам о героизме курсантов и комсостава ЧВВМУ, показывает безмерную любовь и беззаветную преданность своему Отечеству.

Штурм. С целью занятия войсками Южного фронта выгодного исходного положения для развития наступления в обход донбасской группировки противника с юга ставкой маршала С.К. Тимошенко было принято решение о проведении операции по разгрому покровско-таганрогской группировки противника.

Нанесение главного удара планировалось из района Матвеев-Курган – Ряженое. Важной частью наступления был захват господствующих высот 105,7; 101,0; 105,4 на правом берегу Миуса (Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко «Миус-фронт в Великой Отечественной войне 1941/1942 гг. – 1943 г.». Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. С. 64–69).

Общее наступление советских войск началось 8 марта 1942 года. 3-й гвардейский корпус атаковал передний край обороны противника на главном направлении и стал продвигаться вперед.

76-я отдельная морская стрелковая бригада, наступая с южной стороны поселка Матвеев-Курган, прорвала передний край вражеской обороны и вклинилась в его расположение на глубину до 3-х километров, успеху бригады способствовала предварительная подготовка. С 4 марта, когда батальоны заняли отведенные им участки, моряки сразу же приступили к изучению рубежа и поведения противника. Они выяснили огневые средства гитлеровцев, их минные поля и заграждения, пути подхода к переднему краю. Проводили тщательную рекогносцировку местности, согласовали взаимодействие с соседями с 69-й ОМСБ и 339-й СД, с приданными и поддерживающими бригаду воинскими частями.

Карта-схема 2. Штурм высоты 101,0 76 ОМСБ 8 марта 1942 года.

На участке перед бригадой, по гребню господствующей высоты с отметкой 101,0, занимала оборону 125-я немецкая дивизия.

Это было сильное, имеющее большой опыт соединение. Изучив противника, морякам удалось установить, что из-за больших холодов командование дивизии часть солдат отводит на ночь в село Ряженое и в другие близлежащие населенные пункты. С учетом этого командование бригады решило начать наступление в предрассветной темноте, перед общей артподготовкой.

Ветеран бригады А.И. Цветков вспоминает: моряки острили по поводу того, какую «побудку» они устроят гитлеровцам. К четырем часам подразделения 2-го и 3-го батальонов, наступающие в первом эшелоне заняли исходную позицию. Заменяв по традиции шапки-ушанки бескозырками, моряки ринулись на врага. Без единого выстрела они вмиг смяли боевое охранение фашистов, с ходу преодолели заграждения, ворвались в первые траншеи и блиндажи. В жестокой схватке, уничтожая живую силу противника, гвардейцы продолжали продвигаться вглубь его обороны.

К семи часам утра господствующая высота 101,0, ее гребень, была взята, неприступный миусский рубеж был фактически прорван.

«Штурм 101,0 высоты». Картина написана выпускником Харьковского художественного училища Олегом Ивановичем Бувалко в 1968 году к 25-летию освобождения Матвеево-Курганского района от немецко-фашистских захватчиков. Авторское название – «Бой за высоту в Матвеевом Кургане».

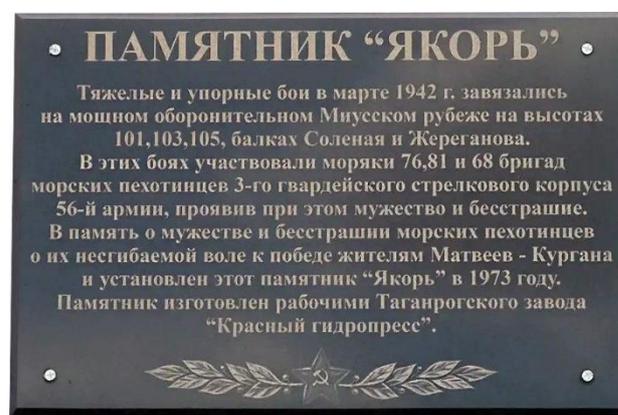
Приведем некоторые эпизоды штурма. Лейтенант Назаров быстрым шагом ведёт батальон к высоте. Бойцы на ходу снимают заснувшую вражескую охрану. Прозвучало несколько выстрелов. Это вызывает пулемётную очередь, одну, другую. Оживают огненные точки противника. Шипя, взлетают вверх ракеты. Засвистели мины, шлёпаясь в боевом порядке наступающей пехоты. Огонь открыт со всех сторон. Но атакующие уже проскочили подножье высоты. Они движутся вперед без остановок. Слышно хриплое дыхание бегущих людей. Уже краснофлотцы сбросили полушубки, летят на снег шапки, бушлаты. Моряки на ходу надевают бескозырки с лентами и в полосатых тельняшках, с автоматами в руках, с гранатами за поясом мчатся неудержимой лавиной. Фашисты пустили в ход тяжелые минометы, артиллерию. Над полем стоит гул. Одновременный шквал огня и стали.

В соседнем подразделении краснофлотец Хомутов с двумя бойцами окружили вражеский дзот. Залегли и никого не выпускают. Немцы ведут из дзота автоматический огонь, но голов не показывают. Они стреляют в слепую: выставит автомат, спрячет голову и строчит. Хомутов целится в руки врагов. Стреляет, и автомат падает. Хомутов швыряет в амбразуру гранату и вслед за взрывом врывается внутрь дзота. Героически действовала и 68-я стрелковая бригада под командованием капитана 1 ранга Иванова. Ее стрелковые цепи шли в атаку левее наступающей 339-й дивизии. Моряки быстро достигли подножия высоты, почти не имея потерь.

Здесь они сбрасывали полушубки и продолжали атаковать врага уже в бушлатах, несмотря на 18 градусный мороз. Бригада овладела хутором Нововесёловки и после упорных боёв вышла на рубеж четырёх курганов северо-западнее села Ряженое. При этом моряки дважды ходили в штыковую атаку. Под дружным натиском моряков-гвардейцев противник в беспорядке отошел. Гитлеровцы, бросая оружие и боеприпасы, отступили с переднего края обороны, затем оставляя вторую и третью траншеи. Лев Никодимович Макаренко вспоминает: «Наступил рассвет, и теперь предстояло взять высоты, а там дзоты, блиндажи, окопы врага. Прорыв нашей бригады и соседней, 76-й, был настолько стремительным, что высоты взяли с ходу. Наш взвод захватил один дзот и батарею 75-мм пушек. Их прислуга сумела уйти вместе с замками орудий. Поэтому не удалось воспользоваться вражеской артиллерией. А она, ох, как бы нам пригодилась, так как в течение всего наступления никто и ничем нас не поддержал: ни артиллерия, ни танки, не говоря уже об авиации». Удержать высоту долго не смогли. Авиация противника подвергла бомбардировке высоту, затем артналёт, и немецкие танки с мотопехотой пошли в атаку. Стрелковый батальон оказал упорное сопротивление, но вынужден был отойти» (В.М. Жуков. «Таганрогское направление», в книге «Таганрог. Огненные годы. 1941–1943». Таганрог, 1994.).

К полудню моряки овладели всеми тремя высотами западнее Матвеев-Кургана: 101,0; 105,7; 105,4. Почти пятьсот фашистов было уничтожено. Казалось, еще рывок, еще чуть-чуть – и оборона противника рухнет и рассыплется под неудержимым натиском морской пехоты. И немецкое командование бросило в бой резерв – двенадцать танков и роту автоматчиков.

Взревели моторы, и, разбрасывая комья снега, танки выползли из укрытий и открыли огонь из пушек и пулеметов. Большинство наших орудий осталось на той стороне Миуса, а у тех, что смогли двигаться вместе с атакующими, закончились снаряды. С винтовкой против танка воевать тяжело, гранаты к тому времени кончились. Моряки стреляли по смотровым щелям, но это было бесполезно, и они гибли, а их тела беспощадно наматывались на гусеницы фашистских танков.

Памятник «ЯКОРЬ» и табличка

Началось уничтожение наших частей. Потери были огромными. Почти все командиры погибли, управления не было. Батальоны, отстреливаясь последними патронами, отходили назад, через более чем километровую полосу предполья, сплошь покрытую телами их павших и раненых товарищей. Атака необстрелянных, необученных ближнему пехотному бою моряков завершилась истреблением 76-й и 68-й стрелковых бригад. В каждой бригаде было по три батальона, в батальонах до наступления было по 700 человек. После окончания боя в батальонах в строю оставалось по 100 или чуть больше человек. Остальные погибли или были ранены. Бригады морской пехоты после этого страшного боя просто перестали существовать как боевые единицы. Снег везде был грязен от пыли и крови. (Морская пехота. Н. Новиков, <http://livinghistory.ru/topic/7413-morskaia-pekhota/page-2>).

Безуспешные атаки наших войск продолжались 9–10 марта. По неполным данным, за три дня общие потери составили более 13 тыс. человек.

Осознав ситуацию, в штабе армии, расположенном в селе Советка, на совещании командного состава решили новый удар нанести южнее.

8 марта 1942 потери только 76-й морсбр составили: убитыми 148, ранеными – 1016, обмороженными – 35, пропавшими без вести – 112, иные причины – 6. (Архив ЦАМО, фонд 832, опись 0000001, дело 0016, лист 63. Авторы: 76 оморсбр, капитан 1 ранга Апостоли, полк. комиссар Стогов.)

С 8 по 25 марта 1942 потери 76-й морсбр составили: убитыми 279 человек, ранеными 1593 человека, обмороженными и заболевшими, пропавшими без вести – 198 человек. (Архив ЦАМО, фонд 1881, опись 0000001, дело 0004, лист 27. Донесение о потерях л.с. 76 морсбр.)

Исходя из вышеуказанных данных о потерях, с учетом донесений 3-го гв. ск за март 1942 потери 76-й морсбр за период с 8 по 10 марта составили: убитыми до 248 человек, ранеными до 1418 человек, пропавшими без вести до 99 человек.

В ходе дальнейших атак этой операции 22 марта около четырех полков противника при поддержке более 100 танков нанесли удар по боевым порядкам 76-й ОМСБР (командир капитан 1 ранга Б.Н. Апостоли). Подразделения бригады и части 339-й стрелковой дивизии, прибывшие для смены бригады, в течение пяти часов вели ожесточенные бои. В этот день они уничтожили 52 немецких танка.

Но это уже другая славная страница истории нашего училища.

На высоте 105,7 стоит обелиск, восьмиметровый якорь. Это памятник морякам и курсантам ЧВВМУ, отдавшим жизни в марте 1942 года за Родину на миусских высотах Матвеев-Кургана.

«У моряка нет трудного или легкого пути. Есть один путь – славный!» (адмирал П.С. Нахимов).

Участники вахты-памяти в июле 2022 года,
выпускники ЧВВМУ имени П.С.Нахимова, у памятника «Якорь».
Слева направо: П.И.Кайгородов, 1978 года выпуска; Ю.Ф.Иващенко, участник
экспедиции; А.А.Бондаренко, 1977 года выпуска

Научное издание

**ЖУРНАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск № 3 (86) 2023 год
под редакцией С.В. Беспаловой

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
22.12.2023 (протокол № 12)*

Редакция сборника

Главный редактор – кандидат исторических наук,
доц. Разумный Виталий Витальевич
Тел.: +7 863 302-07-45
e-mail: v.razumnyiy@donnu.ru

Ответственный за выпуск – Бобровский А.С.

Компьютерная верстка:
Бобровский А.С.
Художественное оформление:
Грудева Е.Г.

Ответственный секретарь:
Посредников Д.В., к-т ист. наук

Адрес редакции научного журнала:
исторический факультет
ул. Университетская 22,
г. Донецк,
283001

**Издательство Донецкого государственного университета
283001, Донецк, ул. Университетская, 22**

Подписано к печати 22.12.2023 г. Формат 60x84/8. Бумага типографская.
Печать цифровая. Условн. печ. лист. 20,06. Тираж 300 экз. Заказ № декабрь 156

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
Серия ДК 1854 от 24.06.2004 г.